

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИТЕКТУРНО-
СТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ
НАУКИ И ТЕХНИКИ**

Сборник научных трудов
Выпуск 5

**Нижний Новгород
2012**

УДК 1: (6+001)

Философский контекст науки и техники. Сборник научных трудов. Вып. 4. –
Н. Новгород: ННГАСУ, 2012. – 154 с.

Редакционная коллегия:

д.ф.н., профессор Зеленов Л.А., д.ф.н., профессор Грязнова Е.В.

Пятый выпуск сборника научных трудов «Философский контекст науки и техники» посвящен актуальным вопросам философии науки и техники. Данный подход является значимым в аспекте ориентации российского общества на модернизацию в сфере науки и техники.

Рекомендуется преподавателям, докторантам, аспирантам и соискателям, работающим в области философии науки и техники, социальной философии, технических, естественных и социально-гуманитарных наук, а так же тем, чьи интересы исследования лежат в области современных проблем науки и техники.

Содержание

1.	Зеленов Л.А. Принцип развития и научное прогнозирование	4 - 14
2.	Урсул А.Д., Урсул Т.А. Неизбежность глобального перехода к устойчивому развитию	15 – 32
3.	Владимиров А.А. Кадровый потенциал модернизации	32 – 36
4.	Зеленов П.Л. Модернизация инвестиционной политики	37 – 43
5.	Грязнова Е.В. От информационного общества к обществу знания	43 – 49
6.	Пасхин Е.Н. Компьютерные обучающие системы как основа информатизации современного образования	49 - 54
7.	Доронин А.С. «Алгократия» - новая система управления в информационном обществе	54 - 64
8.	Хряпченкова И.Н. Человек и общество в зоне влияния глобальных информационных технологий	65 - 74
9.	Шиловская Е. Е. «Издержки» информатизации общества	74 – 81
10.	Ильин А.В. Культура безопасности личности в современном городе	82 - 87
11.	Зеленов А.Л. Модернизация коммуникативной сферы общества.	87 – 94
12.	Агеева Е.Ю. Архитектура провинциальных городов России: опыт культурологического анализа	94 - 98
13.	Крашенинникова Е.С. Научно - техническая природа ансамблевых творений как «философских камней».	98 – 104
14.	Норенков С.В. Научно-техническое проектирование: метаморфозы количественно-качественного измерения	105 – 115
15.	Мартемьянова Е.А. Технический потенциал дизайна	115 – 121
16.	Зеленова А.Л. Реклама – информация, рекламация – коммуникация	121 – 125
17.	Матяева И. Л. Развитие человека как основная задача информационного общества	125 - 130
18.	Соколова Е. Ю. Воплощение идей символизма в музыкальной драме Клода Дебюсси «Пеллеас и Мелизанда»	130 – 135
19.	Булычев Е. П. Изучение образа города в трудах И. М. Гревса	135 – 140
20.	Доронин А.С. Модель социального мира в работах М. Ронцони и Л. Валентини	140 – 149
21.	Торунова М.Н. «Техно» и «био» в борьбе за выживание «эко»	149 – 153

Принцип развития и научное прогнозирование

Зеленов Л.А., д.ф.н., профессор, г. Н. Новгород

Функциональное богатство философии давно выражено хотя бы в традиционном выделении таких ее аспектов, как онтологический, гносеологический, аксиологический, методологический, праксиологический. Уже эти аспекты выявляют такие функциональные значения философии, как учение о бытии, учение о познании, учении о ценностях, учение о методах, учение о деятельности. Гносеологический и аксиологический аспекты фиксируют две грани отражения (познание и оценка) человеком универсума, в результате чего возникает концептуальная картина мира как духовно освоенного универсума. Методологический и праксиологический аспекты обусловлены двумя гранями преобразования человеком универсума, в результате чего возникает среда как практически освоенный универсум. Итоговая модель универсума складывается из этих 4-х отношений человека к универсуму (прошлому, настоящему и будущему) и представлена онтологическим аспектом философии.

Каждый из 5 аспектов-функций философии имеет значение для всех наук, поскольку каждая из них стремится отразить целостно любую грань универсума. А целостность предполагает не только духовное, но и практическое освоение объекта, что мы и видим в процессе исторического развития механики, физики, химии, биологии, социологии и других наук. Традиционное понимание наук как видов познания оказывается недостаточным, потому что развитие наук приводит их к необходимости оценки объектов, выработки методов (моделирование, эксперимент и т.д.) и осуществления практической деятельности с исследуемым объектом. Наличие этих граней у науки и сближает ее с философией : это два типа мировоззрения, номологическое и концептуальное.

В данной статье мы намерены специально говорить только о методологическом значении философии, в частности, о диалектическом методе, а в его структуре только о **принципе развития**.

Принцип развития отражает в себе многие положения диалектического метода: а) закономерность усложнения и возвышения как движения от простого к сложному и от низшего к высшему, б) закономерность снятия и удержания в сложном и высшем этапов простого и низшего состояний явления, в) закономерность проявления противоречия как источника и движущей силы развития. Принцип развития является основанием для становления таких более поздних для науки принципов как принцип генетический (в контрасте структурному) и принцип исторический (в контрасте логическому). Именно на этих трех принципах (развития, генетическом, историческом) и складывается **эволюционная** концепция как концепция единого мирового закономерного процесса развития, которая активно исследуется Пермской Философской школой во главе с профессором Орловым В.В. на протяжении последних 50 лет.

Принцип развития предполагает в процессе эволюции возникновение у явлений более богатых возможностей усложнения и возвышения, которые формируют альтернативные пути развития явления, представленные пермскими философами как магистральный, тупиковый и теновой (латентный). Такое разнообразие возможностей не исключает, а наоборот предполагает научное прогнозирование будущего состояния явлений, возможность перспективной экстраполяции знаний. Если настоящее есть результат прошедшего и указание на будущее (В.Т. Белинский), то возможны и три типа познавательного процесса: ретроспективный (от настоящего к прошлому), перспективный (от настоящего к будущему) и превентивный (исследование настоящего). Наиболее интересным является перспективное познание в Форме научного прогнозирования развития явлений, реализации их богатых потенциалов. Скажем, К.Маркс в своих

исследованиях достаточно безошибочно прогнозировал: а) превращение науки в непосредственную производительную силу общества, б) становление гражданского самодеятельного общества, в) развитие богатства человеческой природы как самоцель общества, г) становление системного метода исследования, д) формирование акционерных компаний, е) обобществление и интеграцию собственности, ж) переход к оплате не только количества, но и качества труда и т.д.

Исследование современных состояний и процессов развития различных социальных явлений позволяет выявить в этом развитии новые, достаточно явные, тенденции становления нового состояния этих явлений в будущем. Можно предположить богатый и разнообразный спектр таких явлений, что может составить специальный предмет анализа. Мы остановимся на характеристике ряда таких перспективных процессов: 1) процесс превращения информационной сферы общества в **коммуникативную** сферу, 2) процесс превращения социальной деятельности в социальную **самодеятельность**, 3) процесс превращения знаков в социальные **символы**, 4) процесс превращения однозначной деятельности в многозначную и многокомпонентную социальную **сферу**.

Коммуникативная сфера. Это понятие пока еще редко используется в научной и обыденной практике. Чаще и постоянно говорят об информационной сфере, об информации, а не коммуникации. Даже наша цивилизация как постиндустриальная называется информативной. Конечно, для такого подхода есть объективные обстоятельства: возрастание приоритетного значения информации, а не вещества и энергии в жизни общества. Да, значение информации всех видов в частности, и социальной информации в жизни людей возрастает, но не будем забывать, что для жизни по-прежнему нужны вещество и энергия, да еще в возрастающем значении и что информация как несомое нуждается в вещественных и энергетических носителях. Но дело даже не в сказанном, а в том, что информация как од-

нонаправленный процесс отличается от коммуникации как двунаправленного процесса. Используя понятия прямой и обратной связи, можно сказать, что информация предполагает только прямые связи двух социальных субъектов: отправителя и адресата «О \longleftrightarrow А».

В представленной модели нет даже синхронной взаимосвязи, а есть только диахронная (разновременная) односторонняя связь: от О к А и от А к О. Анализ таких прямых информационных связей предполагает исследование кодов отправляемых сигналов, предполагающих только **прием** информации, а не реакцию адресата на нее. Отправление информации от адресата к отправителю не приобретает вида обратной связи, потому что не предполагает ответной информации на реакцию адресата со стороны первого отправителя. Иначе говоря, в информационной сфере разворачиваются (при всем богатстве сетей) односторонние, однонаправленные информационные процессы и потоки, не предусматривающие обратных связей, реакций на информацию. Задача отправителя заключается только в **передаче** сообщений, информации, а то как на нее реагирует адресат для отправителя безразлично. Более того однонаправленный информационный процесс а) может быть не принят, не декодирован, б) может быть искажен, деформирован, в) может быть не понят и г) может быть негативно, отрицательно оценен. Философская герменевтика, основанная на семиотике как теории знаковых систем, через понятия "понимание", "интерпретация", "оценка", "согласие", "диалог" и т.п. преодолевает ограниченность информативных связей и оперирует понятиями "социальной коммуникации", "коммуникативных связей", "прямых и обратных связей". Вполне понятно, что без обратных связей не может быть и диалога, и полилога, то есть социального общения: остается только **монолог** отправителя.

Так или иначе, но с середины XX века специалисты все чаще начинают говорить и писать с коммуникативной сфере, о социальной коммуникации, а не только об информационной сфере или социальной ин-

формации. Модель связи отправителя и адресата в социальной коммуникации по форме более простая, но содержательно богаче: "О — А", потому что она отражает **синхронную** информативную связь социальных субъектов. Более того, происходит конверсия О в А, и А в О: взаимообращение.

Вслед за становлением коммуникативной сферы происходит трансформация компонентов информационной сферы: отправитель и адресат - это две функции одного социального субъекта, средства информации становятся средствами коммуникации, информативные коды становятся кодами коммуникации, СМИ (система средств массовой информации) становится СМК (система средств массовой коммуникации), односторонний информативный процесс становится двусторонним коммуникативным процессом, диахронные связи превращаются в синхронные и т.д. Более того, все сферные константы информационной сферы трансформируются в сферные константы коммуникативной сферы: коммуникативные потребности, коммуникативные способности, коммуникативная деятельность, коммуникативные отношения, коммуникативные институты. Открывается возможность восстановить утраченное теорией информации понятие "отношение" вместе "связи", ибо отношение предполагает не только связь на базе сходства, но и ограниченность на базе различия. Это понятие начинает работать, например, в современной социальной конфликтологии в связи с такими ее понятиями как "консенсус", "компромисс", "конфронтация", "катастрофа".

Социальная самодеятельность. Можно отметить и еще одну социальную трансформацию в связи с принципом развития: превращение деятельностей в аналогичные самодеятельности. Скажем, это характерно по отношению к уже привычному понятию "художественная самодеятельность" (она первая и возникла, потому что "каждый человек по натуре своей художник" М. Горький). Но в ряде случаев сущность самодеятельно-

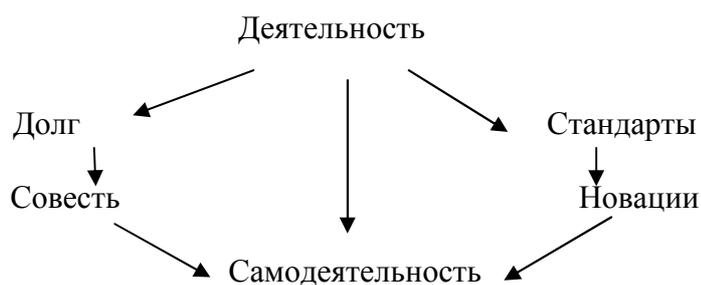
сти вуалируется другими понятиями: самолечение в медицине, самоуправление в управленческой сфере, физкультура в спорте, рационализация и изобретательство в технике, наставничество и шефство в педагогике, предпринимательство в экономике. Более того, к самодеятельности во всех ее формах нередко существует негативное отношение, поскольку самодеятельность отождествляют с анархией, отступлением от норм и стандартов. Но этот негатив идет от Деятельности, потому что она нормативная, стандартная, стереотипная, "не свободная".

Необходимо вспомнить определение самодеятельности К. Марксом как «свободной деятельности». Любимое «демократами» понятие свободы не игнорируется, а обогащается своим отношением к деятельности как функциональному стержню общества, как способу существования людей, как социальной константе. Если самодеятельность **обоюдна**, то в чем состоит несвобода деятельности. Взяв за основу анализа две родовых сущностных силы человека - потребности (побудительная сила) и способности (деятельная сила) можно открыть секрет несвободы деятельности и свободы самодеятельности. Как известно, именно единство потребности (хочу) и способности (могу) определяет существование деятельности, но эти два слагаемых экстраполируются и в самодеятельность только в иной социальной форме.

Если деятельность основана на внешнем долженствовании, на долге, на необходимости, на внешнем стимуляторе (не зря говорят о материальных и моральных стимулах труда) - побудительная сила, то самодеятельность основана на внутренней мотивации, на совести, на субъективном "хочу" (интерес, страсть; пафос, убеждение).

Если деятельность основана на стандартных, нормативных, стереотипных способах, приемах, технологиях (социокультурные программы) - деятельная сила, то самодеятельность основана на творческих, креативных,

новаторских способах, методах, технологиях (на новациях, а не на инновациях).

Задача формирования личности как самодеятельного субъекта истории и заключается в воспитании у нее внутренней мотивации деятельности и творческого подхода к ее осуществлению. Если в системе социализации личности формирование мотивационной культуры входит в санкцию воспитания, то формирование креативной культуры входит в функции образования и обучения (творческие знания и творческие умения). Отсюда и единство образования, обучения и воспитания в педагогической деятельности и единство самообразования, самообучения и самовоспитания в педагогической самодеятельности.

Если говорить об историческом процессе развития деятельности, то вполне можно фиксировать общесоциологическую закономерность трансформации деятельности в самодеятельность во всех сферах общественной жизни: художественной, научной, медицинской, экономической, педагогической, экологической, физкультурной, управленческой.

Эта закономерность свидетельствует о ряде объективных тенденций развития человечества:

- 1) о тенденции формирования внутренней мотивации деятельности,
- 2) о тенденции формирования творческого отношения к деятельности,
- 3) о возрастании значения совести в деятельности человека,
- 4) о возрастании значения новаций в деятельности человека,
- 5) о тенденции превращения человека в личность,

- б) о тенденции освобождения человека от всех видов отчуждения,
- 7) и как итог о тенденции движения к Коммунизму.

Мы выстроили выше алгоритм движения человечества к коммунизму в логике исследований К.Маркса в «Капитале» и в «Экономических рукописях 1859-1861 гг».

Социальные символы. Развитие семиотики, аксиологии, а затем теории вторичных моделирующих систем (работы Сосюра, Риккерта, Лосева, Лотмана) в конце XIX и середине XX веков постепенно превращали учение о знаковых системах в учение о социальных символах. Становление герменевтики усилило этот процесс. Но становление и развитие семиотики, аксиологии, герменевтики как комплексных наук о знаках, ценностях и понимании было приостановлено возникшей во второй половине XX века модой на постмодернизм с его принципами эклектики, плюрализма и субъективизма. Наиболее очевидным является проявление постмодернизма в культурологии. Область аморфной, многозначной, неопределенной и неопределимой культуры оказывается адекватное постмодернизму, потому что именно в этой области он находит ту же эклектику, плюрализм и субъективизм.

Человек нуждается в определенности и ясности понятий, функций, знаков, сигналов и т.п. Это дисциплинирует его деятельность, делает ее осмысленной, но этой определенности в свое время не смогли выработать названные выше науки (семиотика, аксиология, герменевтика), поэтому постмодернизм и воспользовался "смысловым пространством" (природа не терпит пустоты). Возникли такие удобные постмодернизму термины как имидж, брэнд, резوما, дискурс, "смерть автора", нарратив и т.д. Подхваченный СМИ и рекламной сферой пест модерн стал массовым явлением: плюрализм приветствуется, эклектика одобряется, субъективизм (о вкусах не спорят) стал нормой жизни.

Абстрактные знаки через рекламу становятся социальными **символами**. "Знак становится сигналом ситуативно", - писал в 60-ых годах XX в. академик Петровский. Но реальная, а тем более виртуальная реальность делает знак не только сигналом, но и символом. Если сигнал - это материальный носитель информации, то символ становится средством социальной коммуникации, средством двусторонних связей или еще сильнее - отношений людей. Специфика символа состоит в том, что он выполняет функцию репрезентации не себя, а другого через себя: русалка - символ кокетства, голубь - символ мира, деньги - символ товарного мира, Прометей - символ учителя, сфинкс - символ физической и духовной силы и т.д. Традиционная символика постмодернизма наполняется новыми модными символами, прежде всего богатства и власти: «Рублевка», «валюта», «Канары», «шоу-бизнес», «мерседес», «бригада», «мачо», «плей-бой» и пр. Криминальная терминология смешивается с бизнесменской, спортивной, элитной, финансовой, политической, оккультной и т.д. и является эклектической символикой телевизионной и рекламной повседневности. Кстати, понятие "повседневности" возводится в ранг научного, а "идеология" стала конституционно запрещенным понятием.

Вся эта и иная символика обрушивается СМИ на голову современного человека, приводя его в состояние растерянности, безысходности, страха и хаоса, что, как известно, в истории завершалось становлением диктатур и деспотических режимов под восторг **толпы**. Постмодернизм и превращает сообщество людей не в коллектив, а в Толпу ("трамвайный коллектив"), что давно проанализировано Лебоном, Ортегой-и-Гассетом, Г.Маркузе. Пытался Римский клуб с 1970 года вместе с А.Печчеи ("Человеческие качества") противостоять этому безумному миру социума, но гуманистические обращения ученых к властям остались без ответа: получилась односторонняя информация, а не двусторонняя коммуникация. Римский клуб прекратил свое существование. Попытка ряда ученых через

ООН выйти на Программу развития индикаторов человеческого потенциала (с 1990 г.) пока ограничивается информацией о негативном состоянии этих индикаторов в абсолютном большинстве стран планеты (5-6 стран впереди).

Социальная сфера. Еще одно наблюдение за развитием общества и развитием учений о нем показывает интересную перспективу превращения теорий различных деятельностей в теории соответствующих сфер социума. С одной стороны, это выявляет кардинальное значение деятельности как сферообразующего явления и понятия; с другой стороны, восполняет отсутствие в социологии прежде всего, а также в других общественных науках интегрального социального понятия "сфера", "сфера социума". «сфера общественной жизни». Здесь можно провести аналогию с общей экологией и социальной экологией, которые значительно преуспели в анализе своего предмета благодаря понятию "сфера": литосфера, гидросфера, атмосфера, биосфера, ноосфера. Если мы знаем, из каких сфер (областей, систем, подсистем) состоит неживая и живая природа, то не пора ли нам разобраться в сферной проблематике социума; понятие сферы, генезис сферы, типология сфер, состав и структура сферы.

Эвристическое значение деятельности состоит в том, что именно она как (функциональный стержень общества, как способ существования человека, как социальная константа выводит на понятие сферы, поскольку а) деятельность предполагает субъектные основания своего существования в виде потребностей и способностей как родовых сущностных сил человека и б) деятельность генерирует все структурно-организационные явления общества, которые сводятся к социальным отношениям и социальным институтам.

Иначе говоря, при помощи деятельности удастся выйти на анализ Составы и Структуры сферы, т.е. на ее системный анализ:

Например, экономическая сфера общества включает в себя экономические потребности, способности, деятельность, отношения и институты. В связи с этим открываются перспективы построения теории экономической сферы общества с 5-ью ее разделами. Подобное можно сказать о теории медицинской сферы, теории педагогической сферы, теории художественной сферы и т.д., т.е. о **всех** теориях социальных сфер, построенных на основании соответствующей им деятельности. В частности, информационная или коммуникативная сферы общества вполне могут быть построены по данной модели: теория информационных или коммуникативных потребностей, теория информационных или коммуникативных способностей и т.д.

На основании такой исторической трансформации деятельности в сферу, т.е. на основании тенденций развития деятельности можно прогнозировать не только становление новых сфер в социуме, но и возможность построения соответствующих им общих теории с одинаковой, инвариантной структурой.

Этим и занимается на протяжении 40 лет Нижегородский Философский клуб на базе ННГАСУ(1969 - 2011 г.г.).

Неизбежность глобального перехода к устойчивому развитию

Урсул А.Д., д.ф.н., профессор, академик АН Молдавии, г. Москва

Урсул Т.А., д.ф.н., профессор, г. Москва

Первое столетие третьего тысячелетия оказывается особым, критическим в развитии и даже существовании нашей цивилизации, поскольку в этом веке решается судьба человеческого рода на планете, его выживания и сохранения окружающей природной среды. Дальнейшее продолжение существования человечества на планете считалось само собой разумеющимся и мало кому приходило в голову, что обычная хозяйственная деятельность весьма опасна для него же и уже в этом столетии может привести к губительным последствиям. Если мировое сообщество не примет необходимых, достаточно эффективных, действий, то может разразиться социально-экологическая катастрофа планетарного масштаба, либо иная, связанная с обострением других глобальных проблем и угроз.

Стало очевидным, что для того, чтобы человечество смогло выжить, необходимо коренным образом трансформировать процесс социально-экономического развития, изменив многие общечеловеческие ценности, цели и ориентиры, сформировавшиеся в современной модели неустойчивого развития – НУР (так на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. – ЮНСЕД в Рио-де-Жанейро была названа та форма развития, по которой продолжает пока развиваться наша цивилизация). На ЮНСЕД было принято беспрецедентное историческое решение изменить модель, или форму мирового развития, превратив неустойчивое развитие цивилизации, чреватое умножением опасностей и угроз, в том числе и глобальных, в устойчивое развитие (УР).

Вполне понятно, что речь идет о формировании в будущем глобальной социоприродной коэволюционной системы, способной разрешить массу противоречий, которые проявляются в наше время. Среди этих про-

тиворечий – противоречие между природой и обществом, между экологией и экономикой, между развитыми и развивающимися странами, между настоящим и будущими поколениями, между уже существующими потребностями людей и разумными потребностями и т.д. и т.п. Именно на консенсусно-коэволюционном пути разрешения этих противоречий и должна сформироваться новая форма, или, как уже принято говорить, модель развития (пока качественная, а не количественная или компьютерная), которую именуют моделью устойчивого развития и которая описывается совокупностью принципов и требований, выполнение которых оказалось бы вместе с тем и способом решения глобальных проблем цивилизации и устранения негативов глобализации

Именно в последние столетия и особенно очевидно – десятилетия – весьма масштабно и четко проявились негативные черты стихийного развития социальной ступени эволюции. Продолжение этого типа – некоэволюционно-экономическое развитие, если его экстраполировать в отдаленное будущее - приводит к мысли о том, что человечество как типичная и пока единственная известная форма социальной эволюции не «впишется» в супермагистраль глобальной эволюции и, следовательно, как и все другие «неуниверсальные» (боковые) формы деградирует. Представляется важным вернуть цивилизационный процесс в безопасное русло основного прогрессивного процесса эволюции в мироздании.

В дальнейшем изложении мы будем исходить из предположения, что социоприродное развитие можно еще вернуть на супермагистраль глобальной эволюции благодаря трансформациям, которые обеспечат цивилизационному процессу УР. Основная идея перехода к УР заключается в том, что будет сформирована новая форма (способ) взаимодействия природы и общества, которая могла бы обеспечить выживание человечества и сохранение его естественного фундамента – биосферы (что часто

формулируется как спасение планеты)¹. Нынешнее стихийное развитие человечества ввергло его в глубокий антропоэкологический кризис, который может уже в XXI веке привести к планетарной катастрофе и, возможно, к гибели большей части всего живого (омницид).

Важно подчеркнуть, что в отличие от предыдущих проектов «светлого будущего», которые также претендовали на глобальный масштаб, в данном случае имеется в виду не только внутрочеловеческие проблемы, но и взаимоотношения общества с природой, т.е. более широкая система эволюции «человечество – биосфера». УР выступает как стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы², т.е. как безопасное социоприродное развитие. Или, как разъясняют Н.С. Касимов, Ю.Л. Мазуров и В.С. Тикунов: «потребление природных благ не должно превышать естественных ограничений, обусловленных параметрами природной среды нашей планеты»³. Концепция УР по их мнению – это идеология баланса интересов поколений в рамках экологической парадигмы, предписывающей справедливое распределение ограниченных природных благ.

Существует достаточно много отличий модели неустойчивого развития (НУР) и модели УР. Основное отличие заключается, конечно, в том, что новая модель дает возможность человечеству выжить, а биосфере сохраниться как естественному фундаменту любой жизни на нашей планете. Это главное отличие связано с разрешением социоприродных противоречий и проявляется более конкретно в особенностях функционирования обеих моделей.

¹ См.: Барлыбаев Х.А. Глобализация: за или против устойчивого развития. М., 2005.

² См.: Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию // Российская газета. 1996. 9 апр.

³ Касимов Н.С., Мазуров Ю.Л., Тикунов В.С. Концепция устойчивого развития: восприятие в России // Вестник РАН. 2004. Т. 74. №1. С. 29.

Модель НУР справедливо именуется экономоцентрической моделью, поскольку главное предпочтение здесь отдается именно экономике, построенной на рыночных принципах, которые институционально узаконены в глобальном масштабе. С этой точки зрения действия людей подчинены максимизации прибыли, росту экономической эффективности (производительности, рентабельности, прибыли, выгоды, дохода и т.д.). Экономика оказывается приоритетом в модели НУР и это одно из главных отличий этой модели от модели УР.

Для сравнения можно привести приоритеты устойчивого развития, которые приведены в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»¹:

– повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения;

– экономический рост, который достигается прежде всего путем развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал;

– наука, технологии, образование, здравоохранение и культура, которые развиваются путем укрепления роли государства и совершенствования государственно-частного партнерства;

– экология живых систем и рациональное природопользование, поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны;

– стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство, которые укрепляются на основе активного участия России в развитии многополярной модели мироустройства.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Безопасность Евразии. 2009. №2.

Как видим, эти приоритеты составляют более широкую систему, чем в современной модели развития, в которой доминирует экономика (в ущерб целостному представлению о человеческом развитии и существовании). Между тем, чаще всего в литературе по УР полагают, что УР представляет в основном системную взаимосвязь экономики, экологии и социальной сферы в совокупной человеческой деятельности. Это, однако, не так и расширение сферы взаимосвязи приоритетных направлений деятельности будет продолжаться как в глобальном, так и в национальном и региональном ракурсах.

Поставив вопрос о динамике демографических процессов в эволюционном переходе к УР, мы сталкиваемся с проявлением ряда противоречий в понимании этой проблемы. С одной стороны, человечество в своем планетарном масштабе не должно численно изменяться таким образом, чтобы исчезнуть с лица Земли, как это уже случилось с подавляющим большинством биологических видов. Это означает, что человеческий род, будучи уникальным не только как биологический вид, но и как новая социальная ступень эволюции материи, должен воспроизводить свою численность на необходимом уровне, ниже которого уже не сможет сохраниться. Тем самым, для реализации УР необходимо не переходить некоторый, пока не установленный, нижний предел воспроизводства народонаселения планеты.

С другой стороны, устойчивое эволюционное существование имеет и верхний предел (тоже пока точно не определенный) численности народонаселения. Считать, что чем больше будет населения на планете, тем полнее будут реализовываться цели УР, тоже нельзя. Ведь биосфера, как и вся планета, имеет пространственные, ресурсные и другие ограничения и эволюционный коридор своей естественной устойчивости, т.е. несущую емкость биосферы и планеты в целом. Эта устойчивость как естественная безопасность может нарушиться, и тогда произойдет глобальная катастро-

фа. Беспредельное увеличение численности населения (о котором мечтал, например, русский антропокосмист Н.Ф. Федоров) уже может разрушить наш общий дом с другими живыми существами, т.е. весьма вероятен омницид.

Из двух главных и взаимосвязанных целей перехода к социо-природному УР – антропоцентрической (сохранение человечества) и биосфероцентрической (сохранение биосферы) – наиболее приоритетной является продолжение существования, выживание человеческого рода. Именно с такой целью и предложена была идея перехода к УР. С помощью этой идеи предполагается "обмануть" природу, которая на протяжении всей биологической эволюции последовательно уничтожала все появляющиеся виды живых существ, отводя им средний срок существования на планете всего в несколько миллионов лет. Мы вряд ли найдем в современной биосфере какой-то вид, исключая некоторые микроорганизмы, которые существовали бы на протяжении миллиардов лет. Во всяком случае, среди долгожителей нашей планеты не существуют такие крупные животные, как человек.

Но человек в темпоральных сроках существования не желает подчиняться естественным законам эволюции биосферы и благодаря своему разуму и другим социальным качествам, отличающим его от животных, стремится продлить свое бытие на неопределенно долгие времена. Теоретически такая идея вовсе не противоречит естественным эволюционным процессам, особенно на главной и перманентно-прогрессивной траектории эволюции во Вселенной (супермагистрали глобальной эволюции).

Поэтому можно считать, что идея выживания человечества через переход к устойчивой эволюции в принципе может быть реализована и в устойчивой демографической эволюции. Демографическая устойчивость – это, на наш взгляд, самый главный вид устойчивости, который должен

реализоваться при эволюционном переходе к новой цивилизационной парадигме.

В такой "демографической форме" этот вывод не был четко сформулирован в публикациях по проблемам УР. Между тем, совершенно ясно, что глобальная демографическая безопасность и устойчивость – это то, что лежит (как некоторое "центральное ядро") в основе эволюционной по своей природе идеи перехода к УР. Все остальные упомянутые и другие виды устойчивости и безопасности явно или неявно направлены на реализацию главного вида "человеческой устойчивости" – эволюционной устойчивости глобально-демографических процессов как основного индикатора выживания цивилизации.

Возможность реализации в будущем этой идеи, выдвинутой Н.Ф.Федоровым, К.Э.Циолковским и другими русскими "космистами", представляет важную характеристику социального мира, отличающего его от мира биоты. С этих позиций вряд ли идею устойчивости глобальной демографической эволюции следует рассматривать как очередную "антропошовинистическую" идею.

Результатом хозяйственной деятельности по принципу максимизации прибыли (рост экономической эффективности) является рост экономики, что является как позитивной чертой экономоцентрической модели социальной эволюции, так и ее негативными последствиями в социальном плане (нищета, бедность, неграмотность и т.д.) и экологическом аспекте (загрязнение, потеря биоразнообразия, истощение природных ресурсов и т.п.). Существуют и другие позитивные и негативные черты и последствия рыночно-экономоцентрической модели, которые, проявляясь в той или иной форме в процессах глобализации, обострении глобальных проблем и процессов, привели к планетарному социоприродному (социально-экологическому) кризису с перспективой перерастания в планетарную катастрофу.

Эта возможная катастрофа связана, прежде всего, с перспективой утраты биосферой планеты своей устойчивости. Устойчивость биосферы и ее экосистем – это способность поддерживать свое функционирование и возможность реализовать дальнейшие эволюционные процессы, восстанавливаться после нарушений и негативных воздействий. Это обеспечивается благодаря огромному биологическому разнообразию (число биологических видов на планете составляет много миллионов, возможно, несколько десятков млн). Именно это разнообразие сформировало компенсаторно-восстановительные и регулятивные механизмы, гарантирующие в определенном диапазоне гомеостазис системы «биота-планета». Причем стабильность планетарной экосистемы обеспечивается дублированием звеньев биогеохимических циклов и взаимозаменяемостью ее составляющих. Чем больше биоразнообразия, тем стабильнее экосистема, в то время как одно- либо двухвидовые сообщества (биоценозы) оказываются нестабильными.

В силу своей биосферной системности и масштабности приоритетное место в понятии "несущая емкость экосистем" занимает экологическая, а не природоресурсная составляющая и именно она определяет естественные ограничения, хотя необходимо обе составляющие учитывать одновременно. Разрешение упомянутого социоприродного противоречия означает проведение хозяйственной и иной деятельности человека в пределах несущей емкости экосистем, а человечества в целом – в границах этой же емкости биосферы. Собственно, это и есть переход к устойчивому развитию как в отдельно взятом "экосистемном масштабе", так и в планетарно-глобальном ракурсе, когда будут гармонично сочетаться адаптирующая и адаптивная виды деятельности, что должно привести к соразвитию (коэволюции) природы и общества.

Для того чтобы реализовалась планетарная политическая парадигма УР в необходимом «созвучии» с будущими экономическими трансформа-

циями, эти последние, по мнению американского исследователя Г.Т. Мартина, должны быть заменены экономическими механизмами, которые уходили бы от атомистической конкуренции в рамках слепых рыночных сил, от форм экономических конфликтов, войн и шантажа к появлению устойчивых форм экономического взаимодействия, которые не уменьшают благосостояния или ресурсов, доступных будущим поколениям, и дают возможность долгосрочного планирования и предвидения для обеспечения жизнеспособного будущего всему человечеству¹.

Речь также идет о формировании так называемой «глобальной справедливости», которая, на наш взгляд, может в той или иной форме реализоваться на определенном этапе планетарного перехода к устойчивому развитию. Глобальная справедливость должна будет представлять собой политический и экономический процесс согласования интересов и разрешения противоречий без применения насилия и в той или иной форме может характеризовать процесс перехода к УР, в отличие от исторически сложившейся несправедливости в модели НУР, где преобладают силовые решения этого разрешения. Здесь также на приоритетное место выступает глобальная деятельность как основная форма согласования интересов индивидов (и их представлений о глобальной справедливости) и политических институтов государственного и международного масштабов для решения глобальных проблем и оптимизации глобальных процессов в интересах перехода к устойчивому развитию. В отличие от представлений о целях социальной, особенно экономической деятельности в модели НУР, глобалистика, воспринявшая и ориентирующаяся на цели устойчивого развития, рассматривает не только отдельного человека и группы (социумы), но и все человечество в целом как целостный субъект глобальной деятельности. Деятельности, которая преследует цель выживания не только

¹ См.: Мартин Г. Т. Всемирное правительство // Глобалистика: Энциклопедия. М., 2003. С. 142-143.

отдельного индивида, но и всего человечества в условиях сохраняющейся окружающей среды.

Цели и принципы УР как модели социоприродного коэволюционного развития пока еще не существующего, но желаемого типа развития предполагают трансформацию способа природопользования (взаимодействия природы и общества), поскольку современные методы освоения природных ресурсов во всем мире не обеспечивают оптимального и устойчивого использования природно-ресурсного потенциала, приводя к его истощению и деградации.

Природно-ресурсный потенциал биосферы, исходя из целей УР, должен удовлетворять как потребности ныне живущих на планете поколений людей, так и будущих поколений (число которых сейчас невозможно оценить), а также должен в принципе обеспечить выживание человеческого рода и его длительное (неопределенно долгое) по историческим отрезкам времени существование. Для УР человечества необходимо создать новый, отличающийся от существующего, способ освоения природных ресурсов, который обеспечивал бы как выживание и неопределенно долгое бытие цивилизации (как своего рода бессмертие человеческого рода), так и сохранение биосферы как основного источника этих ресурсов и экологических условий существования всей жизни на планете. Этот принцип оптимального использования природных ресурсов (отличающийся от природоразрушающего современного способа использования природы) должен исходить из необходимого равенства в благоприятных экологических условиях и потреблении ресурсов как нынешними, так и будущими поколениями людей (сейчас же мы живем за счет будущих поколений и усиленной деградации природы).

А это означает, что для обеспечения УР цивилизации необходимо в максимальной степени использовать воспроизводимые и тем самым неограниченные во времени источники энергии и других ресурсов. Для

населения планеты Земля воспроизводимым базовым источником энергии является энергия Солнца, а также обусловленные ею механическая энергия воды и воздуха, т.е. гидросфера и атмосфера Земли. Поэтому создание в будущем прямых технологий получения энергии от Солнца является актуальной стратегической задачей для современного человечества (и в этом направлении ведутся работы)¹, ибо только в этом случае оно сможет «расплатиться» с будущими поколениями за использованные невозобновляемые природные ресурсы. К этому можно добавить, что через несколько десятилетий станет возможным не только более широкое использование солнечной энергии на поверхности планеты, но и в космосе, а также внеземных ресурсов.

Между тем в ближайшие десятилетия генеральная стратегия устойчивого использования природно-ресурсного потенциала будет связана не с космическим направлением (хотя его, как далее будет показано, нельзя исключать из долгосрочных стратегических целей перехода к устойчивому социоприродному развитию) как своего рода продолжением экстенсивного пути освоения природных ресурсов. В условиях существующих планетарных ограничений хозяйственной деятельности важно перейти на рассмотренный выше интенсивный путь развертывания этой деятельности, в частности, на интенсификацию производства и других видов активности людей, которая основывается в сфере природопользования на принципе все большего обеспечения замены невозпроизводимых природных ресурсов на воспроизводимые либо практически неисчерпаемые ресурсы. Если бы использовались только воспроизводимые природные ресурсы для хозяйственной деятельности и, прежде всего, для производства, то это был бы идеальный вариант перехода на коэволюционное взаимодействие общества и природы, включая устойчивое природопользование.

¹ См.: Энергия будущего. 2004, декабрь (пилотный выпуск); Энергия будущего. М., 2006.

Однако этот вариант может выступать в качестве цели перехода к УР лишь частично, так как замена всех невозпроизводимых ресурсов на воспроизводимые невозможна (как невозможно полностью безотходное производство). Поэтому, исходя из целей УР, важно минимизировать (и оптимизировать) использование невозпроизводимых природных ресурсов. Это своего рода принцип минимакса – минимальное использование невозпроизводимых ресурсов при максимуме включения в хозяйственную деятельность воспроизводимых (неисчерпаемых) ресурсов. Важно было бы установить как на содержательном, так и на формально-математическом уровне связь поступающих на «вход» производственно-технологического процесса природных ресурсов с его «выходом»: ведь использование воспроизводимых ресурсов должно быть связано с большей утилизацией отходов, чем использование невозпроизводимых ресурсов, что должно обеспечивать большую экологическую безопасность хозяйственной деятельности.

В модели устойчивого использования природных ресурсов, сопряженного с максимально возможной экологической безопасностью, важны не только «входные» – потребительские характеристики и вид природных ресурсов, но и «выходные» воздействия, влияющие на природную среду то, что является результатом производственной деятельности, как в виде полезных продуктов, так и отходов, и других негативных последствий. Их воздействие на состояние окружающей природной среды и природно-ресурсный потенциал изменяет его структуру, снижая возможности замены невозпроизводимых ресурсов на воспроизводимые. Поэтому нам представляется целесообразным, наряду с критерием устойчивости потребления природных ресурсов, ввести и показатель, характеризующий выходные параметры хозяйственного (производственного) процесса, указывающий на соотношение результатов использования природных ресурсов – полезных и вредных для общества и окружающей природной

среды, особенно, если она пространственно ограничена. Речь идет о своего рода максимине интенсификации хозяйственной деятельности, когда максимально полезные для общества результаты получаются при минимуме негативных воздействий на окружающую среду.

Высказанные соображения свидетельствуют в пользу соединения в единую систему входных и выходных параметров, минимакса потребления и максимина интенсификационной хозяйственной деятельности, устойчивого использования природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности. В этом случае формируется более системный подход к проблеме устойчивого использования природных ресурсов, что более точно позволит определить не только структуру и количество природных ресурсов на входе, но и осуществляемый технологический процесс, и меры по обеспечению экологической безопасности хозяйственной деятельности, и используемый более системный управленческий процесс на всех стадиях – от получения необходимого научного знания до создания технологий и производства материалов и энергии, удовлетворяющих «устойчивые», т.е. рационально-коэволюционные потребности общества.

Предполагаемый более системный управленческий процесс в своей основе должен разрешать упомянутое основное социоприродное противоречие, а значит основным средством (методом) управления процессом замены невозпроизводимых природных ресурсов на воспроизводимые является организационно-управленческий (а не рыночно-экономический) механизм. Это означает, что существенно повысится роль государственного и наднационального (включая будущее глобальное) управления переходом к УР и вообще роль государств и их коалиций как субъектов

этого перехода. Кроме того, появляется необходимость формирования глобальной функции управления переходом к УР всего мирового сообщества¹.

В рамках этой глобальной функции управления имеет смысл специально выделить управленческое обеспечение устойчивого использования природно-ресурсного потенциала, так как оно имеет планетарный масштаб и именно борьба за ресурсы выражает основные геополитические интересы в современной модели (неустойчивого) развития. Решение проблемы устойчивого природопользования в одной отдельно взятой стране в принципе нереально, поскольку переход к новой модели цивилизационного развития возможен только в планетарном масштабе. Поэтому процесс постепенной замены невозпроизводимых ресурсов на воспроизводимые связан с научно-технологическими, экономическими, социальными, экологическими, политическими и другими факторами и проблемами. Процесс «вытеснения» невозпроизводимых ресурсов должен идти в планетарном масштабе и именно устойчивое природопользование является тем центральным звеном, от которого в первую очередь зависит переход человечества на новую магистраль развития, включающую в себя справедливое распределение ресурсов (и доступ к ним) как для нынешних, так и для будущих поколений.

Если это так, то по иному могут рассматриваться и функции любого государства, переходящего к УР, поскольку управление в сфере природопользования будет в значительной степени «привязано» к организационно-управленческой деятельности. Функция устойчивого природопользования государства (и для мирового сообщества, состоящего из субъектов – государств) оказывается (наряду с экологической) приоритетной, от которой

¹ См.: Вебер А.Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. №1; Чумаков А.Н. Глобальный мир: проблема управления. // Век глобализации 2010. №2; Ильин И.В. Формирование глобальных политических процессов и глобального управления // Вестник Московского ун-та. Серия 12, Политические науки. 2011. №1.

зависят другие функции (которые в модели УР необходимо ранжировать по иному, чем это делается сейчас).

Для координации и стимулирования формирования стратегии устойчивого природопользования необходимо сформировать ряд организаций, прежде всего при ООН, взявшей на себя инициативу по переходу мирового сообщества на путь УР. На эти цели также важно переориентировать все ТНК и международные и всемирные организации и, в первую очередь, финансово-экономические, и имеющие непосредственное отношение к природным ресурсам (ВТО, МВФ, ОПЕК, МБРР, МФСР, ЮНИДО, ФАО, ВВФ, МСОП и др.). Важно как можно быстрее предложить и реализовать интеллектуально-научное обеспечение формирования этой системы управления: подготовку кадров и другие виды образования для УР, создание центров методологического и научно-методического обеспечения создания «устойчивых» технологий и технических устройств, внести предложения по формированию международной нормативно-правовой базы и предложения по изменению мирового экономического порядка, а также формированию системы государственного, межгосударственного, регионального и глобального управления переходом к УР.

Новая общечеловеческая планетарная стратегия, принятая на ЮНСЕД, получила наименование от английского термина "sustainable development", переведенного на русский язык как «устойчивое развитие». Собравшиеся на ЮНСЕД лидеры 179 стран приняли "Рио-де-Жанейрскую декларацию по окружающей среде и развитию", в которой вполне осознанно рекомендовали мировому сообществу изменить стратегию своего развития, или, лучше сказать, сформировать ее заново, поскольку до этого времени у мирового сообщества никакой стратегии глобального развития, принятой большинством государств планеты, просто не было. Было лишь стихийно-хаотическое, неуправляемое развитие, которое все больше увеличивало энтропию как общества, так и окружающей его природы. Все

государства и народы планеты развивались стихийно, не ставя перед собой каких-либо общецивилизационных (а зачастую и общегосударственных) целей, и эта стихийность и несогласованность "государственных стратегий" развития привела к тому, что человечество оказалось перед угрозой глобальной биосферной катастрофы. Проще говоря, человечество стало вырождаться в биолого-генетическом и социальном аспектах и на пороге XXI века оказалось в условиях глубокого планетарного антропоэкологического кризиса. По оценкам ряда ученых, эта катастрофа может разразиться уже во второй половине XXI века¹. Аналогичная оценка сроков катастрофы была получена А.Д. Пановым, исходя уже из концепции глобальной эволюции².

Биосферной и общечеловеческой катастроф можно избежать, если приостановить стихийное развитие и сориентировать мировое сообщество на цели выживания всего человечества (и дальнейшего его непрерывного развития во времени) и сохранения биосферы, т.е. цели УР. Переход цивилизации к этому типу социоэкоразвития потребует кардинальных трансформаций, отказа от традиционных стереотипов производства и потребления, ценностей и норм поведения, свойственных как современному индустриально-потребительскому обществу, хищнически истребляющему природу, так и его постиндустриальному продолжению, находящемуся также в модели НУР.

Стратегия перехода к социоприродному УР оказалась, хотя и запоздалым, но адекватным ответом на обостряющиеся противоречия между глобализирующимся обществом и природой. Из всех противоречий цивилизационного развития в последние десятилетия не случайно нами

¹См.: Барлыбаев Х.А. Общая теория глобализации и устойчивого развития. М., 2003. С. 265.

² См.: Панов А.Д. Автомодельный аттрактор социально-биологической эволюции на Земле и гипотеза самосогласованного галактического происхождения жизни // Вестник SETI. 2004. №7/24.

выделено в качестве одного из основных противоречий между обществом и природой. Так или иначе, подобное противоречие возникало всегда, но оно лишь второй раз проявилось на глобально-биосферном уровне. Первый раз, когда охотничье-собирательское хозяйство разрозненного по племенам человечества стало уступать место производящему хозяйству и второй раз – во второй половине XX – начале XXI в., когда также приходится изменять сам тип развития уже относительно единого мирового сообщества опять-таки в глобальном масштабе. УР имеет глобальный характер в силу естественных взаимосвязей биосферы и интенсивного развертывания глобализации и ряда других глобальных процессов.

Первый глобальный – неолитический переход к производящему хозяйству был вызван в основном недостатком природных (пищевых) ресурсов, которые нельзя было освоить с помощью палеолитических способов и экстенсивных технологий. Поэтому агрикокультурная революция состояла в формировании нового способа природопользования в производстве продуктов (в основном биологической природы), ранее не существующих в естественном виде и могущих удовлетворять потребности людей, что создало условия для «сельскохозяйственной» и «демографической» глобальной революции.

Переход же к УР, в принципе не может растянуться на несколько тысячелетий своего распространения по планете как переход к производящему хозяйству. Он должен свершиться в считанные десятилетия (максимум одно-два столетия). Это вызвано тем, что к недостатку природных ресурсов в основном невозобновимых, добавился социально-экологический кризис, разрушение биосферы как естественного фундамента жизни цивилизации и любых иных форм жизни на планете. Причем деградация природной среды оказывается более "слабым звеном" в этом втором глобально-социоприродном кризисе, чем нехватка природных ресурсов, как это было в эпоху неолитической революции. Некоторые

природные ресурсы в принципе могут быть заменены путем создания новых высоких технологий и экологобезопасных видов хозяйственной деятельности. Упомянутый приоритет экологических условий в современном глобально-социоприродном кризисе, кроме прочего, связан с их данностью для человека и иных форм жизни в более широком – планетарно-биосферном масштабе, где все геосферы и геосистемы взаимосвязаны (тогда как природные ресурсы имеют локально-территориальный, т.е. более "точечный" характер). В этом отличие нынешнего глобального противоречия в системе "общество–природа" от упомянутого верхнепалеолитического, приведшего к смене способа хозяйственной деятельности и шире – взаимодействия основных компонентов в социозкосистеме. Но это отличие свидетельствует о гораздо более серьезном характере надвигающегося социоприродного кризиса, который уже обретает не только планетарный, но и космический масштаб.

Кадровый потенциал модернизации

Владимиров А.А., д.ф.н., профессор г. Н. Новгород

Два методологических принципа исследования социальных явлений говорят о необходимости анализа кадрового потенциала модернизации: принцип **субъектности** и принцип **деятельности**. О них постоянно пишет профессор Степанов Е.И. в своих работах по социальной конфликтологии. Принцип субъектности предполагает исследование общественных явлений не как безличностных процессов, а как форм и видов деятельности различных социальных **субъектов** (личностей, групп, классов, этносов и других социальных общностей вплоть до человечества как субъекта глобализации). Принцип деятельности заставляет рассматривать социальных субъектов не как статичных агентов, а как функционирующих деятелей, выполняющих различные социальные функции и обладающих разными социальными ролями. Именно функционально-ролевое значение субъек-

тов, реализующееся в деятельности, определяет социальное место субъектов в общественной системе.

Рассматривая модернизацию с позиций названных принципов, необходимо, прежде всего, сказать, что модернизация – это не состояние, а процесс, дление, деятельность, т.е. функционально-динамическое явление общества, а значит предполагающее исследование всех компонентов модернизации как деятельности: субъекта, объекта, средств, условий, процесса, результата, системы и среды (См.: Зеленов Л.А., Зеленов П.Л., Владимирова А.А. Философские проблемы модернизации. – Н.Новгород: ВГАВТ, 2011). Активным агентом модернизации как деятельности является субъект деятельности, совокупность характеристик которого определяет кадровый потенциал модернизации. Эту проблему мы и намерены рассмотреть дальше. Но сама эта проблема выявляет 3 аспекта ее исследования: а) типология субъектов модернизации, б) типология качеств субъектов и в) типология способов формирования субъектов.

С самого начала следует сказать, что типологический анализ субъектов нуждается в выявлении **оснований** типологизации, чтобы преодолеть чисто суммативный подход в форме перечисления видов таких субъектов, часто превращающийся в «дурную бесконечность» перечня.

Мы считаем, что на современном этапе модернизации достаточно ограничиться 4 основаниями типологизации субъектов;

А. Демографический подход позволяет выделить 2 типа субъектов: а) личности как индивидуальные субъекты (Медведев Д.А, Алферов Ж., Тарасов А.) и б) общности как коллективные субъекты (правительство, Госдума, партии, «народный фронт», «средний класс»).

Б. Страноведческий (гражданский) подход дает основания говорить о 2 типах субъектов: а) отечественные субъекты, граждане России и б) Иностранные субъекты, как мигранты, так и специально приглашенные.

В. *Социальный* статус субъектов позволяет выделить в их составе: а) Государственных работников, служащих, деятелей и б) внесударственных специалистов как представителей многочисленных общественных объединений в России, в формирующемся гражданском обществе.

Г. *Профессионально-деятельностный* подход дает основания говорить: а) о специалистах в области модернизации (ученые, технические работники, дизайнеры, менеджеры, экономисты и т.д.) и б) о неспециалистах в непосредственной сфере модернизации, если ее понимать как единство Новационной и Инновационной деятельности (артисты, художники, композиторы, учащиеся, пенсионеры, военные и т.д.). Можно оговориться, что волна модернизации объективно захватывает широкие круги населения, поскольку по замыслу Президента модернизация является Универсальной деятельностью, обращенной на все сферы общественной жизни, но это ее стратегическая перспектива.

Типология качеств субъектов модернизации

Любая деятельность требует от ее субъекта готовности к ней, которая может быть представлена единством двух родовых сущностных сил человека: Потребностей и Способностей. Эти сущностные силы при их сформированности можно представить как качества субъекта, как слагаемые его культуры.

Потребности – это субъектные основания деятельности как ее причинные основания, выступающие как движущие силы деятельности. Это обусловлено тем, что потребности являются противоречием между необ-

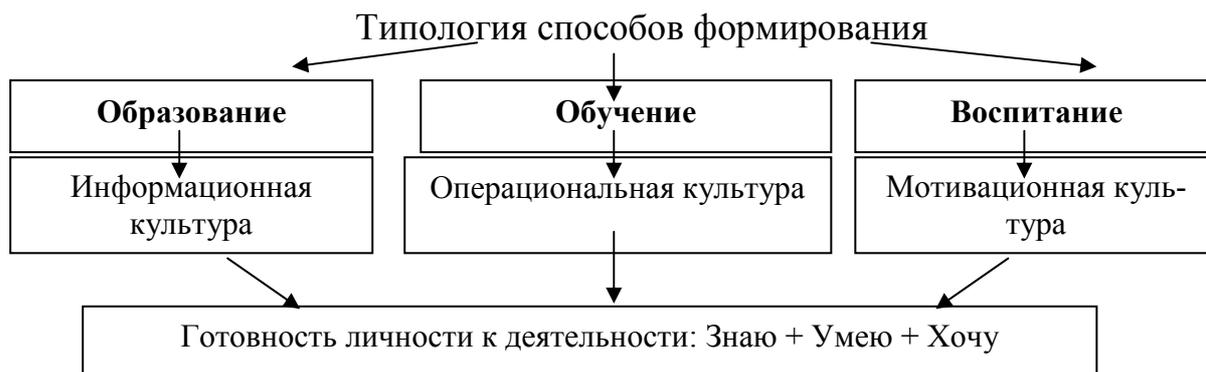
ходимым и фактическим состоянием человека, а противоречие – является источником движения. Модернизация выявила общественно значимее противоречие между нынешним отсталым состоянием всех сфер российского общества и жестким вызовом мировой цивилизации с ее высокотехнологичными постиндустриальными требованиями. Те субъекты и включаются в процесс модернизации, которые осознают эту объективную потребность и превращают ее в субъективные мотивы деятельности.

Способности – это тоже субъектные основания деятельности, выступающие как деятельные, интеллектуально-моторные силы человека. В способностях представлены Информационные силы человека как его знания и операциональные силы как его умения. Знания и умения человека выявляют его внутренний потенциал и на обыденном языке предстают как «могу», «могу действовать» в отличие от потребностей, которые выражаются понятием «хочу». Вот это соединение хочу и могу, потребности и способности и определяет деятельность.

Типология способов формирования субъектов

Типы способов формирования субъектов модернизации задаются качествами этих субъектов, именно они определяют готовность к деятельности. Мы называем 3 группы таких качеств, в которых выражаются потребности и способности субъектов: Информационная готовность (знаю), операциональная готовность (умею) и мотивационная готовность (хочу). Эти качества могут послужить основанием выделения типов личностей путем комбинаторики из 3-х элементов по 1, 2 и 3 сочетаниям. Главное же то, что эти три качества как три культуры личности определяют и три способа, три процесса формирования готовности субъекта к деятельности в ходе социализации. Причем, и сама социализация как передача социального опыта человечества новым поколениям определяется теми же 3-мя слагаемыми опыта человечества как его культуры: информационной культурой, операциональной культурой и мотивационной

культурой. Отсюда становятся понятными и 3 константных педагогических функции: Образование (передача и освоение информационной культуры), Обучение (передача и освоение операциональной культуры) и Воспитание (передача и освоение мотивационной культуры). Задача педагогической деятельности как механизма социализации и состоит в том, чтобы обеспечить единство образования, обучения и воспитания.

Формирование кадрового потенциала модернизации – главная задача органов власти, о чем со всей определенностью постоянно говорит Президент в последних своих выступлениях. Иначе говоря, дело не в финансах, не в инвестициях, не в инфраструктуре и т.д., а в людях, в кадрах, в специалистах. Эту задачу призваны решать, прежде всего, все типы учебных заведений страны: школы, колледжи, ПТУ, техникумы и училища, высшие учебные заведения. Анализ реформ образования в нашей стране в последние годы показывает, что основное внимание традиционно обращается на предметно-вещное, инфраструктурное, технологическое и т.п. обеспечение образовательного процесса, а в кадры педагогов, учителей и преподавателей пока вкладываются средства по остаточному принципу. Нельзя забывать старый завет – кадры решают все.

Модернизация инвестиционной политики

Зеленов П.Л., к.ф.н., доцент, г. Н. Новгород

Курс на модернизацию всех сфер общественной жизни современной России, намечаемый высшими органами власти, предполагает коренное обновление инфраструктуры, кадрового состава, направлений деятельности, отношений социальных субъектов, даже создания новых социальных институтов вроде, расширенного состава правительства. Эти процессы обновления для своей реализации нуждаются в значительных инвестиционных средствах не только финансового, но и иного характера (интеллектуальные новации, кадры, технологии, информационные средства, и т.д.). Заметим с самого начала, что кардинальность возможных перемен уже осенью 2011 г. в заявлениях Президента Медведева Д.А. выражается в жесткой ориентации на установления обратных связей власти и народа, т.е. на превращение информационной сферы общества в коммуникативную сферу, а в программе лидера "Справедливой России" С.Миронова намечается увеличение финансовых средств на 10 триллионов рублей за счет изменения налоговой политики. Аналогичным образом строят свою тактику на ближайший период лидеры КПРФ, ЛДПР, "Яблока", "Правого дела", т.е. всех политических сил страны. Эта тактика, а иногда и стратегия, направлена на увеличение инвестиционных вложений во все сферы общества во имя их модернизации.

Увеличение инвестиционных вложений в период обновления, модернизации, индустриализации, реализации "нового курса", милитаризации и т. д. известно из истории и современного развития многих стран планеты (Германия, СССР, США, Япония, Китай, Саудовская Аравия, Сингапур и др.). Доказывать необходимость такой ориентации не имеет смысла: это очевидно, аксиоматично - великая цель требует великих средств. Но два аспекта этой проблемы вызывают традиционные затруднения: 1) пути увеличения инвестиционных ресурсов и 2) направления

реализации инвестиций. Если первый аспект является открытым и широко обсуждаемым, то второй - проблематичен и гипотетичен.

Инвестиционная политика, если ее рассматривать в традиционных финансовых понятиях, охватывает систему доходов и систему расходов, т.е. путей получения и направлений реализации инвестиционных средств - два аспекта проблемы. Реже говорят о третьем аспекте: типология инвестиционных средств. Их, как правило, сводят только к финансовым, денежным ресурсам (рублям, долларам, евро, юаням и т.д.). Конечно, деньги - это универсальный эквивалент товарного мира, поэтому любой натуральный показатель может быть финансово выражен, но часто именно натуральные, предметные, сырьевые, кадровые, патентные, инфраструктурные вложения оказываются и желательными и эффективными. В экстремальных ситуациях (наводнения, землетрясения, извержения вулканов, ураганы, вооруженные коллизии и т.п.) гуманитарная помощь в натуральных показателях является и естественной и позитивной.

Типология инвестиций

Анализ типов и видов инвестиционных средств, имеет важное значение для определений путей увеличения **ДОХОДОВ** и направлений реализации **РАСХОДОВ**. Обе вторичные деятельности значительно облегчаются, когда становится ясным **ЧТО** надо получать по линии доходов и **ЧТО** надо тратить по линии расходов.

Прежде всего, все инвестиционные средства можно разделить на 2 типа: натуральные и знаковые. В товарно - денежном выражении **НАТУРАЛЬНЫЕ** средства - это средства, обладающие Потребительной ценностью, а **ЗНАКОВЫЕ** средства - это средства, обладающие **ЦЕНОВОЙ** стоимостью.

Натуральные инвестиции предстают в персональной (антропономной) и в предметной (вещной) форме. персональные формы (виды) натуральных инвестиций выступают в виде людей (кадровый потенциал) и в их двух видах деятельности: новационной и инновационной. Предметные формы (виды) натуральных инвестиций дифференцируются на энергетически - сырьевые и инфраструктурные. Во всех случаях модификации мы учитываем принцип поляризации, позволяющий разделять виды на противоположности: люди - вещи, статика (кадры) – динамика (деятельности), новации – инновации, состав (сырье и энергия) – структура (инфраструктура).

аналогичным (полярным) способом можно модифицировать знаковые инвестиции, выделив в них сначала актуальные инвестиции (финансы) и потенциальные (патенты), а затем в составе актуальных, финансовых инвестиций можно выделить денежные (наличные) и налоговые (перспективные) инвестиции.

Патенты - это все виды интеллектуальной собственности, т.е. юридически оформленные интеллектуальные новации, которые обладают инвестиционной ценностью. Деньги - реальные финансовые вложения в форме отечественной или иностранной валюты, обладающие инвестиционным значением.

Налоги - это все виды льгот по налогообложению в финансовой форме вплоть до абсолютной отмены налогов на определенный срок, что создает облегчающие условия для обновления и модернизации.

Энергетически - сырьевой потенциал - представляемый безвозмездно или на льготных условиях инвестором данной стране или фирме для осуществления процесса модернизации.

Инфраструктура - организационно оформленные материальные условия деятельности, оснащенные орудиями труда и коммуникациями, необходимые для эффективной модернизации.

Кадры - человеческий потенциал (ученые, менеджеры, конструкторы, дизайнеры и другие специалисты), необходимый для эффективного обновления.

Новационная деятельность - творческая деятельность специалистов по созданию интеллектуальных новаций (научные открытия, технические изобретения, ноу-хау, промышленные образцы, малые модели, программные продукты и пр.).

Инновационная деятельность - творческая деятельность по внедрению, реализации патентов и новаций, обеспечивающая модернизацию любой деятельности.

Необходимо, чтобы инвестиционная политика властных органов (правительства, прежде всего) в своей программе инвестиций учитывала 8 типов инвестиционных средств, освобождаясь от однозначной ориентации только на денежные (2 тип) вложения.

Типология доходов.

Откуда взять инвестиционные средства? Обычно сразу же дают однозначный ответ: иностранные займы, иностранные финансовые инвестиции. Но мы видим, к чему это может приводить на примере Греции, Испании с их займами в Евросоюзе, на примере США с ее 17 триллионами международного долга. Безработица, рост налогов, снижение зарплат, народные протесты и т. п. - результат такой политики.

Нам кажется, что можно пойти по пути, который подсказывается типологией инвестиционных средства.

1. Продажа отечественных патентов и авторских свидетельств, другим государствам. У нас огромный нереализованный интеллектуальный потенциал. В свое время (1998 г.) премьер-министр Кириенко С.В. называл

сумму в 450 млрд. долларов, которая выражает нереализованные патенты России. Если мы сами не хотим или не можем внедрять открытия и изобретения (например, крылатые суда или автобус ПАЗ - Турист - Люкс, отмеченные золотыми медалями и Гран - При на Международных конкурсах в Штутгарте и Ницце), то давайте их выгодно продавать другим странам. Давно известно, как японцы ищут наши новации в скупленных ими журналах "Техника молодежи" или "Знание-сила".

2. Финансовые кредиты или займы иностранным государствам со стороны России под выгодные нам проценты не ниже международных ставок. Мы не должны безответственно разбазаривать наш финансовый капитал, особенно огромный резервный Стабилизационный фонд, да и золотой запас и алмазный фонд у нас значительные.

3. Налоговая система может быть выгодной для государства, если учитывать наличие миллиардеров в стране, огромное различие в доходах населения и возможность увеличения налогов на прибыль (да, 34% - не предел).

4. Россия сидит на "сырьевой игле", в огромных размерах экспортирует энергетические ресурсы (нефть и газ) и сырье (металлы, дерево, алмазы). Доходы мы получаем большие, но они не вкладываются в развитие реальной экономики, в строительство заводов. К тому же, необходимо продавать не сырье, а продукцию из этого сырья (древесину, бензин, масла, бриллианты и т.д.). Это и обеспечит рост реальной экономики, перерабатывающей промышленности, и ликвидирует безработицу, и даст дополнительный доход. Экспортная политика власти должна быть пересмотрена с позиции 4 принципов: что продавать? кому продавать? за сколько продавать? и когда продавать?

5. Огромная промышленная инфраструктура, созданная в советское время, запущена, не реализована или распродана по дешевке при приватизации. Ее необходимо восстанавливать, вплоть до реприватизации того,

что продано в 90-ые годы "с нарушением юридических законов" (В. Путин- 2001 г.). Это обойдется дешевле, чем строительство новых промышленных объектов.

6. Кадры специалистов во всех сферах общества у нас значительные и не востребованные до конца и в эффективной форме. Многие специалисты работают не по профилю, а в уродливой полукриминальной экономике с ее "базарным" характером. Не имея возможности использовать свой интеллект, многие или уже уехали в другие страны или собираются уехать. Россия должна создать для них рабочие места, использовать их потенциал во благо модернизации и с достойной оплатой.

7) Интеллектуальные инкубаторы, возвращающие новаторов, и вся креативная новационная деятельность должна быть использована для формирования банка новаций, систематизирована, инвентаризирована, чтобы не покупать чужое, а внедрять собственные новации.

8) Инновационная деятельность как внедрение новаций обладает огромным инвестиционным потенциалом. Вложения в нее вернутся многократно. Давно известно, например, что на каждый вложенный в науку рубль наука возвращает 9 рублей прибыли. Это можно сказать о многих других сферах общества, особенно о вложениях в человека, в основной капитал общества. Это давно поняли, например, японцы, тратя большие средства на образование, на развитие интеллектуальной культуры граждан.

ТИПОЛОГИЯ РАСХОДОВ

Об этой проблеме приходится говорить уже при анализе инвестиционных доходов, например, за счет патентов, новаций и инноваций. Если модернизацию рассматривать как процесс создания новаций и превращения их в инновации то становится понятным, что основные инвестиции должны направляться в Новационную (7-ой тип) и Инновационную (8-ой тип) деятельность как особые комплексные сферы общественной жизни. об этом приходится говорить специально, потому что преобладает одно-

значная ориентация на инновации, на внедрение, а не на создание нового. Пора понять, что инновации основаны на новациях, что прежде чем заниматься внедрением новаций эти новации надо создать. Приоритетным должно быть инвестирование новационной деятельности, интеллектуальных инкубаторов, создание новых научных центров и т. д. Сколково - это лишь один небольшой пример. В стране свыше 40 закрытых научных центров с их градообразующим потенциалом. Их надо сохранять, развивать, использовать для модернизации всей страны.

От информационного общества к обществу знания

Грязнова Е.В., д.ф.н., профессор, г. Н. Новгород

Как известно, идея информационного общества была сформулирована в конце 60-х – начале 70-х годов XX века. Термин «информационное общество» ввел Ю. Хаяши, профессор Токийского технологического института. Исследователями и разработчиками теории информационного общества являются также: М. Кастельс, Ф. Уэбстер, Э. Гидденс, Ю. Хабермас, Д. Мартин, Г. Молитор, Э. Тоффлер, Д. Белл, З. Бжезинский, А.Кинг, Д. Несбит, А. Турен, П. Дракер, М. Маклюэн и др.

По прогнозам разработчиков концепции информационного общества в нем меняется уклад жизни, возрастает значимость информационных ценностей по отношению к ценностям материальным. Определяющим фактором социальной дифференциации информационного общества является уровень знаний, а не только материальная собственность. Как

показывают исследования наших современников¹, общественное устройство информационного общества характеризуется, в первую очередь, высокой скоростью коммуникационных процессов, которая обеспечивается наукоемкими, высокотехнологичными средствами (микропроцессорными технологиями и компьютерной сетью Интернет), в котором информация и знания приобретают новое качество, становясь основными продуктами жизнедеятельности индивидов и социальных групп. Мы стали свидетелями процессов трансформации, приведших индустриальное общество последней трети XX в. к новому обществу начала XXI в. Важнейшей движущей силой этих процессов стала информатизация – глубокое проникновение информационных и телекоммуникационных технологий во все сферы жизни и деятельности человека. Феномен усиливающейся взаимозависимости процессов модернизации и развития информационно-коммуникационных технологий был спрогнозирован еще в работах Ф. Махлупа², выводы которого послужили базой для концептуализации информационного общества.

Процессы информатизации и глобализации привели к тому, что уже в 90-е гг. XX в. приходит понимание того, что информационно-технологичная концепция по своей сути оказывается недостаточной для описания тех сложных процессов, которые происходят в обществе в последнее десятилетие. Появляется «дочерняя» концепция – «концепция общества знания» (обосновывающая существование «общества знаний» и

¹ Бритков В.Б., Дубовский С.В. Информационные технологии в национальном и мировом развитии // общественные науки и современность. - №1. – 2000. – С. 146 – 150.; Абдрахманова Г.И. Статистика информационного общества — современное состояние и перспективы развития // Вопросы статистики, 2008, № 1. С. 20–31.; Абдрахманова Г.И., Ковалева Г.Г. Тенденции развития информационных и коммуникационных технологий // Форсайт. - №4(12). – 2009. – С.44 – 55; Кочетков В.В., Кочеткова Л.Н. К вопросу о генезисе постиндустриального общества // Вопросы философии. – 2010. – №2. – С. 23 – 33. и др.

² Machlup F. The production and distribution of knowledge in the United States. Princeton: Princeton university press, 1962.

его ведущую роль в общественной жизни XXI в.¹ Таким образом, в глобальных масштабах приходит убеждение в том, что именно знание становится главным ресурсом человечества в третьем тысячелетии.

Кроме этого, нарастание глобальных процессов и попытки их социологического и философского осмысления на рубеже XX–XXI в. приводят к появлению еще одной разработки. Это концепция глобального инновационного общества. Так, в конце 90-х гг. XX в. появляется еще одна «дочерняя» концепция, отражающая постоянную изменчивость феномена знания в нарастающих потоках информации, – концепция инновационного общества². Новое понятие «инновационное общество» выделяет в качестве приоритета глобального мира инновационную активность, деятельность и их функциональную завершенность: от осознания потребности до продвижения полезных нововведений – инноваций – в реальную практику (на рынок)³.

Относительно России в современной ситуации можно отметить, что «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года»⁴ имеет все основания быть прочитанной как документ «посткапиталистической» направленности. Авторы исходят из того, что капитализм в стране в основном построен и настало время для «инновационного социально ориентированного типа экономического развития». Это предполагает превращение инноваций в ведущий фактор экономического роста, повышение производительности труда, резкое увеличение как числа предприятий, осуществляющих технологические

¹ Майер, Б. О. Об онтологии качества образования в обществе знания / Б. О. Майер, Н. В. Наливайко // *Философия образования*. – 2008. – № 3 (24). – С. 4–18.

² *Знаниеведение и управление: моногр.* / Б. Н. Кагиров, Ю. И. Колужов, Е. В. Ушакова и др. – Барнаул, 2006.

³ *Осмысление глобального мира*. – Красноярск: ГКраУ, 2007. – Вып. 1. – С. 10 – 11.

⁴ «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

инновации, так и доли инновационной продукции в объеме выпуска, опережающее развитие человеческого потенциала.

На фоне происходящих перемен сегодня становится более актуальным не понятие «информационное общество», а «общество знания». Потребность в образовании, переподготовке, в дополнительном образовании, в «образовании на протяжении всей жизни» – одна из основных потребностей человека в обществе знания, - считает Г. Бехман¹. Немаловажным моментом в современных условиях является и тот факт, что необходим пересмотр образовательных целей, связанных не только с процессами технизации общества, но и его экологизации. Важно создание такой образовательной системы, которая формировала бы мировоззрение общества, основанное на принципах единства существования человека и природы. В основе такой системы должны лежать фундаментальные знания, среди которых высокое значение приобретают гуманитарные и междисциплинарные знания, формирующие целостно-эволюционное мышление человека. Особенностью нового мировоззрения является совокупность общечеловеческих ценностей, составляющих основу открытого гражданского общества, в котором рождается коллективный разум как новое качество в отношениях между людьми.

Формирование коллективного разума – это важнейшая черта глобализации. Так, например, современные процессы информатизации позволяют формировать базу для конвергенции нанотехнологий, биотехнологий, а также информационных, когнитивных и социогуманитарных технологий (феномена НБИК-конвергенции). Конвергентное развитие нано-, био-, инфо-, а также когнитивных наук и технологий способно привести к таким изменениям в характере общества и природе человека, которые сегодня представляются просто фантастическими. Создание но-

¹ Бехманн Г. Общество знания - краткий обзор теоретических поисков // Вопросы философии. - №2. - 2010.

вых (в том числе гибридных, состоящих из органических и неорганических субстанций) материалов и устройств, управление биологическими процессами на молекулярном уровне, раскрытие тайн работы мозга, появление «сильного» искусственного интеллекта – все это предполагает формирование нового социально-технологического уклада, характеризующегося не только возросшим уровнем развития науки и техники, новыми отраслями экономики и способами организации производства, но и новыми формами социальности, ценностными ориентирами, новым пониманием сущности и природы человека. В последние годы наблюдается значительный рост интереса философов и социологов науки и техники в США, Великобритании и Германии к социально-антропологическим аспектам развития нанотехнологий и НБИК. Появились первые публикации российских философов по этой тематике¹.

Что касается развития науки в России, то ее современное состояние не позволяет надеяться на качественное изменение ситуации без титанических усилий исследователей, профессорско-преподавательского сообщества, бизнеса и государства, направленных на модернизацию всего научно-технического комплекса страны, системы образования и инновационной системы. Пока же состояние российской науки - пишет Е.В. Семенов, - и происходящие в ней процессы наиболее точно могут быть выражены двумя словами: архаичность и прогрессирующая деградация².

Как отмечают А.Д. Урсул и Т.А. Урсул: «На наш взгляд, глобальное знание – это интегративно-общенаучное знание, получаемое в результате исследования глобальных процессов и глобальной эволюции, которое в

¹ Аршинов В.И., Горохов В.Г. Социальное измерение НБИК-междисциплинарности // Философские науки. 2010. № 6.; Алексеева И.Ю. Общество знаний: посткапиталистическая перспектива России // Информационное общество. – 2011. – № 2. - С. 9 - 17.

² Семенов Е.В. С архаичной наукой в информационное общество // Информационное общество. – 2009. - № 2. - С. 40 - 52.

перспективе становится фундаментальным основанием развития всей науки и образования XXI века. Такая новая форма знания необходима не только для науки, но и для многих других сфер деятельности, наполняющихся глобальным содержанием. И прежде всего, для образования, которое постепенно становится, используя уже полученное глобальное знание, принципиально новым типом современного и будущего образования – глобальным образованием»¹.

Трудно не согласиться с авторами в том, что глобальное образование – это уже и реальность, а главное – устойчивая тенденция и перспектива трансформации образовательного процесса, который не только обретает свою планетарную общность и целостность, но и обнаруживает потенциальную возможность глобально-содержательной эволюции.

Как видим, сегодня складываются новейшие социальные концепции, связанные с информацией и знаниями, которые исследователи предлагают объединить в группу «социологических информационно-знаниевых концепций»². При этом считается, что инновационные знания прошли свою эволюцию в начале в технологических системах производства, затем – в организационных системах, наконец – в системах управления. А все указанные виды инновационных знаний формируются и развиваются на информационной основе, поскольку информационные системы многократно увеличивают возможности любых инновационных проектов.

Таким образом, анализ новейших социологических информационно-знаниевых концепций показывает, что в обществе XXI в. формируются две принципиально противоположные стратегии и концепции образования: элитарно-массовая (в инновационном обществе «экономики знаний») – для

¹ Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм в науке и образовании//Философский контекст науки и техники. Сборник научных трудов. Вып. 3. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2010. – С.21.

² Колюжов, Ю. И. Знание в культурах человечества : моногр. / Ю. И. Колюжов. – Барнаул, 2008. – С. 98.; Наливайко Н. В., Ушакова Е. В. О роли образования в обществе XXI в. // Философия образования. – 1(30). – 2010. – С.71 – 80.

избранных) и всеобщая классическая (в обществе знания – для большинства населения). Экономика знаний предоставляет лишь набор узкоспециальных знаний, обеспечивающих успех бизнес-эволюции. А о целостных знаниях широких слоев населения, обеспечивающих людям культурно-образовательный, духовно-нравственный потенциал, разностороннюю социализацию и достойное неконфликтное существование в обществе начала XXI в., в принципе речи не идет – считает Н.В. Наливайко¹.

Таким образом, среди основных тенденций в развитии современного общества исследователи выделяют информатизацию и глобализацию, результатом которых являются процессы трансформации и модернизации социальной системы.

Изменения, происходящие в современном социуме имеют непосредственное влияние на изменение системы образования. Формирующееся общество знания требует и соответствующей системы открытого, гибкого, непрерывного и опережающего образования, соответствующего концепции глобального эволюционизма.

Компьютерные обучающие системы как основа информатизации современного образования

Пасхин Е.Н., д.ф.н., профессор, г. Москва

Процесс информатизации в развитых странах охватил, практически, все сферы человеческой деятельности. Степень развития информационно - телекоммуникационного ресурса является важным показателем развития страны. Информация, интеллектуальный капитал становятся ресурсом развития, а уровень применения информационных технологий определяет темп этого развития. По мнению Э. Брукинга, "Интеллектуальный капи-

¹ Наливайко Н. В., Ушакова Е. В. О роли образования в обществе XXI в. // Философия образования. – 1(30). – 2010. – С.71 – 80.

тал - это термин для обозначения нематериальных активов, без которых любая компания не может существовать, усиливая свои конкурентные преимущества. Составными частями интеллектуального капитала являются: человеческие активы, интеллектуальная собственность, инфраструктурные и рыночные активы. Под человеческими активами подразумевается совокупность коллективных знаний сотрудников предприятия, их творческих способностей, умения решать проблемы, лидерских качеств, предпринимательских и управленческих навыков"¹. Интеллектуальный капитал, наряду с другими видами капитала, является важнейшим фактором развития экономики. Организация может увеличить свой интеллектуальный капитал, инвестируя в обучение своих сотрудников. Важное место в процессе обучения занимает проблема совершенствования технологий компьютерной поддержки обучения по экономико-прикладным дисциплинам.

На современном уровне развития культуры, практически, во все области знания проникают математические и информационные методы. Специалисты вынуждены работать с математическими методами и моделями в компьютерных инструментальных системах, что влечет за собой необходимость владения основами прикладной математики и программирования, а также навыками работы в инструментальных системах компьютера, т.е. иметь так называемую «рациональную грамотность». Специалист в современных условиях изучает множество курсов, как собственно экономических, так и курсов по другим дисциплинам. Роль рациональной части этих курсов (курсы по математике, программированию, информатике) состоит в «увязывании» между собой различных предметов. Эта роль является фундаментальной в процессе формирования межпредметного охвата изучаемых дисциплин.

¹ Брукинг Э. Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии / Пер. с англ, под ред. Л. Н. Ковачин. Питер, 2001.

Увеличение количества изучаемого учебного материала вызывает увеличение числа изучаемых курсов. Кроме традиционных учебников и учебных пособий на бумажных носителях широкое распространение в последнее десятилетие получили электронные книги и гипертекстовые материалы сети Интернет. Это дополняется усложнением учебных курсов, вызванным ростом сложности используемых специалистами компьютерных инструментальных систем. Источников информации становится все больше и учащемуся все труднее в них ориентироваться. Следовательно, необходимо обеспечить условия для развития учащегося при наличии множества сложно организованных учебных материалов. Тем самым формируется противоречие между увеличением количества источников учебной информации и их усложнением и отставанием технологий работы с учебным материалом.

Это противоречие частично может быть снято посредством использования в образовании новых информационных технологий. Применение компьютера в обучении становится повсеместным. Компьютерные системы поддерживают различные аспекты образования, облегчая труд преподавателей и повышая уровень доступности обучаемых к информации. Однако универсальной компьютерной системы, которая позволила бы интегрировать используемые в течение всего периода обучения учебные материалы для формирования целостного (межпредметного) представления об учебных дисциплинах, до сих пор не создано. Такая система должна быть, по сути, «дневником интеллектуального развития» обучаемого, фиксировать его деятельность с учебным материалом, помогать структурировать имеющиеся знания и получать новые знания путем подключения к системе соответствующих учебных курсов. Научные исследования в этой области ведутся в направлении создания проблемно-

ориентированных систем¹. Например, для поддержки непрерывного обучения в экономике создаётся «Интеллектуальное Компьютерное Место Экономиста». Сфера деятельности по созданию интеллектуальных автоматизированных обучающих систем определяется как междисциплинарная область знания, объединяющая достижения таких научных отраслей, как искусственный интеллект, теория познания, педагогика и т.п.

В настоящее время существующие компьютерные обучающие системы обычно делят на два класса: интеллектуальные обучающие системы и системы дистанционного обучения. Интеллектуальные обучающие системы используют технологии искусственного интеллекта для моделирования предметной области и степени развития обучаемого. Однако такие системы специализированы для работы в одной предметной области. Для работы в другой предметной области требуется перепрограммирование базы знаний системы. Системы дистанционного обучения направлены на поддержку обучения через Интернет, мультимедийность и гипертекстовое представление учебных материалов. Такие системы, как правило, универсальны, т.е. могут использовать любой учебный материал, соответствующий выбранному стандарту. Становится актуальной задача создания систем, сочетающих в себе преимущества систем обоих классов.

Одним из путей решения этой задачи является построение системы, работающей с учебными материалами на основе электронных книг и гипертекстовых документов в широкой предметной области (например, экономико-прикладные дисциплины), и при этом ориентированной на формирование у обучаемого целостного представления об изучаемых предметах. При этом, как правило, решаются следующие задачи: проектируется архитектура системы и основные алгоритмы ее работы; разрабатываются модели представления учебных материалов и алгоритмы

¹ Ельцин А.В., Пасхин Е.Н. и др. Обучение в системно-информационной культуре //Труды III Международной научно-практической конференции "Современные информационные технологии и ИТ-образование", 2008. – 0,5 печ.л.

работы с ними, позволяющие строить связи между курсами различных предметных областей; разрабатываются методика технологии гипертекстовой навигации по учебным материалам и их графовой визуализации, а также методика подготовки электронных учебных материалов на основе электронных книг; разрабатывается методика подготовки семантически связанных учебных курсов в заданной предметной области; создаются критерии оценки экономической эффективности разработанной системы при решении практических задач образовательной деятельности.

Важной особенностью технологий компьютерной поддержки обучения является широкое использование математических методов и информационных систем. Поэтому в качестве концептуальной основы предметной области обычно используется совокупность структурированных учебных материалов, необходимых для выстраивания связей между учебными материалами различных предметных областей. Концептуальная основа предметной области компьютерной обучающей системы (математика, программирование, информатика) формализуется при помощи модели предметной области. На основе классификации курсов по уровню концептуальности изложения учебного материала создаётся методика иерархической структуризации учебного материала. Предметной областью для системы являются курсы по выбранным дисциплинам и поддерживающие их учебные материалы, содержащие математическую основу используемых в курсах методов. Необходимо отметить, что подбор учебных материалов для компьютерной обучающей системы осуществляется при участии эксперта в выбранной предметной области. В целях облегчения труда эксперта по подбору и подготовке курсов разрабатывается инструментарий для подготовки и анализа электронных учебных материалов. Авторский курс в системе имеет, как правило, многоуровневое представление. Межпредметные связи в системе определяются как семантические связи между курсами, используемые для формирования

целостного представления о предметной области, что даёт возможность строить семантически связанные учебные курсы.

Реализация интеллектуальной компьютерной обучающей системы предполагает её модульную структуру, в состав которой входит также база знаний для хранения метазнаний о предметной области, учебных материалов и пользовательской информации.

Следует отметить, что интеллектуальные автоматизированные обучающие системы существенно повышают как качество подготовки компьютерных учебных материалов, так и эффективность всей учебной деятельности на основе применения новых информационных технологий. Эти системы дают возможность создать новую образовательную среду, которая представляется триадой «обучаемый - интеллектуальная автоматизированная обучающая система – преподаватель». Эта новая образовательная среда призвана существенно изменить всю образовательную деятельность, формируя информационно-технологическую составляющую системы опережающего образования.

«Алгократия» - новая система управления в информационном обществе

Доронин А.С., к.соц.н., доцент, г. Смоленск

Проблема социологической науки сегодня состоит в том, что социологи, оказавшись перед фактом действительно революционных преобразований мирового социума, о чем свидетельствуют беспрецедентные в мировой социальной истории феномены информационного общества и глобальной экономики, только нащупывают понимание этого нового социума. А зачастую и отказываются видеть в происходящих переменах формирование новой парадигмы общественной жизни. Отказываются признать, что радикально меняется институциональный и мотивационный контекст социальных процессов.

Между тем, некоторые социологи, не только признавая формирование в настоящее время именно новой парадигмы общества, но и предпринимая попытки теоретического описания этой формирующейся парадигмы, создают важнейший в современной социологической науке прецедент. Это - прецедент самой возможности адекватного понимания, именно с позиции институционального подхода, объективной роли в сегодняшней общественной жизни таких фундаментальных факторов социальной динамики, как интересы разных социальных групп, социальные конфликты, управление. Институциональный подход – это понимание того, что общество всегда существует как система институтов, которая исторически эволюционирует, а время от времени и революционно меняется, и так происходит смена общественных парадигм. Институты выполняют в обществе важнейшую управленческую функцию, в том числе и в отношении социальных конфликтов. Система управления в обществе представляет собой нерасторжимое единство институтов и специализированных управленческих структур всех уровней и видов. Причем, институты в этом единстве фундаментальнее специализированных управленческих структур – просто потому, что представленные людьми-администраторами специализированные управленческие структуры тяготеют к «ручному» управлению, а оно игнорирует фундаментальный для общества статистический порядок. Поэтому в социологической науке всегда важно понять, в каком институциональном контексте находятся изучаемые социальные явления, иначе будет невозможно ни объяснить наблюдаемую динамику изучаемого явления, ни даже установить, насколько вообще актуально его изучение.

В связи с этим трудно переоценить усилия социологов, которые пытаются дать целостную картину современного общества как институциональной парадигмы. Например, социолог из Великобритании Д. Харви считает, что научное осмысление социально-экономической гло-

бализации находится в плену традиционного и устаревшего представления, будто институционально рыночная экономика – это «капитализм»¹. В настоящее время, пишет он, мировое социально-экономическое развитие оправдывает в гораздо большей мере, чем это было всегда, свою характеристику мирового, т.е. некоего единого для «национальных территорий» развития. Действительно, общепризнан факт существования глобальной экономики и, следовательно, глобального социума, глобальной социально-экономической системы. Тем самым, общепризнан факт перехода мирового социально-экономического пространства в новое качество – целостности, единства, в отличие от традиционного состояния, когда понятие человечества «держалось в уме», а в позитивистской реальности было почти фикцией. Теперь же само признание процесса социально-экономической глобализации вынуждает увидеть реальное формирование в этом процессе единой человеческой общности – среды, воспитывающей в индивидуе той или иной этнической, национальной, культурной, конфессиональной принадлежности общечеловеческое сознание.

Подобным образом, Дж. Кен и М. Кэлдор, независимо друг от друга, исследуют глобальный контекст сегодняшних социальных процессов, называя его, подчеркнем, независимо друг от друга, формирующимся «глобальным гражданским обществом»².

Заметим, что Дж. Кен берет на себя большую ответственность, называя формирующийся ныне глобальный порядок именно гражданским обществом, - ведь, как сам он признает, доминирующим сегодня представлением о глобализации является мнение, что «мир идет ко всем чертям – он настолько запутался и погряз в насилии и просто безумии, что не за-

¹Harvey D. The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003.

² См.: Keane J. Global civil society? – Cambridge: Cambridge university press, 2003. – 234 p.; Kaldor M. Global civil society: An answer to war. – Cambridge: Polity press, 2003. – 200p.

служивает даже понимания»¹. Тем не менее, Дж. Кен провидит сквозь это «насилие и безумие» строительство глобального гражданского общества – «постепенное развитие путей к глобальному будущему, основанному на ненасилии и правовом порядке перераспределения власти от правительственных институтов к разнообразным и взаимосвязанным формам социально-экономической жизни»².

Методологию Дж. Кена можно определить как дефицитный сегодня подход с позиций «широкоформатной общественной науки» («big picture social science») – «философии общества», - характерный для трудов Б.Мура (Moore), И.Валлерстайна (Wallerstein), Д.Харви (Harvey), О.Паттерсона (Patterson), Дж.Арриги (Arrighi), А.Онга (Ong), М.Кастельса (Castells), Б.Эренрайх (Ehrenreich) и А.Хохшильда (Hochschild), М.Манна (Mann), С.Тарроу (Tarrow), С.Сассен (Sassen), К.Кэлхауна (Calhoun). Этот подход пользуется «широкой кистью» для написания картины текущего социального процесса – стремится увидеть за текущими «картинками» долгосрочные тенденции, вызванные на фундаментальном уровне функционирования общества. «Широкоформатный» подход настраивает исследователя на то, чтобы не просто описывать какие-то видимые изменения, но искать за ними фундаментальные общественные трансформации, которые происходят «снизу», накапливая свою энергию в недрах общества и выливаясь, наконец, в императивный общественный запрос. Именно по этой методологии Дж. Кен и легализует феномен глобального гражданского общества, на которое поступил общественный запрос, и, значит, данный феномен, несмотря ни на какое текущее «безумие глобализации», - уже реальность, просто пока она находится в «эмбриональном» состоянии.

Сходную логику в отношении идеи глобального гражданского общества развивает и исследовательница из Великобритании М. Кэлдор, давая

¹ Keane J. *Global civil society?* – Cambridge: Cambridge university press, 2003. – P.xii.

² Keane J. *Global civil society?* – Cambridge: Cambridge university press, 2003. – P.43.

несколько образов гражданского общества. Один из них изображает гражданское общество не в противоположность государству, но в противоположность «негражданскому обществу» - как миролюбивый порядок, основанный на неявном или явном согласии, некая «зона вежливости», где насилие как способ организации общественных отношений сведено к минимуму. Другой образ идет от А. Смита к Гегелю и К. Марксу, представляя гражданское общество некой противоположностью государства. Образ сфокусирован на роли капитализма в развитии рынков, социальных классов, гражданских прав и благосостояния. Этот образ, помещенный в глобальный контекст, представляет «глобализацию снизу» - появление неполитической (за исключением государств и международных политических институтов) транснациональной реальности: транснациональных корпораций, транснациональной миграции, глобальной культуры.

Следующий образ гражданского общества оказывается пространством индивидуального гражданского влияния на условия жизни граждан непосредственно через самоорганизацию и политическое давление. И в этой версии решающим является существование глобальной публичной сферы – собственно глобального гражданского общества, вооруженного гражданской ответственностью за недопущение любых социальных притеснений со стороны ли бизнеса с его безудержным преследованием прибыли, со стороны ли власти. В этом образе гражданское общество перенимает у государства многое в функции обеспечения общественного благополучия.

Наконец, есть постмодернистский образ гражданского общества, отвергающий универсализм общественной жизни, но провозглашающий универсальным принципом толерантность – терпимость к многообразию любых жизненных стилей, любых образцов поведения, когда ничего не осуждается и приветствуется позиция «по ту сторону добра и зла».

В свою очередь, социолог из Великобритании А. Аниш описывает текущее установление глобального социально-экономического порядка по механизму виртуальной глобализации, которой, по его мнению, дали ход высококвалифицированные трудовые мигранты – в основном специалисты в области компьютерных технологий. И это еще одна картина механизма формирования нового мирового социума и «элементов», из которых этот новый мировой социум складывается¹.

Интернет, пишет А. Аниш, в числе своих огромных последствий для всех сфер социальной жизни сотворил и такую социальную инновацию, как виртуальный рынок труда, позволяющий все большему и большему числу работников трудиться, что называется, «не сходя с места», где бы географически ни находились их работодатели. Яркий пример – индийские специалисты по компьютерным технологиям, работающие для экономики США. В прошлом, до появления виртуального рынка труда, они вынуждены были бы становиться иммигрантами, но цифровая революция убрала эту необходимость, связав работника с работодателем через компьютер и, тем самым, открыв в области трудовой миграции такую инновацию, как виртуальная трудовая миграция.

Ключевым механизмом виртуальной миграции является так называемое «правило кода» (rule of code), по которому структурирование, «творение» транснационального (глобального) трудового режима осуществляют языки (компьютерного) программирования. Итак, по этому механизму, часть феномена миграции попадает в глобальный контекст, но в особый – именно контекст цифровой глобализации. Понятно, что не вся глобальная трудовая миграция попадает в этот контекст. Речь идет о том, что в феномене глобализации выделяется глобализация, которую непосредственно создают цифровые технологии в области цифровых же

¹ См.: Aneesh A. Virtual migration: The programming of globalization. – Durham; London: Duke University Press, 2006. – 208 p.

технологий как профессиональной сферы. Это – цифровая глобализация в смысле глобализации рынка труда программистов. Однако важен сам феномен цифровой глобализации – инновации уже в контексте глобализации. Эта инновация высвечивает в новом свете и глобализацию, и трудовую миграцию, и социально преобразующий эффект цифровой революции. Так, явление цифровой глобализации демонстрирует новое качество социальных явлений, которые до цифровой революции не имели его и воспринимались иначе. Трудовая миграция была всегда, но выяснилось, что она может быть виртуальной, и это обстоятельство реально изменило не только представление о трудовой миграции, но и само общество. Подобным образом, феномен цифровой глобализации изменил и представление о самой глобализации, и реальное общество.

Миграция сама по себе есть глобализация, поскольку разрушает, социально и экономически, выставляемые властью произвольные границы. Национальное государство выступает механизмом социальной закрытости, создающим взаимное отчуждение между всеми «огороженными» социальными территориями, деление на «нас» и «других». Именно поэтому миграция и становится проблемой – поскольку национально-государственные «заборы» проводят четкую селекцию на «своих» и мигрантов. До существования таких «заборов» люди мигрировали относительно свободно, имея в этом лишь технологические ограничения – насколько позволял наличный уровень транспорта. Национальное государство воздвигает политические барьеры и регулирует мобильность людей посредством таких критериев, как приписывание статуса гражданина или иностранца, потребность национальной экономики в рабочей силе, культурная (этническая, религиозная) принадлежность и т.д. В результате люди, желающие мигрировать на «огороженную» территорию, но которых «не ждут», обязательно получают от местного населения внятные сигналы о том, что им было бы лучше держаться подальше от «чужой» территории.

Трудовые мигранты являются фактором понижения местных зарплат, поскольку они усиливают обеспечение труда. Это выгодно работодателям, но не выгодно местным работникам, и поэтому работодатели приветствуют открытие границ и глобализацию, а местные работники – напротив.

Между тем глобализация высвобождает в гораздо большей степени миграцию капитала, нежели миграцию труда, чья мобильность, в отличие от мобильности капитала, ограничена рынком, пусть он и глобальный. Эта проблема особенно велика для работников неквалифицированного и физического труда. Так, для работников физического труда из богатых стран практически бесполезно становиться мигрантами для улучшения своего материального положения, поскольку, если в своих странах они не удовлетворены, то рынки, готовые принять таких работников, предоставят им еще худшие условия. Выигрывают как мигранты работники из бедных стран – они будут получать зарплату более высокую, чем в своих странах, и они же создадут миграцию капитала по факту своей физической миграции, своего труда, «творящего» капитал, которого не было до их миграции.

Цифровая революция распространила эту логику миграции-наращивания капитала через трудовую миграцию и на высококвалифицированных работников в высшем секторе глобального рынка труда, приведя в миграционное движение человеческий капитал (высококвалифицированных работников), аккумулированный во многих бедных странах. Произошло беспрецедентное усиление миграции капитала и конкуренции на глобальном рынке труда в его высшем секторе. Это и привело мировую экономику к взрывному спросу на знания, образование и сообщило ей новое качество «экономики знаний», основанной именно на глобальной конкуренции между высококвалифицированными работниками, т.е. способной себя воспроизводить только в виде глобальной экономики. Действительно, спрос на высококвалифицированных работников вследствие цифровой революции сам создал глобальную ситуацию, поскольку

высококвалифицированные работники, в отличие от работников неквалифицированных и физического труда, конкурируют между собой именно на глобальном рынке труда, в то время как между работниками неквалифицированными такой конкуренции нет. Неквалифицированные работники без всякой конкуренции, без борьбы работодателей за них сами массово мигрируют из бедных стран в более богатые страны. Они не создают глобальную экономику, они просто используют ее прозрачные государственные границы. Высококвалифицированные же трудовые мигранты, мобилизованные цифровой революцией, выстраивают глобальную экономику – органичную для себя среду – именно как «экономику знаний». Так глобальная экономика, цифровая революция и «экономика знаний» оказываются в нерасторжимой взаимосвязи, единым феноменом.

Внутри этого единства, полагает А. Аниш, и возник режим виртуальной миграции, подчиненный «правилу кода». Виртуальная миграция не отменяет физическую миграцию работников. Обе – части трудовой миграции в глобальной экономике, притом, что виртуальная миграция, в отличие от физической трудовой миграции, не просто «заполняет» глобальную экономику, но непосредственно выстраивает высшие сектора глобальной экономики, определяя ее качество «экономики знаний». Виртуальная миграция выступает своеобразным тестом для национальных экономик – насколько они структурно приобщены к глобальной экономике, т.е. насколько они являются «экономиками знаний». Этот тест – на качество трудовой миграции в данную страну. Во-первых, если трудовая миграция направлена не в страну, а из страны, то это уже свидетельство, что страна просто экономически неблагополучна, не говоря уже о планке «экономики знаний». Во-вторых, если страну, куда даже и массово въезжают трудовые мигранты, игнорируют виртуальные высококвалифицированные мигранты, можно не сомневаться, что и качество массовых физических мигрантов в стране низкое и что страна находится в глобальной экономике просто по-

тому, что глобальная экономика существует, но страна не имеет даже контуров «экономики знаний».

В глобальной экономике физическая трудовая миграция представляет анахронизм – «старую» экономику в «новой» экономике. Такая миграция не только не является проводником тенденций экономической глобализации, но, напротив, выступает их тормозом, «оживляя» мир, разделенный всевозможными границами, барьерами и соответствующими предрассудками. Физическая миграция даже профессионалов-программистов реально не приносит им того, что они ожидают. Например, временно выезжающие из Индии в США программисты, конечно, могут рассчитывать на высокие доходы, но с ними обычно заключают краткосрочные контракты, и они оказываются вне системы социальной защиты, которой пользуются работники, занятые на постоянной основе. И они очень скоро начинают понимать, что принимающая страна относится к ним как к «чужим». Тем не менее, эти высококвалифицированные физические мигранты составляют сообщество с транснациональным сознанием и соответствующими ориентациями – в силу своей миграционной жизни и своего интеллекта. Это сообщество, так или иначе, «родное» глобальной экономике. Однако передовым ее отрядом, ее строителем является виртуальная миграция, подтверждающая самим своим фактом реальность глобальной экономики, которая осуществляется «на расстоянии» глобальными операторами.

Феномен виртуальной миграции демонстрирует, что суть глобальной экономики – не в транснациональных корпорациях и прозрачных границах, но в перемещении мировой экономики из физического пространства в информационное пространство. Это означает трансформацию самой природы рынка, главным механизмом которого становится уже не спрос/предложение, но информация. Информация в глобальной экономике и будет распоряжаться. Информация всегда была важна в рыночной эко-

номике, но играла все-таки подсобную роль, хотя и лихорадила рынки и провоцировала кризисы. Почему глобальная экономика воспринимается часто хаосом? Именно потому, что этот хаос – порождение даже не столько становления («переходного периода») глобальной экономики, сколько ее качества информационной экономики, в которой информация способна создавать полностью загадочные ситуации для тех, кто привык действовать по классическим рыночным законам. Выход – единственный: информационная экономика должна быть понята – она порождение технологического прогресса, а технологический прогресс не спрашивает у нас, быть ему или не быть, и мы просто обязаны адаптироваться к новой реальности.

Со временем эта адаптация непременно произойдет, считает А.Аниш, – когда будет осознано, что мы имеем дело не просто со словосочетанием «глобальная экономика», которое обозначает все ту же «физическую» экономику, только «более свободную», «более единую» и т.д., но экономику с принципиально новой системой «информационного управления». Эта новая система управления «заслуживает определения «алгократии» (от компьютерного, информационного понятия «алгоритм») – власти кодированных языков программирования, которые уже формируют деловое пространство во многих своих знаках, в том числе и в таком, как виртуальная миграция»¹.

Таким образом, мы получили еще одно определение общественной парадигмы, которая ныне формируется, - «алгократия», наряду с «глобальной некапиталистической социально-экономической системой» Д. Харви, «глобальным гражданским обществом»/«космократией» Дж. Кена и «глобальным гражданским обществом» М. Кэлдор. Все эти определения сходятся на признании, что формируется институционально новый соци-

¹ Aneesh A. Virtual migration: The programming of globalization. – Durham; London: Duke University Press, 2006. – P.137.

ум, институты которого существенно повышают уровень свобод – информационной свободы (информационное общество), экономической свободы (глобальная экономика), гражданской свободы (глобальное гражданское общество). Этот в целом в мировом социуме рост свобод противоречиво сказывается на состоянии общества в отношении социального мира/социальных конфликтов.

Человек и общество в зоне влияния глобальных информационных технологий

Хряпченкова И.Н., д.ф.н., профессор, г. Н. Новгород

Паутина глобальных информационных технологий все более плотно окутывает мировое сообщество. Мы сегодня видим их всевозрастающее влияние на общественные процессы во всем мире и в России. В этой связи весьма актуален анализ тех социальных и личностных тенденций, которые характерны для современного западного социума и проецирование этих тенденций на российское общество с целью обнаружения и использования для дальнейшей интеграции общих закономерностей.

Информационные технологии сегодня представляются человечеству некоей панацеей от всех существующих проблем и бед, в том числе и тех, которые обусловлены всем ходом технократического развития цивилизации. Однако следует вспомнить, что техника и технология по мере своего развития обнаруживают глубоко амбивалентную сущность: до поры верой и правдой служа человеку, большинство технических достижений рано или поздно оборачиваются против природы и самого их творца. В современном мире перманентно возрастает степень неопределенности существования общества: на «артефактическом» уровне происходит обвальный рост техногенных катастроф, социально-психический континуум характеризуется нарастанием тенденций насилия и глубоких личностных искажений. Глобальные информационные технологии оказывают всевоз-

растающее влияние на все важнейшие социальные и личностные процессы, что требует всестороннего анализа соответствующих уровней социальной, этической, личностной константности.

Одной из тревожных тенденций становится рост внушаемости человека, обусловленный значительным ослаблением способности личности к активной самоидентификации. Этот личностный «слом» ведет к обезличиванию и тем самым открывает возможность для зомбирования человека, манипулирования личностью в ее обезличенности. Справедливость требует отметить, что деструктивные по отношению к глубинному строю личности тенденции проявляются на большинстве этапов цивилизационного развития, что имеет следствием их кумуляцию. Специфичность современного социума состоит в *качественном* перерождении такой важнейшей, имманентно присущей личности характеристики, как восприятие. В этих условиях человеческая индивидуальность неизбежно искажается вследствие упадка сознания, дозирования и ограничения знания.

Индивидуализация по мере своего углубления все более экранирует человеческую личность от тех источников, которые питают ее рефлексивную активность. Средства массовой информации воздействуют на индивидуума в его оторванности от родового, кланового, коллективного фундамента. Уровень технического развития современных средств массовой информации, глобализация и всепроницаемость информационных технологий превращают их в универсальный инструментальный управляющего и направляющего воздействия на сознание индивидуума и массу. В этих условиях, с одной стороны, личностное поле для размышления и созерцания заполняется пассивным потреблением видеопродукции; с другой стороны, открываются неограниченные возможности манипулирования массовым сознанием, что активно используется заказчиками и разработчиками PR-технологий, вал которых неуклонно нарастает. Сегодня ведущие западные социологи с нарастающей тревогой говорят о плотности инфор-

мационной сети, о «скрученном обществе», о давлении на человека всевозможных нормативов в современном социальном пространстве. Естественно, что явная тенденция ко все большему расширению, углублению и уплотнению информационных потоков и сетей будет в перспективе усиливать такое давление.

Современное общество с помощью СМИ предлагает индивидууму широчайший спектр альтернатив, направленных на единственную цель: поддерживать уровень занятости человека и отвлекать его внимание от возможности самостоятельно определять свои потребности и пути их удовлетворения. Возникающее сегодня вокруг человека искусственное окружение из шумов, информации и картинок имеет захватывающий и суггестивный характер; это обуславливает принципиальную невозможность подлинного созерцания и размышления, альтернативой которым становится гипнотическая деятельность. Анестезирующее влияние, оказываемое средствами массовой информации на обезличенное сознание, на массы, выхолащивает последние ростки саморефлексии. Таким образом, правомерно констатировать как тенденцию упадка и распада личности, так и сопряженное с этим искажение индивидуальности – фундаментальной социально-психологической характеристики. Жизнь индивида более не включает в себе принципа собственного движения; роль сознания в противовес его приоритетному назначению обеспечивать самоактуализацию личности сводится к почти исключительно координирующим функциям индивида в целом.

Трагическая ошибка эгоизма состоит в смешивании индивидуальности и личности. Стремление к максимальному отделению ведет к индивидуализации, которая в своем предельном развитии парадоксальным образом тяготеет к множеству, к материи. Таким образом, в подобной ситуации наличествует упадок сознания. Вершиной человеческой организации может и должна быть признана не индивидуальность, но лич-

ность. Экзистенциальное и потому неизбежно подвижное внутренне равновесие человека может поддерживаться как сравнительно стабильное при условии адекватного решения человеком своих проблем в рамках определенного культурного пространства. Следует отметить, что только личность в своем саморазвитии способна выйти на тот жизненно необходимый уровень социально-психической адаптивности, который бы гарантировал стабильность социально-психической константности человека. Именно поэтому проблема сохранения человеческой личности, логика дальнейшего развития человека как биосоциальной структуры в условиях всепроникающих процессов отчуждения видится сегодня одной из наиболее острых проблем, порождаемых ходом развития информационного общества.

Манипулирование сознанием лишает человека способности рационально осмысливать бытие, причем это равно относится к манипулируемым и к манипуляторам. Парадоксальным образом гипертрофированная индивидуализация трансформируется в обезличенность. На этой «благодатной» почве процветает манипулирование как личностью, утратившей свойства *собственно личности*, так и обезличенной массой. Вливаясь в массу, личность в нравственном и духовном отношении уменьшается, происходит неизбежное нивелирование личности под некий «среднестатистический» уровень. Управление массами можно осуществлять только посредством воздействия на бессознательное. Ничтожную роль сознания в психологии масс отмечает Н. Бердяев: «В фанатизме и разъяренности масс действует коллективное бессознательное, и они движутся коллективной символикой»¹. Соппротивление организованной массе может оказать лишь тот человек, который сумел организовать свою индивидуальность в не меньшей мере, чем масса. Иными словами, противостоять массе может лишь *личность*. Оздоровление общества сегодня видится только на основе обновления личности. Индивидуализация

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – С. 200.

все более усугубляется в условиях информатизации, глобальный и всепроницающий характер которой приводит к неизбежному «размыванию» родовых, этнических, семейных, личностных свойств человека. Индивидуализация как стремление возможно более отделить себя от других в конечном итоге приводит к вырождению, к потере себя как личности; ибо личности, вследствие закона синтеза, пронизывающего все мироздание, свойственно стремление к соединению, но без потери, «растворения» себя самой.

Таким образом, следует отметить, что только *личность* в своем саморазвитии способна выйти на тот жизненно необходимый уровень адаптивности, который бы гарантировал стабильность социально-психической константности человека. В этой связи нравственно-духовный опыт русской культуры, подарившей миру гениальную в своей высокой простоте идею «соборности», представляется бесценным. Соборность, понимаемая как духовная общность, по мысли Н. Бердяева, «находится в субъекте, а не объекте, означает качество субъекта, раскрытие в нем универсальности»¹. Таким образом, соборность является тем реальным механизмом, с помощью которого может быть решена проблема сохранения человеческой личности в условиях всепроницающих процессов отчуждения и объективации; эти процессы представляются сегодня одной из наиболее острых проблем американского и западноевропейского (а, в не столь долгой перспективе, к сожалению, и российского) общества.

Понятие «обезличивания» сегодня выводится далеко за рамки человеческой индивидуальности. Глобальный кризис, охватывающий все сферы человеческого существования, наиболее адекватно интерпретируется с помощью этого понятия. Проецирование глобального кризиса на социально-психическую сферу обнаруживает следующую аналогию. Равно как падение биологического разнообразия является признаком энтропий-

¹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. – М.: Республика, 1995. – С. 121.

ных процессов в живой природе, а снижение «культурного разнообразия» свидетельствует о вырождении культуры, обезличивание человека как утрата функции стабильности многообразия его внутриличностной константности есть неоспоримый признак упадка и разложения рефлексии. Апофеозом обезличенности становится искус «рассубъективирования», стирания уникальной субъективности, что открывает широкие возможности дальнейшему культурному расслоению, обезличиванию страстей и насилия; этому в высшей степени способствует резкое нарастание рассогласования между неизбежно ограниченным опытом индивида и валом информации, который аккумулируют глобальные информационные сети.

Современный социум предлагает личности два магистральных пути самоидентификации: либо приверженность традиции, либо отождествление себя с успехом. Каждый человек, который не может целиком самоидентифицироваться ни с традицией, ни с успехом, неизбежно страдает от личностного разрыва. Поэтому достоверный анализ проблематики социума должен быть сопряжен с исследованием изменения этической константности. Этика сегодня парадоксальным образом интерпретируется как отсутствие этики. Рассмотрение новейшего социума в его ценностном аспекте обнаруживает размывание целого ряда этических констант, чему в значительной мере способствуют следующие характеристические черты «пронизанного» глобальными информационными технологиями социального пространства.

Во-первых, для современного общества характерна перманентно возрастающая разветвленность социальных институций. Это, с одной стороны, находится в позитивной корреляции с законом дивергенции (который весьма упрощенно может трактоваться как закон необходимого разнообразия, обеспечивающего сохранение общества в экстремальных ситуациях); с другой стороны, резко проблематизирует идентификацию личности. Глубинные интенции личности вступают в непримиримое про-

тиворечие с навязываемой извне квазинеобходимостью мимикрии, поскольку заключают в себе настоятельную потребность личности в самоидентификации. Фрагментация социума постоянно возрастает; этому многомерному процессу соответствует фрагментация отношений, связей, восприятия. Коммуникационные социальные структуры оказываются все более втянутыми в зону влияния средств массовой информации, преимущественная ориентированность этих структур на пассивное, развлекательное и приватизированное использование информации приводит к тому, что целостные образцы толкования (хотя бы среднего радиуса действия) просто не могут больше сформироваться. Перманентная континуальность, необходимая для формирования целостных этических образцов и норм, замещается сложнейшей иерархической системой претендующих на самодостаточность дискретностей. Особую роль в этих процессах играет пространство глобальных информационных сетей. Оно изначально обусловлено фрагментацией и само, в свою очередь, обуславливает фрагментацию всех сфер жизни и, в пределе, самого человека. Бурное развитие информатизации в России вызывает определенный «перегрев» в сфере трансляции достижений западной массовой культуры, оказывающей всевозрастающее влияние на этическую сферу российского общества.

Во-вторых, нарастают тенденции перманентного ускорения перемен и возрастания темпов современной жизни, что представляет большую сложность для человека; это влечет за собой постоянное увеличение количества ситуаций, которые человек должен воспринимать. Единственным способом адекватного вписывания в различные ситуации становится постоянное повышение резервов адаптивности, что чревато срывом эмоционально-психической константности человеческой личности. Эта тенденция принципиально противоречит «прежней» этике, для вызревания законов и принципов которой требовались достаточно длительные вре-

менные периоды. Следует отметить, что каждая культура обладает характерным темпом, обусловленным длительным природно-историческим генезисом. Навязывание ускорения перемен и, как следствие, учащение жизненного ритма – американское влияние. В относительно долговременной перспективе это приводит к выхолащиванию самобытности, присущей каждой культуре; чуждые жизненные ценности и поведенческие стандарты при этом неизбежно «размываются», что приводит к полной этической дезориентации следующих поколений.

В-третьих, всевозрастающая мобильность социальной жизни имеет следствием разрыв не только родовых, клановых связей, но и семейных, дружеских, служебных, даже тех относительно слабых социально обусловленных взаимодействий, которые в целом способны обеспечивать ощущение стабильности, комфортности человека в социуме. Космополитизму новейшего социума соответствует некое гомогенное пространство; собственное пространство человека при этом сжимается до реальности своего Я. Однако Я без пространственно-временной основы своего бытия становится легко разрушаемым, что обуславливает целый ряд психологических деструкций – страх, психические болезни, конфликты и проч. На этическом уровне постоянный рост мобильности и нарушение пространственно-временных связей оборачиваются угрозой полного распада важнейшего «этического носителя», каковым является относительно устойчивая локальная человеческая общность.

Для российского общества, к счастью, эта последняя тенденция пока (!) не является доминирующей, однако необходимо учитывать следующую отечественную особенность. Российская ментальность, в противовес подвижной и высоко адаптивной западной, скорее, тяготеет к устойчивости, незыблемости, в основании которых лежит традиционализм; с этой точки зрения мы видим особую, разрушительную, опасность некон-

тролируемого развития тенденций ускорения перемен, возрастания темпов жизни, мобильности именно для российского социума.

Фундаментальной проблемой общества сегодня становится катастрофическая нехватка основополагающих ценностей; этика сегодня все более вытесняется культом успеха. Отмечавшиеся выше предельная индивидуализация, постоянно растущая мобильность социальной жизни, фрагментация общественных отношений выхолащивают издревле присущий человеку дух общинности – единственную подлинную основу всякой этики, с одной стороны, все более усугубляя индивидуализацию, о чем уже говорилось выше, с другой стороны, стимулируя противоестественную обезличенность. Таким образом, для новейшего этапа общественного развития характерно следующее: глубокая деструкция сложившейся этической константности, базисом которой является многомерная соотнесенность общинных и личностных свойств людей; становление некоей «новой» этики – этики успеха, предельной индивидуализации и обезличенности, вытесняющей «старую» этику.

Процессы становления «новой» этики непосредственно сопрягаются с глобальной информатизацией, охватывающей все сферы социума; в этой связи можно выделить следующие характеристические черты становящегося глобального информационного общества:

- сетевая логика, постепенно пронизывающая все уровни общественной жизни;
- гибкость, следствием которой является модификация институтов и организаций путем перегруппировки компонентов;
- всепроницаемость новых информационных технологий, вследствие чего все процессы, сопряженные с существованием человека, формируются на новой технологической основе.

Эти черты требуют от человека развития новых, доселе не присущих ему качеств: информационной толерантности и информационной актив-

ности. Как показывают социальные и психологические исследования, лишь относительно небольшая часть общества успешно адаптируется к изменениям, обусловленным сетевой логикой информационного общества; уделом многих других становится психосоматическая дезадаптация личности, зачастую выражающаяся в невротизации, депрессии и девиантном поведении. Таким образом, процессы встраивания человека и общества в контекст глобальных информационных технологий требуют пристального изучения на всех уровнях человеческой жизнедеятельности.

«Издержки» информатизации общества

Шиловская Е. Е., к.ф.н., доцент, г. Москва

Информационные технологии уже проникли практически во все сферы деятельности и продолжают «наступление», непрерывно совершенствуясь. По прогнозам специалистов развитие информационных технологий подошло к грани, за которой последует революционный скачок. На фоне других отраслей мировая информационная индустрия демонстрирует наиболее высокие темпы роста. Современные реалии таковы, что наличие собственной информационной индустрии - фактор, определяющий статус страны в мировой геополитике.

На фоне всеускоряющегося развития информационных технологий важно понять, какое воздействие на человека оказывает процесс информатизации. Позитивные и негативные последствия информатизации общества тесно взаимосвязаны, и вторые часто являются следствием первых. Ниже рассматриваются негативные аспекты информатизации, уже проявившиеся в основных сферах жизнедеятельности общества: экономической, духовно-культурной, политической, военной и социальной.

Информационные технологии, как правило, в значительной мере изменяют экономическую деятельность, в том числе процесс производства. Эти технологии, в частности, ускорили ритм работы, оставили меньше

простора работникам для инициативы и творчества, привели к увеличению физических и психических нагрузок на человека. Все это приводит к опасности появления разрушительной для человека психической реакции на эти изменения характера труда. Реальной угрозой, существующей в настоящее время, является техностресс.

Использование компьютеров на производстве и в частной жизни в качестве накопителей и преобразователей информации, а также контролирующих систем позволяет через их посредство детально анализировать поведение человека. Компьютеры, контролируя производство и частную жизнь, делают теперь человека компьютерно-прозрачным.

Другим немаловажным источником стресса является фактор ускоренного развития компьютерной техники и информационных технологий. Человеку постоянно приходится приспосабливаться к новым условиям работы с компьютером. Это вызывает страх и неуверенность в завтрашнем дне. Современная жизнь выдвигает новые требования к человеку, связанные с необходимостью постоянно учиться, повышать квалификацию, а иногда и переквалифицироваться, без этого люди в новом обществе экономически обречены.

Всё большее применение информационных технологий создает возможность такой угрозы, как дегуманизация труда. Передача человеком некоторых функций, например персонального руководства, компьютерным экспертным системам включает в себя следующие негативные моменты: руководители лишаются возможности регулировать в коллективе человеческие отношения; с усилением компьютерно-ориентированных коммуникаций часто утрачиваются чисто человеческие коммуникации; передача человеческого опыта компьютерам изменяет сам опыт работника, который подчиняется всё в большей мере целям руководителей.

Важнейшей сферой в жизни общества является духовно-культурная сфера, в том числе сфера образования. Отмечая в целом позитивный ха-

ракти процесса информатизации образования¹, следует остановиться на проблемах и трудностях этого процесса. Разумеется, рационализация обучения в форме математизации и информатизации необходима, так как является важным средством повышения эффективности обучения. Но чрезмерное стремление опираться в обучении, прежде всего, на рациональное знание и утрата образного, эмоционального, интуитивного знания часто приводят к отчуждению образования от культуры и духовности, в которых как раз и преобладают нерациональные моменты. Это, как правило, ведет к опасности формирования у обучаемых «компьютерного» мышления. Может произойти перенос навыков работы с информационными технологиями на навыки традиционной деятельности с помощью аналогии и уподобления своей деятельности работе технического устройства.

Другой аспект проблемы – все большее вытеснение человека из сферы интеллектуальной деятельности. Информатизацию связывают с исключением, отмиранием ранее сформированных, но впоследствии ставших ненужными навыков, умений, видов и форм деятельности, например, вычислительных навыков (устного счета, складывания и умножения «в столбик», извлечения корней, возведения в степень и т.д.). Информатизация, стимулируя «наиболее удобные» для формализации виды деятельности, способствует постепенному угасанию "конкурирующих" способов познания. Так легкий доступ к информации и эрудиция вытесняют самостоятельную выработку новых знаний. Теперь значительно проще найти в интернете уже написанное кем-то сочинение, решенную кем-то задачу, чем писать или решать самому.

Негативным эффектом информатизации является предоставляемая средствами информатики возможность почти полного ухода человека из

¹ Пасхин Е.Н., Митин А.И. Введение в педагогическую информатику – Учебное пособие. – М. : Изд-во РАГС, 2001.

реального мира в виртуальный. В виртуальных компьютерных системах, как в полноценных реальностях, человек может потерять ориентиры в мире, утратив различия между реальным и иллюзорным. Возникает опасность такого воздействия на человека, природа которого остается пока мало изученной и последствия которого трудно прогнозировать. Нарастающее увлечение компьютерными играми в обществе ведет к тому, что ценность виртуального мира и нахождения в нем возрастает, наряду с угасанием интереса к реальному миру, т. е. уменьшается интерес человека к чтению, искусству, спорту, путешествиям, семье и т. п. Довольно часто человек развивается в виртуальности, формируя свое «Я виртуальное», а развитие реальной личности в этом случае резко затормаживается.

Возникающая возможность ухода от трудностей и проблем окружающей человека действительности в заманчивый мир «компьютерных грез в киберпространстве», в виртуальную реальность может стимулировать явление аутизации человека. Многие исследователи продолжают высказывать опасения, что интернет и мобильные технологии усиливают ощущение одиночества в толпе, когда общение становится более поверхностным и менее личным, количество «прочных» связей уменьшается, а «слабых» наоборот увеличивается. К «прочным» связям, по мнению социологов, относятся основные отношения с людьми, перед которыми человек может раскрыться, на которых он может рассчитывать в случае необходимости, в присутствии которых он может расслабиться. «Слабые» связи являются приятельскими, более формальными. Они возникают между людьми, с которыми человек знаком в профессиональной или социальной сфере, к которым он может обратиться за информацией или с которыми может провести некоторое время. При этом они не входят в основной круг его общения.

По сути, виртуальная реальность вовлекает человека в новые формы бытия, которые в определенной мере могут формировать личность. Эти

формы бытия могут породить и новые формы социального контроля. Здесь можно провести аналогию с наркотиками, недаром уже существует термин «компьютеромания», т. е. «патологическая потребность человека в регулярном использовании компьютерных систем, вызванная привыканием к воздействию на его психику компьютерных игр и технологий виртуальной реальности»¹.

В настоящее время существенно усилились роль и значение политической сферы в жизни общества. Негативным аспектом информатизации в этой сфере является возможность получения разнообразной информации о человеке, который пользуется новыми технологиями, и несовершенство защиты этой информации в компьютерных системах. Вследствие чего возникает опасность использования информации и новых видов информационного воздействия на человека в неблагоприятных политических целях. В частности, это может привести к потенциальной угрозе информационного тоталитаризма².

С развитием информатизации общества уровень «включённости» людей в информационно-коммуникативные процессы существенным образом возрос, что многократно увеличило эффективность использования манипулятивных информационных технологий. Хотя процесс использования глобальной сети электронных коммуникаций только набирает силу, в интернете уже свободно расположились политические авантюристы, пропагандисты, разжигатели слухов и т. п. люди, как правило, лишённые доступа к официальным СМИ.

Особое место в жизни общества занимает военная сфера, связанная с защитой жизненно важных интересов государства внутри и за его пределами. Негативным эффектом информатизации в данной сфере

¹ Колин К. К. Фундаментальные основания информатики: социальная информатика: Учебное пособие для вузов – М. : Академический Проект, 2000 - С. 346.

² Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – М. : «Языки русской культуры», 2000.

являются широкие возможности, которые она предоставила для создания новых видов оружия и усовершенствования уже существующих видов. В настоящее время реальной угрозой является воздействие с помощью информационного оружия, ведение информационных войн. Война может быть и экономическая, но вести ее можно информационными средствами. Главное преимущество информационной войны – ее скрытность - люди даже могут не знать о том, что против их страны ведутся военные действия.

По мнению многих экспертов даже выборочное применение информационного оружия по объектам военной и гражданской информационной инфраструктуры должно завершить конфликт на его ранней стадии, т.е. до начала активных боевых действий войск сторон, так как эскалация информационного нападения ведет к катастрофе. Обладание информационным оружием в не меньшей степени, чем ядерным, обеспечивает подавляющее военное преимущество над странами, его не имеющими.

Современное общество постепенно приобретает практически полную зависимость от состояния своей информационной инфраструктуры. Это вновь приобретенное свойство делает его весьма уязвимым. Поэтому все более актуальной становится проблема информационного терроризма и информационной трансграничной преступности.

Социальная сфера играет определяющую роль в жизни общества, она включает в себя регулирование всего комплекса социально-классовых и национальных отношений, касающихся условий труда, быта, образования и уровня жизни людей. Негативным эффектом информатизации этой сферы является ускорение поляризации мира, увеличение разрыва между богатыми и бедными, технологически отсталыми и передовыми странами во всех областях, увеличение числа стран-маргиналов, находящихся на обочине развития цивилизации, что является главным источником неста-

бильности, сегодняшних и будущих конфликтов, в том числе глобального характера.

В обществе создается опасность возникновения новых видов неравенства. Появились такие понятия как «цифровое или информационное неравенство», «цифровой разрыв». Цифровое расслоение населения ведёт к неравенству граждан в области доступа к информации и новейшим информационным услугам, предоставляемым через интернет, и соответственно в реализации конституционного права на доступ к государственным информационным ресурсам. Такое расслоение приводит к потенциальной угрозе формирования информационной элиты общества и усиления возможности её воздействия на общество. Компьютерная коммуникация как таковая в ближайшее время останется преимущественно принадлежностью лишь образованной части населения наиболее развитых стран¹.

В частности, уже сейчас наблюдается рост социальной стратификации среди пользователей сети Интернет. Выбор мультимедиа будет ограничен не только людьми, имеющими время и деньги для доступа к компьютерным сетям и технологиям, но и странами с достаточным рыночным потенциалом; решающими в использовании сетевых технологий будут культурные и образовательные различия. Таким образом, в мире сетевых технологий будут существовать два различных типа пользователей информации: взаимодействующие и включенные во взаимодействие, т. е. те, кто способен выбирать свои «мультинаправленные цепи коммуникации», и те, кого будут снабжать ограниченным количеством заранее «упакованных» вариантов информации.

Другой актуальной проблемой становится всё большее влияние компьютерных социальных сетей на жизнь общества. На данный момент

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М. : ГУ ВШЭ, 2000.

социальные сети, по сути, являются огромной базой данных с самой разнообразной информацией о сотнях миллионов людей по всему миру. Большая часть такой информации, как правило, доступна в сети другому пользователю без какой-либо его регистрации. Кроме того, вся информация о пользователях сети доступна администрации этой сети. Регулярно возникают утечки личных данных пользователей в различных проектах. Одной из самых больших по размерам можно считать утечку личных данных 77 млн. пользователей игровой сети PlayStation Network в апреле 2011 года, и еще до конца не ясны последствия этого инцидента, возможно, имеет место утечка платежных данных пользователей¹.

Совершенно новым социальным процессом является так называемая «революция через социальную сеть» — название серии гражданских акций протеста, прокатившихся в Беларуси и ряде арабских стран. Акции протеста организовываются инициативными группами через социальные сети. Таким образом, революция приобретает новое лицо – сетевое. Ее оружие, по крайней мере, на начальной стадии – интернет.

Таким образом, можно заключить, что информатизация, затронувшая все сферы жизни общества, имеет не только свою позитивную сторону, но и негативную. Как отмечал еще К. Ясперс, «человек уже не может освободиться от воздействия созданной им техники. И совершенно очевидно, что в технике заключены не только безграничные возможности, но и безграничные опасности. Техника стала ни от кого не зависимой, всё за собой увлекающей силой»².

Культура безопасности личности в современном городе

Ильин А.В. , аспирант, г. Н.Новгород

В современном обществе как никогда становится актуальной проблема формирования культуры безопасности личности в условиях города.

¹ <http://www.guardian.co.uk/technology/2011/apr/26/playstation-network-hackers-data>

² Новая технократическая волна на Западе. – М. : Знание, 1986. - С. 145.

Эта проблема требует интегрированных исследований в педагогике, психологии, культуре, безопасности жизнедеятельности личности¹.

Становление культуры безопасности личности в условиях изменяющейся России, в условиях современного города, рассматривают многие ученые, например О. Г. Грохольская², Иовенко И. В.³, Ю. Л. Науменко⁴. Ими рассматривается методология построения дидактической системы современного городского образовательного учреждения, базирующаяся на практикоориентированной идее жизненной самореализации через формирование основ культуры безопасности личности. В их трудах идея сохранения личности идет через формирование безопасной личности, и это приравнивается к безопасности самой личности (личной, производственной, национальной) и безопасности ее поведения (для государства, общества, нации).

Одним из наиболее эффективных путей достижения безопасного общества является развитие и формирование культуры безопасности личности в жизни и деятельности через образовательный процесс⁵.

Основополагающим сегодня является видение образования как культурного процесса, осуществляющегося в образовательной среде, все составляющие которой наполнены человеческими смыслами и служат человеку - его развитию, самоопределению, самореализации».

¹ Актуальные проблемы формирования культуры безопасности жизнедеятельности населения [Текст] // 13-я Международная научно-практическая конференция по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. – М., МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2008. – С 121–122.

² Грохольская О. Г. Проблемы теории обучения. Иркутск: Оттиск, 2007 — 340 с.

³ Иовенко И. В. Теория и практика формирования культуры безопасности жизнедеятельности в чрезвычайных ситуациях у учащихся общеобразовательной школы. — А/р. докт. дисс. Москва, 2003. — 33 с.

⁴ Науменко Ю. Л. Модель формирования культуры безопасности личности учащегося. // Вестник Университета Российской академии образования. — 2009. — № 3, — 0,4 п.л.

⁵ Регуш, Л. А. Безопасность обучения школьников [Текст] / Л. А. Регуш // Материалы Всероссийской конференции Психологическая культура и психологическая безопасность в образовании. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 182 – 185.

Цель предлагается интегрировать через концептуальные идеи полноценной жизненной самореализации и формирования личности безопасного типа, которые и «работают» на конвергенцию авторитарного и гуманистического подходов.

Практико-ориентированная идея жизненной самореализации горожанина через определение индивидуальной образовательной траектории пересекается с идеей безопасной личности, которая в условиях социально-политической, экономической нестабильности и девальвации ценностных установок общества и современного города будет поддержана всеми субъектами образовательного процесса. Идея безопасной личности сможет стать доминирующей и, возможно, будет пролоббирована государственным бюрократическим аппаратом, поскольку является мировоззренческой идеей, определяющей направление формирования и развития личности в условиях сегодняшней реальности (угроза мирового терроризма, многочисленные катастрофы и катаклизмы, как природного, так и социального характера). Именно предложенная идея сможет соединить на пути ее реализации интересы государства, общества, личности.

В рамках реализации содержания с позиции заданной цели (полноценной жизненной самореализации личности через формирование личности безопасного типа), каждый факт, любая учебная информация рассматривается как существенный для выживания человека, нации, общества факт, а связи между фактами - как необходимое условие.

Основная задача формирования свободного цельного непредвзятого взгляда личности на мир - формирование мировоззрения.

В настоящее время серьезному реформированию подвергается система образования, которая представляет собой одно из наиболее действенных средств управления мировоззрением и менталитетом человека и общества. Современная гуманистическая педагогика уточняет существующие концепции по подготовке молодого поколения к жизни в

постиндустриальной цивилизации. Образование постепенно переключается на подготовку человека ноосферной формации.

Чтобы реализовать себя и достичь благополучия, человеку необходимо заботиться об индивидуальной безопасности горожанина, но для XXI века в условиях глобального экологического кризиса этого недостаточно.

Культура безопасности жизнедеятельности личности в современных городских условиях рассматривается как методологически новая школа воспитания, образования и подготовки к безопасной общественной и личной деятельности человека, общества и населения в целом. Сегодня культура безопасности жизнедеятельности личности, формируемая соответствующей воспитательно-образовательной дисциплиной (КБЖ), представляет собой более совершенную образовательную область, радикально развивающую и интегрирующую курсы «Основы безопасности жизнедеятельности» и «Безопасность жизнедеятельности» поскольку, предусматривает методически новый подход к проблеме защиты человека от воздействия чрезвычайных ситуаций природного и антропогенного характера в современных сложных социально-политических условиях.

Научно-технический потенциал России в настоящее время располагает широкими возможностями для создания передовых образовательных и информационных технологий, как основы формирования культуры безопасности жизнедеятельности. Подготовка учащихся в рамках образовательной области, формирующей культуру безопасности жизнедеятельности, должна базироваться на активном применении результатов усвоения образовательных предметов (географии, информатики, физики, химии, экологии и др.) для обеспечения личной и общественной безопасности при угрозе и в условиях чрезвычайных ситуаций.

Подготовка педагогов, руководителей системы образования различных уровней и специалистов в области гражданской обороны и защиты от

чрезвычайных ситуаций, сегодня осуществляется по программам, предусматривающим изучение обширного теоретического материала и проведение практических занятий и разного рода тренировок, связанных с целенаправленным и грамотным применением технических средств защиты населения и территорий от воздействия чрезвычайных ситуаций мирного и военного времени.

Методика обучения всего населения города (работающего и неработающего) в целом, включая население пенсионного возраста, базируется на совмещении систем контактного и дистанционного обучения с использованием средств массовой информации, периодической печати.

Нормативная правовая и законодательная база формирования культуры безопасности жизнедеятельности содержит основные документы по рассматриваемой проблеме: федеральные законы, нормативные правовые акты Президента и Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты МЧС России, справочные и нормативно-методические материалы. Обязательной правовой основой деятельности по формированию культуры безопасности жизнедеятельности являются нормативные правовые акты Президента и Правительства Российской Федерации: «Положение о Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» (Утверждено указом Президента от 11 июля 2004 г. N 868); «Положение о подготовке населения в области защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 4.09.2003 г. № 547; «Положение о единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» от 30.12.2003 г. № 794, Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35 — ФЗ.

Рассматривая параметры модели социально безопасной личности современного горожанина, которая является объектом и субъектом формирования культуры безопасности жизнедеятельности, отметим, что

под объектом культуры безопасности жизнедеятельности понимается личность, социальная группа, общество, на который должна воздействовать культура и который должен быть ее носителем.

Очевидно, что качества личности, проявляемые в повседневной жизни и при воздействии опасностей, являются определяющими факторами с точки зрения недопущения развития опасных и чрезвычайных ситуаций, минимизации их негативных последствий. Кроме того, не вызывает сомнения то, что доминанта безопасного поведения социальных групп, общества будет зависеть от личностных качеств составляющих их людей. В этой связи необходимо охарактеризовать модель социально безопасного объекта, под которой понимается совокупность качеств, черт личности безопасного типа.

Указанные качества принято условно разделять на следующие основные группы:

- психологическая устойчивость, составляющая основу качеств личности безопасного типа;
- психологическая готовность, определяющая основное содержание поведения личности безопасного типа (модель, стереотип поведения);
- социальная составляющая, выражающаяся в применении безопасных способов самореализации в условиях взаимодействия с обществом, окружающей средой.

В обобщенном виде основными характеристиками модели социально безопасной личности являются:

- альтруистические, общественно-коллективистские мотивы поведения;
- бережное отношение к окружающему миру;
- способность предвидения окружающих опасностей, грамотность в области безопасности жизнедеятельности;

- наличие способностей по личной защите, защите окружающих людей, природы от опасностей.

Для социальной группы дополнительно к указанным характеристикам добавляются единые взгляды на проблемы безопасности жизнедеятельности, а также наличие людей с организаторскими способностями в отмеченной области.

Городское общество безопасного типа должно, кроме того, характеризоваться непротиворечивым общественным сознанием и наличием правовых возможностей для обеспечения безопасности жизнедеятельности.

Таким образом, нами рассмотрены основные характеристики модели социально безопасного объекта на уровне личности, города, общества. Основной функцией культуры безопасности жизнедеятельности и должно являться достижение этих характеристик.

5. Регуш, Л. А. Безопасность обучения школьников [Текст] / Л. А. Регуш // Материалы Всероссийской конференции Психологическая культура и психологическая безопасность в образовании. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 182–185.

Модернизация коммуникативной сферы общества

Зеленов А. Л., аспирант, г. Н. Новгород

Универсальный курс России на модернизацию касается всех сфер общественной жизни, в частности, и такой сферы как коммуникативная. Эта сфера общества представляет собой предельно развитую информационную сферу. Уже давно высказывались критические замечания в адрес информационной сферы, связанные с ограниченностью ее односторонних прямых связей от отправителя к адресату. С самого возникновения кибернетики и теории информации (Винер, Тьюринг, Шеннон, Пирс) исходили из того, что информационные потоки в технических системах или в общении человека и ЭВМ имеют прямые и обратные направления движения: от отправителя к адресату и от адресата к отправителю. Более того, сам

смысл отправления информации предполагает осведомление отправителя о том дошла ли информация до адресата, принята ли она, понята ли она адекватно и какова реакция на данную информацию. Это и заставляло говорить об обратных связях, т.е. об установлении отношений коммуникации, общения между субъектами. Скажем, библиотекарям известны проблемы отклика читателей на книгу, проблемы встреч читателей с писателями. В научных библиотеках, в кинотеатрах, а еще ранее в театре Мейерхольда изучение реакции читателей, зрителей, слушателей на предлагаемую им научную или художественную информацию было вполне нормальным. Уже сегодня организаторы эстрадного шоу-бизнеса интересуются реакцией публики на певца или ансамбль. Киношники волнуются по поводу просмотрной окупаемости затрат на создание фильмов. Если говорить об искусстве, то в литературе о нем давно известно, что оно является коммуникативным посредником между художниками и публикой. Более того, еще К.Маркс писал, что книга, которую не читают не является книгой, что музыка, которую не слушают, не является музыкой: продукт производства должен стать предметом потребления. Когда А.Моль исследует закон моноканальности эстетической информации в своей монографии "Сциодинамика культуры" М., 1973), то он пишет не об одной(моно) связи, а об одном канале связи. таким каналом, языком, средством связи художника и публики является произведение. Но произведение не только создается художником (прямая связь), но и воспринимается публикой (обратная связь). Произведение ждет, чтобы его прочитали, прослушали, увидели, восприняли и оценили, и художники с тревогой ждут реакции публики на свое произведение:

Коммуникативная система

Художника \longleftrightarrow Произведение \longleftrightarrow Публика

Между прочим, становление художественной критики (Белинский, Сен Бёв, Добролюбов, Чернышевский, Стасов) и нужно было для реализа-

ции прямых и обратных связей в сфере искусства. Критик своими сценками произведения обращается и к художникам, и к публике. Знаменательно, например, что существуют литературная, театральная, музыкальная и т.п. критики, но нет архитектурной или дизайнерской критики, потому что переделать здание или автомобиль сложнее, чем роман, спектакль или оперу, тем более живописное, графическое или даже кинопроизведение.

Короче, вполне уместно говорить о модернизации не только традиционной однонаправленной информационной оперы, но и коммуникативной двунаправленной сферы.

Прежде всего необходимо четко представить сущность самой модернизации, потому что, как показывает анализ¹ существуют многочисленные альтернативные трактовки модернизации в современной отечественной литературе: от инновации до неоиндустриализации.

Мы согласны с названными выше авторами, что сущность модернизации существует и проявляется на двух уровнях: 1) на внешнем, поверхностном уровне как инновация, как внедрение творческих новаций и 2) на внутреннем, глубинном уровне как создание новаций, как креативная деятельность. При этом как новации, так и инновации мы понимаем широко в соответствии с универсальной природой модернизации, т.е. не сводим к техническим или экономическим нововведениям. Общество в целом нуждается в модернизации, а значит необходимы новации в образовании, науке искусстве, медицине и т.д., том числе и в коммуникативной сфере. Последнее особенно важно, потому что коммуникативная сфера пронизывает своими информационными потоками, прямыми и обратными связями все другие базовые сферы общества. Это связано с тем, что в любой сфере общества социальные субъекты вступают во взаимодействие в форме двустороннего общения, а это общение (в экономике, в

¹ Зеленов Л.А., Зеленов Г.Л., Владимиров А.А. Философские проблемы модернизации. - Н. Новгород: ВГАВТ, 2011.

образовании, в науке, в медицине, в искусстве и т.д.) нуждается не только в средствах коммуникации, но и в других компонентах коммуникативной деятельности (объекты, условия, процессы, результаты), а также в тех социальных образованиях, которые обрамляют всю коммуникативную сферу, превращая ее в систему (потребности, способности, отношения, институты).

Модернизация коммуникативной сферы должна начинаться с модернизации потребностей в коммуникации и способностей к ней, потому что сама коммуникативная деятельность, конструирующая коммуникативную сферу, определяется развитыми потребностями как побудительными силами и способностями как деятельными силами. Если проанализировать сферы общественной жизни с точки зрения качества, профессионализма и компетентности субъектов этих сфер (конструкторов, технологов, рабочих, учителей, врачей, депутатов, руководителей, судебных работников и т.д.), то можно отметить, что многие из них не обладают не только способностями знаниями и умениями, но и потребностями в активной и эффективной коммуникативной деятельности. Традиции консервативного командно-директивного стиля управления, ведения учебных занятий, судебного процесса, процедур диагноза и лечения в сфере экономики, делопроизводства, права, образования, медицины продолжают существовать. Даже молодые кадры учителей, врачей, управленцев, менеджеров, юристов не обладают сформированными в них потребностями в двусторонней коммуникации, потому что отдавать команды, приказы, т.е. однонаправленную управленческую информацию легко и просто, а ждать реакции субъектов на распоряжения, да еще и учитывать эту реакцию, утомительно и суетно.

Удивительно, что даже в современных учебниках и учебных пособиях по теории менеджмента не только не учитывается и не анализируется такая функция управления как контроль, т.е. обратная связь с управле-

мым персоналом, но наличие такой обратной связи в системе советского периода управления оценивается отрицательно (Бусыгин А.В. Эффективный менеджмент. - М., 2007, стр.56). Резонно спросить: разве менеджеру, тем более топ - менеджеру безразлично как реагируют управляемые на приказы, распоряжения, поступающие по каналам таких функций управления как планирование, организация, руководство? Ведь тогда и функция регулирования не нужна, потому что менеджер будет вносить коррективы только в свои параметры.

О том, что в разных сферах общества в России не налажены обратные связи, обратные информационные потоки и отсутствует понимание властными органами отношения народа, населения к управленческим решениям говорят не только социологические исследования ВЦИОМа или Леведа-Центра, но и открытие студии Н.Стрижак, поединки В.Соловьева, диспуты О.Кургиняна и т.д. К чести телевидения можно сказать, что оно активно развивает систему именно коммуникативных (прямых и обратных связей) между разными социальными субъектами, в том числе и первыми лицами государства и народом. Благодаря этому даже существует "ручное управление" социальными институтами со стороны Президента и Премьер-министра.

В свете всего сказанного становится понятной задача модернизации коммуникативных потребностей и способностей, и прежде всего превращение информационных (однонаправленных) потребностей и способностей именно в коммуникативные (двунаправленные) потребности (мотивационная культура) и способности (информационная и праксиологическая культура). Кадры надо переобучать, переобразовывать и перевоспитывать.

Вслед за модернизацией потребностей и способностей необходимо осуществлять модернизацию коммуникативной деятельности со всеми ее компонентами. Что касается субъектов коммуникации, то все вышесказан-

ное с потребностях и способностях имеет к ним прямое отношение. Объектом коммуникации является информация любого вида (экономическая, техническая, научная, педагогическая и т.д.), которая должна быть не только типологизирована, но и надежно закодирована, застрахована от помех, шумов и вирусов и подготовлена к эффективной передаче, приему, хранению и переработке в коммуникативной сфере. Средства коммуникации - это те же средства информации, только оснащенные дополнительными блоками, инструментами для приема обратной связи, для Фиксации обратной информации, в частности, блоками долговременной памяти и специальными блоками-анализаторами оценки информации. Принцип минимизации ориентирует на сокращение количества условий - компенсаторов в любой деятельности, но если они нужны, то должен осуществляться выбор наиболее эффективных (по качеству и количеству) компенсаторов, посредников коммуникации. Процесс коммуникации, т.е. совокупность операций с информацией (прием, переработка, хранение и передача), должен быть своевременным и оптимальным (оптимум как "встреча" минимума и максимума). Результат коммуникации должен быть доступен восприятию и оценке с точки зрения критерия целостности и ценности (проблема продукта и отхода как двух видов результата). Система коммуникации как структурированный состав компонентов коммуникативной деятельности предполагается не аморфной, а строго организованной.

Наконец, среда коммуникации - это все другие системы и сферы, с которыми вступает во взаимодействие коммуникативная система. Эта среда является или активным фоном коммуникации, или потенциалом компонентов для нее. В то же время не будем забывать, что коммуникативная сфера обслуживает все иные сферы общества, а значит должна учитывать их специфику, особенности коммуникации с ними. Это, по крайней мере, предполагает формирование в коммуникативной сфере спе-

циальной службы связи с другими системами и сферами. Она и может эффективно осуществлять прямые и обратные связи между сферами:

"Система коммуникации ↔ Служба связи ↔ Среда"

Необходимость формирования службы связи в коммуникативной сфере в связи с принципом обратной связи заставляет задуматься над вопросом о еще одном новом компоненте в любой сфере: посредник. Ведь коммуникативная сфера обслуживает все сферы общества, а значит в каждой из них должна существовать служба взаимодействия, согласования, взаимосвязи данной системы с другими системами или сферами. Если это не 9-ый компонент деятельности, то он, по крайней мере, должен относиться к 7-ому компоненту-системе, быть ее слагаемым.

Модернизации подлежат и социальные отношения и институты коммуникативной сферы общества, с учетом усиления значимости обратных связей между социальными субъектами и их деятельностью. В коммуникативных отношениях акцент необходимо делать на развитие отношений связи, содружества, единства, консенсуса, а не отношений Отграниченности, различия, вражды. Последние имеют значение, но их специально изучает социальная конфликтология. Следует специально изучать и социальную "консенсусологию", что уже представлено, например, в создании Института культуры мира в Татарстане:

Модернизация институтов коммуникации входит в задачу специального министерства РФ (Щеголев), но гражданское общество может здесь проявить активность и создать общественные, внесударственные институты коммуникации по примеру, например, Общественной палаты РФ или общественных палат округов и регионов. Наличие таких институтов приведет к возрастанию значения обратных связей в обществе и дискредитирует разгул массовых односторонне информативных серых и черных пиаров.

Иначе говоря, общий процесс модернизации в названном отношении должен быть процессом трансформации информационной сферы в коммуникативную!

Архитектура провинциальных городов России: опыт культурологического анализа

Агеева Е.Ю. , д.ф.н., профессор, г. Н. Новгород

Проблема культурологической интерпретации знако-символического строя архитектуры в качестве «текста» и проблема интерпретации конкретно-исторического архитектурного «слоя» существуют до сих пор. Культурологический анализ архитектурной среды той или иной эпохи может открыть недостающие для реконструкции ее культуры элементы мировосприятия и ценностей различных социальных групп, их социо-географических и политических предпочтений. Важным аспектом такого анализа является сравнение архитектурных ситуаций различных губерний России, взятых со всем разнообразием особенностей исторической, географической и культурной среды.

Систематизация архитектурно-исторического материала на основе культурологической теории (а не по хронологическому принципу) также является одной из проблем современной отечественной культурологии.

Развитие архитектуры и градостроительства в провинциальных городах России предлагается исследовать по этапам в исторической и художественно-стилевой последовательности с систематизацией материала по типологическому принципу. Каждый этап предлагается освещать на общем историческом и культурном фоне эпохи, что помогает понять особенности архитектуры провинциальных городов, понять рождение своеобразных художественных форм и стилевых интерпретаций в архитектуре и градостроительстве провинции.

Несмотря на кажущееся обилие материала, по-прежнему превалирует историко-архитектурный аспект. Сам процесс развития архитектуры в провинции представляется излишне прямолинейно и схематично. Культурологический аспект, дополняя искусствоведческий анализ архитектуры провинциальных городов ведет к более глубокому осмыслению данного материала. В поле культурных знаков каждого региона происходит выбор собственной интерпретации архитектурного стиля, которая и выделяет данный регион среди других русских провинций. Проблема стиля в провинции, соотношения столичной и провинциальной архитектуры актуальны для понимания общественных процессов в России. Сохранение и использование в современной жизни общества культурных ценностей, выработанных многовековым опытом народа – также одна из злободневных проблем архитектурной науки и практики¹. Это позволяет понять современные процессы преобразования архитектурных обликов регионов.

Методологической основой культурологического анализа являются, во-первых, концептуальные положения, изложенные в ряде работ В.С. Библера, А.В. Дахина, Ю.М. Лотмана: методика диалогического существования культур, положение о региональной стратификации общества. Понимание «недостойности» провинциальной архитектуры по сравнению со столичной нуждается в коренном пересмотре. Господствующая в искусствоведении «презумпция превосходства» столичной культуры над провинциальной, искажения провинцией образцов высокой культуры, пассивного восприятия провинцией новых идей и стилей нуждается в пересмотре. Именно с такой позицией мы подходим к провинциальной архитектуре, рассматривая ее как активную принимающую сторону, в диалоге двух культурных систем: столичной и провинциальной. Диалогическая ситуация сосуществования культур, ее

¹ Закон России «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

условия и этапы изложены в работах Ю.М. Лотмана¹, В.С. Библера². Итог диалогической ситуации ученые видят в том, что текст, привнесенный чужой культурой, «становится своим, трансформируясь и часто коренным отпуском меняя свой облик»³. Эта методика анализа позволяет на конкретном историческом материале рассмотреть генезис архитектурной среды провинции. Справедливо писал в свое время исследователь сибирского искусства Д.А. Болдырев – Казарин: «Заслуга не в том, чтобы создать свое искусство, а в том, чтобы суметь, в полном окружении других общественных культур сохранить его и просочившееся извне впитать в порядке своеобразной художественной диффузии и сделать своим»⁴.

Мы впервые обратились к культурологическим проблемам провинциальной архитектуры, хотя она является распространенной и массовой в России. При анализе обозначенного выше круга проблем провинциальной архитектуры мы стоим на той точке зрения, что ее своеобразие диктуется главным, «конститутивным»⁵. Мы впервые делаем попытку представить провинциальную архитектуру как закономерный результат воплощения русской исторической идеи, национального менталитета. Таким образом, провинциальную архитектуру мы рассматриваем в историческом социокультурном пространстве как типичное событие культурной жизни регионального социокультурного сообщества.

Основные выводы культурологического анализа провинциальной архитектуры в обобщенном виде следующие:

¹ Лотман Ю.М. Лекции по структуральной эстетике/Лотман Ю.М. и тартусско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. С. 10-253.; Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Избранные статьи в 3-х т., т. 1. – Таллин, 1992.

² Библер В.С. О диалоге культур. М., 1994. – 315 с.; Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991. – 412 с.

³ Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении/Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х т., т. 1 – Таллин, 1992. – с. 128.

⁴ Болдырев-Казарин Д.А. Народное искусство Сибири. – Иркутск, 1924. – С. 7,8.

⁵ Лосев А.Ф. Вещь и имя /Он же. Бытие – Имя – Космос. – М., 1993. – С. 818.

1. Элементы провинциальности: простодушие, жизнерадостность, духовность, лиризм образов, слитых с жизнью самой природы и витальность провинциальной застройки; собственная шкала социальных ценностей; влияние замкнутости и традиционности уклада провинциальных городов на архитектуру городской застройки; взаимовлияние профессионального архитектурного творчества и традиций народного зодчества.

2. Подражательство провинциальной архитектуры столичной осуществляется на основе строгого отбора, что говорит о существовании вполне конкретной, пусть неосознанной эстетической программы, сформировавшейся в глубине России, и разительно отличающейся от столичной.

3. Тонкость сравнения провинциальной и столичной архитектуры заключается в том, что не должно быть противопоставления памятников столичной и провинциальной застройки по художественному уровню. И столичная и провинциальная архитектура призваны сосуществовать, взаимно дополняя друг друга. У провинции свой индивидуальный социокультурный язык, который не может быть без ущерба для культуры заменен каким-либо другим.

4. Существует тенденция снижения уровня стандартизации архитектурных форм при движении от столицы к провинции.

5. Самостоятельная значимость провинциальной архитектуры обусловлена ее глубокой связью с русскими архитектурными традициями и бытовыми укладами. Источниками ее самобытности является соединение местных традиций и укладов со стандартами западных архитектурных стилей (классицизм, модерн, академическая эклектика).

6. В провинциальных русских городах о прямом западном влиянии можно говорить лишь условно, учитывая вторичность этого влияния, преломленного через столичную архитектуру. Существование диалогической ситуации в культуре, в силу которой провинциальная культура является не пассивным получателем информации, а активной принимающей стороной.

Содержание и методологическая основа нашего исследования применимы для дальнейшей разработки проблем провинциальной субкультуры в аспекте региональной стратификации социокультурного пространства. Пути продолжения мы видим в дальнейшем изучении влияния провинциальной архитектуры на другие феномены провинциальной субкультуры, затрагивающие такие проблемы как соотношение городской и сельской архитектуры в провинции, взаимовлияние народного зодчества и профессиональной архитектуры, соотношение стилей в провинции и в столице. Эти исследования могли бы прояснить конкретные механизмы таких процессов как «культурное влияние», взаимопроникновение культур, диалог текстов культуры и т.п. Д.С. Лихачев высказал глубокую по своему значению мысль – наше общество будет выходить из духовного и нравственного кризиса с помощью провинции, поскольку в провинции находились и находятся истоки культуры общества¹.

Научно-техническая природа ансамблевых творений как «философских камней»

Крашенинникова Е.С., докторант, г. Н. Новгород

Концептуальная идея сравнения города, его ансамблевых творений с «философским камнем» не просто картинная метафора, а принципиальная позиция, которая восходит к поисковому направлению для философии науки и техники. В истории философии были разные трактовки понятия «философский камень». Например, алхимики в средневековье пытались замысловатым образом соединить разные исходные материалы для того, чтобы получать из них драгоценные. В статье предпринята попытка соединить те привычные здравые мысли, которые закрепились за научно и технически емкими предметно - пространственными искусствами, прежде всего архитектурой, градостроительством, дизайном: «каменная летопись»,

¹ Лихачев Д.С. Культура как целостная среда //Новый мир. – 1994. - № 8. – с. 45-63

«мудрость городских поселений», «разумность планировочных структур», «создание комплексов понимающих человека вещей», «соразмерение жилых пространств техническими устройствами», «умный объект, комплекс, дом».

И в этом смысле в аналогию городского ансамбля, техногенного жилого или общественного комплекса как «философского камня» вкладывается не только образный смысл, но и некая устойчивая во времени мудрость. Именно она запечатлена в пространствах городов, которые реально создавались в организованном материале столетиями и тысячелетиями весьма умными людьми, профессионально сплоченными в большие мастерские, «цеха», коллективы. Предприятия, заводы, фабрики также отличаются устойчивой целостностью и их зачастую очень трудно разделить на отдельные части, поскольку, как правило, они имеют целостную инфраструктуру инженерных сетей, коммуникаций, транспортных и пешеходных связей.

В XX веке на смену монополии городов, образованных из случайных комплексов и редких ансамблей, стали приходиться крупные, крупнейшие и очень большие «спеченные» города. Это были агломерации нового иерархического уровня системности: «научная оценка районообразующей роли городских агломераций – это «пружины» развертывания потенциала города на основе последовательно раскрывающихся сторон его экономико-географического положения».¹ В отечественной и зарубежной науке специалисты разного профиля рассматривали их в комплексе ряда дисциплин, теорий, концепций: градостроительства, урбологии, урбанистики, урбоэкологии, теории расселения, теории агломерации, концепции нового элемента расселения (НЭР). В данном аспекте выделяется новый ракурс – ансамблевой иерархизации урбанизированных пространств.

¹ Перцик Е.Н. Города мира: география мировой урбанизации. - М.: Междунар. отношения, 1999. – С. 357.

Свою иерархию понимания развития городов предложил ещё греческий архитектор К. Доксиадис. Он определял такие тенденции развития целостности архитектурных объектов, как: динаполис, метрополис, мегалополис, экуменополис.¹ В этой иерархии видно, что в качестве элемента доминирования в системе «сверхбольших спеченных городов» агломерации не являются конечными из самых больших. Со временем агломерации сливаются в метрополисы и динаполисы. Последние становятся характерными признаками современной цивилизации, узнаваемыми даже из космоса, например, Ватикан, Монте-Карло, Гонконг, Сингапур – города-государства.

«В культурном поле перспективных путей становления современной цивилизации есть свобода для сопряжения всего со всем. Особая ценность свободы проявляется на путях позитивной согласованности основополагающих качеств общественного прогресса: эстетического и экономического (высокой стоимости красоты и красивых ценностей), этики и экологии (естественности добра и доброты естественности), культурного и цивилизованного (полезно-совершенного и совершенного в своей полезности). Такого рода соединения в сверхсложных объектах в целом очень нужны: «для реализации оптимистических прогнозов, для рационального преобразования человека, характера его труда и экологической среды».²

Прогнозирование развития регионов по рейтингам их статуса должно идти на основе неких исходных условий и ориентиров. Последние могут выполнять роль критериев и общих программных подходов к научному решению сложившихся инновационных задач, стоящих перед регионами в XXI веке. При всем разнообразии регионов России их все объединяет правило необходимости обеспечения технической безопасно-

¹ Тонев Л. Композиция современного города. - София: Изд-во Болгарской Академии наук, 1973. – С. 38.

² Кузнецов Б.Г. Философия оптимизма. - М.: Изд-во «Наука», 1972. – С. 359.

сти и гармоничности городов с максимально сохраняющимся природным окружением. Это может обеспечить синтез содержания и оформления, единство градостроительного, архитектурного, научно-технического и художественно-выразительного.

Это правило основополагающее в условиях рынка как в отношении внутренних взаимодействий регионов, так и в отношениях к зарубежным партнерам разного регионального статуса: «земли», «округа», «штаты», «префектуры», «коммуны» и т.д. Действует эта исходная установка не только во взаимосвязях территориально-пространственных параметров, но и в масштабе самых разных прогнозов: кратко-, средне-, долгосрочных и долговременных. Важным показателем в данном подходе выступает динамика снятия рисков и выход на стабильное развитие регионов как синергических урбанизированных ансамблей искусственных и естественных сред для полноценной жизни и деятельности людей.

В настоящее время в России более 70 % населения проживает в городах. Это большая часть людей страны, поэтому стабильное развитие городов является делом государственной важности. По основным показателям плана безопасности стратегического роста регионы должны соотноситься с тем, что представляет их традиционный хозяйственный профиль. Архитектура и строительство, инфраструктура и градостроительство, индустриальный дизайн и архитектурное искусство, наряду с промышленностью и сельским хозяйством, образуют основу общей конфигурации его ведущих составляющих по модели «ромашки».

Со всеми элементами урбанизированного развития территорий сопряжены дороги и инженерные коммуникации, транспорт и связь, жилищно-коммунальное хозяйство и обслуживание населения, проживающего на данной территории. За последнее два десятилетия практически во многих этих направлениях наблюдался либо застой, либо спад. Выход из тупиков сложившейся ситуации лежит через обеспечение тактической и

стратегической безопасности регионального развития, в способности внедрять передовые достижения науки и техники.

Научный статус регионологии и практическое моделирование объектов определенного ареала по критерию безопасности обеспечивает и инвестиционную привлекательность региона. Концентрация населения и сбалансированное развитие промышленности и услуг на определенных территориях страны предполагают сгармонизированное сопряжение процессов урбанизации и регионализации. Для урбанизации, усиливающей роль города, характерно преобладание центростремительных социотехнических сил. Для регионализации, укрепляющей позиции территорий, присуще центробежное воздействие власти, выражающее политико-экологические доминанты общественных преобразований. Регионализация и урбанизация - это две стороны системы расселения, определяющие безопасность и рост устойчивости регионов в качестве органических сверхсложных архитектурных систем.

«С точки зрения приобретения научного статуса регионология имеет сходство с урбанонологией. Данное обстоятельство, при действиях по принципу аналогов, может способствовать их более эффективному «парному» становлению. Ядрами кристаллизации научной информации соответственно могут стать «наука о регионе» и «наука о городе». В свою очередь они способствуют группированию в более ограниченное целое ряда учений: «учение о регионе», «учение о городе и агломерации», «учение об этносах».

Среди основных качеств, кардинально отличающих метрополию от агломерации, можно выделить несколько: значительная независимость в иерархиях управления и самоуправления на уровне региона; высокая мобильность населения, позволяющая быстро перемещаться за короткое время (1-2 часа) на больших территориях в радиусе 100 и более километров; развитая инфраструктура и сеть коммуникаций. На современном этапе

данные качества становятся определяющими в развитии более сложно организованного градостроительного целого. В связи с этим возникают комплексы объективных причин, которые отражаются в главных признаках развития метрополий, мегаполисов, агломераций, технополисов. Сверхбольшие городские скопления образуют городские агломерации»¹.

В развитых странах тенденции формирования урбанизированных мегаансамблей, вырастающих из сопряженных агломераций, просматривались достаточно ясно уже в 80 - 90-е годы XX века. Новые идеи исследователей непрерывного развития гиперурбанизированных городов шли ещё дальше. В поле их внимания попадали не только межрегиональные урбоструктуры, но и межгосударственные градостроительные конгломераты. Подобные новационные взгляды напрямую выходили на концепции безопасности и стабильности развития территорий больших площадей, образующих урбанизированные мегаансамбли.

Для многообразия идей и новых концепций в формировании больших и сверхбольших городских ансамблей была соответствующая почва. Иногда в их основе лежали политико-идеологические императивы, например, преодоление барьера «Берлинской стены», разделявшей Восточный и Западный Берлин. Уникальный интерес представляла, и теперь не бесполезна, единая сеть расселения СССР, некогда объединявшая территорию 15 республик. На смену грандиозным планам пятилеток пришло научно и технически выверяемое бизнес-планирование.

В градостроительстве отражается общество, со всеми его плюсами и минусами. Обусловленное определенными природными условиями, оно может характеризовать любой регион и по внутренним существенным закономерностям развития, и по внешнему виду. Так, в северных районах страны своя специфика, особые условия пространственной композиции

¹ Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. - М.: Мысль, 1987. – С. 104.

центра города: достижение иллюзии максимального приближения центра к жилищу по принципу «центр – на пороге дома».

В центральной части страны наоборот возможна организация нескольких подцентров в одном городе. Например, Москва, в которой районы являются техногенными комплексами, включающими в себя транспортные узлы, территории научных, учебных, лечебных спортивных, культурных, рекреационных, общественно-деловых объектов, в соответствии с новыми планами, может быть территориально удвоена. Ансамбли города и весь он могут быть распластанными, но в то же время достаточно компактными за счет повышенной этажности. Район «Черемушки» - яркий пример эксперимента по сносу ветхого пятиэтажного жилья и комплексной реконструкции квартала по строительству комплекса бизнес-класса «Адмирал», имеющий переменную этажность 15-18 этажей.¹

Значительные резервы развития градостроительства и перехода к более приемлемой для человека малоэтажной застройке во многом таятся в продолжении традиций старой российской радиально-кольцевой системы в центре и правильной обогащенной пластикой архитектуры по периферии. Эти современные тенденции хорошо видны на примере Нижнего Новгорода.

Гуманизация градостроительных ансамблей не подчиняется упрощенным формулам общественного и научно-технического прогресса. У неё есть свои закономерности. По мере «окаменевания» новые ансамбли должны полнее отвечать потребностям и способностям человека, отражать социальные отношения и институты, способствуя, в свою очередь, их эффективному развитию на основе современных научно-технических средств.

¹ Крылова О. Срединный пояс Москвы / Мир билайн. – 2002. - № 2 (33). – С. 72-75.

Научно-техническое проектирование: метаморфозы количественно-качественного измерения

Норенков С.В., д.ф.н., профессор, г. Н. Новгород

Попытаемся ответить на вопрос, как и из чего исходить в выборе количества детерминант проектирования. Выяснение методологии выбора монистического, дуалистического, триадного или иного другого подхода это далеко не праздный вопрос. Покажем, прежде всего, на исходных количественных константах возможности перехода от одного к другому в проектной деятельности.

1. *Монизм (проектный)*. Предметный мир, окружающий человека, и сам человек едины. Это факт практики и одна из общепризнаваемых истин в ее познании (например, в диалектике закон единства и борьбы противоположностей). Прежде всего единство предполагает наличие противоречивого модуса синархической целостности. Количественно определенное единство некоторой целостности выражается единицей - «матерью всего». Единица после нуля является первым числом натурального ряда цифр. В плане своей всеобщности это не только первая цифра в десятичной системе счисления, но и то, что в соотношении с нулем на языке математики, однако уже в философии, разводят «нечто» и «ничто». В системе ответов электронной машины («да» и «нет») для записи любой информации могут быть использованы лишь «0» и «1». В идеале архитекtonика и синархия могут сопровождать вариации данных ответов до бесконечности. Там, за гранью разумного, не постижимого ограниченным человеческим разумом, они могут подходить к пределам сложности, которыми властвуют Вселенная и Бог.

В количественном аспекте всякое число можно рассматривать как собрание единиц. Их сложению соответствуют линии, плоскости, фигуры. В геометрии единица является структурообразующим началом, которому соответствует точка. Движение ее порождает все многообразие мира изо-

бражаемых форм. Из факта единства мира следует единый и взаимосвязанный подход в решении всех проектных проблем. Это справедливо в анализе любого явления и также относится ко всякой человеческой деятельности как целостности. Лимиты и требования времени оказываются сходными, а также конечными в принятии любых решений. Временной фактор как исходное монистическое начало справедлив и для их реализации в проектной деятельности. Проектный монизм, о котором в данном случае идет речь, имеет аналог своего, часто многострадального решения в истории философской или проектной мысли. Этот аналог видится, скорее, не в непримиримой и нескончаемой борьбе за единственно верную истину материализма с идеализмом, дуализма с плюрализмом, профессионализма и дилетантизма. Монизм в данном конкретном случае просматривается в создании некоторой целостной теории и методологии, справедливой по отношению ко всякой действенной и эффективной проектной деятельности.

В жизни так же, как и в проектировании ее, само формирование сколько угодно сложных систем во времени может быть расчленено (прошлое, настоящее и будущее; рождение, становление, зрелость, упадок и гибель; производство, воспроизводство и потребление и т. д.). Дискретность в развитии предметного мира особенно очевидна в многообразии пространственных форм. При пространственном подходе к количественному ранжированию качеств любой среды можно увидеть другую крайность. Она заключается в штучности, прерывности всех форм предметного мира. Число их бесконечно. Отсюда начинается распад и умножение единицы. В проектировании они разводятся в принципах единства и разнообразия.

2. *Диалоговость и дуализм в проектировании (двухпутье, «двоица», четные числа).* Через развитие пространственно-временного описания систем возникает схождение и расхождение крайностей, полярностей. Это

дуалистическое противоречие зафиксировано в закономерностях единства и борьбы противоположностей. В проектной деятельности они трансформируются в принцип противоположностей. Различные вариации этого принципа предстают в модификациях двойственности, диалогичности. С помощью этого принципа и его двойников разрешение противоречий идет в диалоговом режиме.

Число «два» - это элементарное множество. В количественном выражении принцип противоположностей в проектной деятельности может реализоваться в системе двоичного счисления. Он наиболее удобен для работы ЭВМ. В технологии развертывания дуалистического, диадного, бинарного формируются пути решения сложнейших проблем. В концептуальном плане эти подходы, изначально родственные, имеют дело с альтернативами. За проектировщиком же всегда остается право развести или свести то, что представляется ему относительно или абсолютно противостоящим друг другу. Например, «собрать» или обособить текст проектной концепции и его графическое воплощение. К двоичной системе счисления предложил перейти Г.В. Лейбниц еще в XVII в. Ее использование в компьютерном программировании, видимо, имеет смысл не только для математики. Диалоговость, или двоичность, можно сравнить с тем, что в примитивном варианте противостояния тезиса и антитезиса несет с собой философия дуализма. Искусство диалога, спора, известное еще древнегреческим философам, привело впоследствии к развитию диалектики - науки, философской теории, учению, методу, методологии научного познания, системы принципов творческого мышления, приводящего от дуализма к триадности.

Диалектика как учение о противоположностях есть ключ к мифологии и к философии чисел (И. Кант, Г. Гегель, А.Ф.Лосев). В компьютерный век соединение современной двоичной системы счисления и диалектики в своей гуманизированной диалогичности может стать основополагающим в

диалектике проектной деятельности. Философия проектной деятельности немислима без этих ведущих разделов проектирования. Диалектический дуализм, который признает два независимых начала, в проектной деятельности есть не что иное, как развитие и разведение противоречий монистического подхода. В своем становлении он лишь конкретизирует последний и является необходимой ступенькой альтернативного проектирования, возможностью выбора из двух вариантов одного. В свою очередь, противоречивость развивается в конкретной деятельности до проектного плюрализма, несущего множественность начал.

Пространственная асимметрия практически всех живых форм, известных на Земле, говорит нам о том, что их противоположные стороны, свойства, качества не так уж противоположны (например, проекции животных спереди и сзади, растений снизу и сверху). Даже там, где казалось бы должно быть полное тождество, в частности относительно оси симметрии, как правило, обязательны незначительные нарушения. Отсюда можно усомниться, так ли всемогущ закон единства и борьбы противоположностей? Видимо, он, скорее, есть закон-тенденция, закономерность в развертывании взаимодействия систем по правилам симметрии и дисимметрии. Отражение сознанием этой закономерности имеет свою специфику развертывания полярностей. Всеобщность закономерностей полярности не во всем подтверждается всеми фактами истории. В ней развитие шло не только через тождественное противостояние и борьбу противоположностей, а и через комплексы противоположностей, гармонию ряда противоположных качеств. Если же идет многократно повторяющееся размывание устойчивого, неизменного, полярного, то как тогда называть те законы, которые, с одной стороны, восходят к универсальному единству мира, а с другой - ведут к такому многообразию, где сам принцип противоположностей теряет аналитический смысл. Есть границы, где он же переходит в другие принципы. В человеческой

деятельности в отношении к разным системам с одинаковым правом могут быть применимы принципы целостности, единства противоположностей и противоречий, единства и борьбы противоположностей и т. п.

3. *Триадность проектной деятельности (тривиум, тройственность, трехпутье)*. «Равнодушный» к жизненным проблемам математический ряд после анализа монистического подхода, который соотносим с цифрой 1, а также после диадного, или диалогического, соизмеримого с цифрой 2, подводит нас к заветной цифре 3. Троица - есть бережно хранимое в религиозной вере божественное единство. Она же (троица) есть безразличное личностному началу единство первых двух чисел ($1+2=3$). Число «три» - итоговый триумвират первых двух чисел.

Трехпутье также часто фигурирует в философии в таких привычных триадных рядах, как «всеобщее - особенное - единичное», «тезис - антитезис - синтез», «отрицание - отрицание отрицания - снятие» и др. В истории философии было достаточно примеров буквальной абсолютизации триады. Вспомним хотя бы триаду Гегеля и три компилятивных закона материалистической диалектики, которые в советской философии переключивались из учебника в учебник на протяжении десятилетий без значительных изменений. Сталинские правки гегелевской диалектики - это один из фактов проектирования философии, обосновывающей монополярный диктат на что-либо.

В основе графической интерпретации триады лежит простейшая в основе треугольная орнаментальная сетка. Она позволяет создавать плотные упаковки. Тройственное начало проектной деятельности фактически есть лишь специфическое отражение многообразных проявлений триадности самой действительности и того, как ее осмысливает человек («любовный треугольник», «мать - отец - дитя», «Бог отец - Бог сын - Бог дух Святой», «верх - середина - низ» и т. д.). С количественных и геометрических позиций наиболее развернутое выражение триадности нашла в

тригонометрии. Являясь очень важным разделом математики, тригонометрия использует достижения множества ее разделов. Трижды повторенный равносторонний треугольник образует правильный шестиугольник, а тот, в свою очередь, новую шестиугольную сетку.

На анализе триадности, в которой снимается жесткая дихотомия диалектики проектной деятельности, можно было бы и закончить. Ведь все последующие цифры и соответствующие им фигуры логически следует рассматривать как составные из предыдущих трех. Например, четырехгранник - как два совмещенных по диагонали треугольника, пятигранник - как совмещение трех и более треугольников и т. д. Все это так, однако у каждой новой фигуры и соответствующего ей числа появляются новые свойства, которых могло не быть прежде. Причем количественное изменение геометрических качеств идет с нарастанием не только в плоскости, как у первых трех чисел, а и в пространстве. Количество есть повторение качеств. Повторение тех или иных качеств после троекратного начала приобретает новые ракурсы.

4. *Квадратичность*. Известный в философии квадрат логический, который был принят для лучшего запоминания ряда аристотелевских категорий, говорит в пользу возможности рассмотрения множества проектных явлений и с позиций цифры «четыре». До сих пор мы не видели принципиальных границ для перехода от одного к двум, от двух к трем. Видимо, логика переходов действует в отношении всех чисел. Нет их и при переходе от предыдущих трех к четвертому. Вспомним задачу древних о квадратуре круга. Сегодня число $\pi = 3,14\dots$ является тем ключом, который дает разгадку тайне органичного перехода от квадрата к кругу. Здесь же есть математическая возможность движения от единицы к четырем. Отсюда же берут истоки возможности перехода от «диктата» монизма к плюрализму, к множественным рядам иерархических структур. Тем самым задается движение от простого к сложному, от одного уровня к другому.

Рядам, построенным на соединении двух и более пар полярностей, соответствуют четырехгранные, ромбические, шести-, восьми- и многогранные структуры. В архитектурном проектировании известно, насколько важно умение использовать эти структуры. В качестве примера можно лишь вспомнить сетки колонн, которые, по существу, определяют будущую структуру сооружения. Известная среди проектировщиков логика оптимального восприятия взаимоперехода простейших фигур дает широкий спектр выбора в формообразовании вещей. Возможное удержание общего в частном и наоборот в геометрии форм осуществляется в проектном формообразовании. Графически это можно видеть на рисунках, где показан постепенно протекающий дискретный и органичный переход с набором количественного нарастания качества сложности. Подобный переход может осуществляться не только графически, так сказать в зримых сущностях и в формах визуального мышления. Он возможен и даже желателен в аспекте приобретающих все большую популярность в преподавании философии проектирования на основе принципа наглядности. Этот принцип применим в решении любых проектных проблем. Количественное ранжирование качеств при проектировании может реализоваться и в незримых переходах самого абстрактного типа. Например, триада «всеобщее - особенное - единичное» может превращаться в квадриаду «всеобщее - общее - особенное - единичное». Подобное дробление и развертывание несколько не умаляет качественной определенности категорий. Оно лишь более строго требует их разграничивать в пределах синонимов, близких по смыслу и пограничных с ними терминов.

5. Пятиричность. Экспликация иерархического перехода в нарастающей количественной вариативности подводит нас к цифре пять. Эта цифра также обладает своеобразной магией притяжения для философов, ученых, художников, проектировщиков. Пятиконечная звезда - символ нашего и ряда других государств.

По пять пальцев у человека на руках и ногах говорит о больших вариативных возможностях чисто практического свойства. Возможно, это качество в сочетании с другими его житейскими, утилитарно-практическими проявлениями по отношению к другим естественным явлениям (пять обитаемых континентов на Земле, пять океанов и т. д.) позволило выделить в прикладной науке формулу оптимального числа для самых различных действий, случаев, условий, хорошо воспринимаемых человеком $n=5\pm 2$. В современном дизайне концепция ориентации на количественную оптимальность проявляется в том, что разработчики стремятся использовать в своих изделиях на их визуальной части количество элементов, равное 3, 4, 5, 6, 7. Это практически отрабатывается в оптимальных количественных рядах элементов, хорошо воспринимаемых человеком. Возможно, что число пять является той условной границей, где при восприятии человека совершается переход от простого к сложному.

6. *Шестиричность.* По существу, на числе «шесть» замыкается тройной повтор цифры два. Такой повтор обладает рядом замечательных свойств. Во-первых, он определяет трехмерную пространственно достаточную (декартову) систему координат. Во-вторых, в нем снимаются и диадность (тезис) и триадность (антитезис). В-третьих, подобный повтор позволяет строить правильную шестигранную сетку. В геометрических построениях шестичастность дает возможность бесконечных тождественных приращений. В природе шестигранник - очень распространенная форма. На нем основана геометрия строения кристаллов. В качестве своего жилища в виде сот его используют не только пчелы, но и человек. Есть у этого числа и другие замечательные свойства, но это уже вопрос специального анализа. Отметим лишь некоторые его аспекты. Являясь основой для построения шестигранных, шестигональных сеток, шестигранник при своем многократном повторении задает основу построения бесконечного количества орнаментов. Внутри себя «сотовые» структуры могут распадаться на

ромбические и трехгранные гексагональные сетки. Таким образом через шестигранник можно универсально наращивать плотные структуры, «упаковки» и одновременно объединять их на новом уровне.

Число шесть не изолировано от большего и рядом стоящего с ним, но не менее значительного числа – семь. Связь их настолько тесная, насколько это возможно между двумя замечательными числами. Они и их отношения многократно усложнены хотя бы в отношении натуральных чисел, стоящих перед ними (единицы и двух, двух и трех, трех и одного...). Любопытно, например, что в гексагональной сингонии, которая описывается в кристаллографии, на основе элементарной ячейки кристалла (три угла и три ребра) строится семь точечных групп симметрии.

7. Семиричность. Число семь как бы является своеобразным пиком в великолепном десятичном ряду чисел. В древности оно часто мистифицировалось и приобретало магический смысл. Числу «семь» посвящены целые книги и прекрасные кинофильмы.

Все последующие числа по своей мере приобретают качества самостоятельности в отношении любых проектных задач на соизмерение количества в повторенных качествах. Целочисленная количественная определенность - это высшая абстракция, которая как раз подходит в качестве объекта анализа для философии проектирования. Все частные случаи переходов количественных изменений - это то действительное многообразие реальных их приращений, связанных с конкретным бытием явлений, вещей, предметов. Теории чисел, перечислений, математических исчислений, аналитическая теория чисел, многочисленные числовые теоремы, посвященные количественным проблемам, есть необходимые стороны в проектном анализе. В данном случае количественная сторона дела интересна для нас не своими головоломками и тем, как их решали Евклид, Диофант, Эйлер, Ферма, Чебышев и многие другие. Она интересна тем, как одновременно, отправляясь от концепции простейших цифр через

математические системы счислений и геометрические преобразования, логически вывести самые высокие абстрактные идеи на графический проектный язык, т.е. как визуализировать мышление. По возможности в проектировании это следует делать, исходя из оптимальности, принципа минимакса.

В архитектуре четные числа всегда выражали спокойствие и умиротворение. Числа 1, 3, 5, 7..., являющиеся нечетными, определяют динамический ряд элементов. Они не только неуравновешены и неустойчивы, но и не могут образовать плотных упаковок, сеток, паркетов. Этот их «недостаток» является одновременно их достоинством. Они выступают в качестве переходящих элементов форм, отношений, являющихся более «живыми, чем мертвыми», в символических подходах.

Четные числа несут в себе свойства двоичности, а нечетные числа несут свойства единицы. Устойчивость и изменчивость в них относительна. Гармония и завершенность периодичности чисел согласуются с принципами творческой деятельности. На этом, пожалуй, можно и закончить, имея в виду, что ряд чисел может быть не только продолжен, но и разбит на дроби. На основе подобных и многих иных свойств чисел в проектной деятельности определяются критерии их отбора. Не следует также забывать о религиозных, мистических и символических подходах к счислению. Это, однако, отдельный вопрос, выходящий за рамки предлагаемого исследования.

Автор не отдает предпочтение ни одному из замечательных чисел натурального ряда цифр, которые в данном случае преимущественно трактуются с позиций философии науки и техники, а также общей логики проектной деятельности. Поскольку уже становится ясно, что ряд этот бесконечен, так же, как бесконечны вариативные возможности конкретных прикладных вариаций проектной деятельности, то аналитические и синтетические поиски научно-проектных решений и абсолютны, и

относительны в определенных границах использования современных технико-технологических средств. Эти границы и определяются творческой личностью в архитектонике синархии меры проектных мер.

Технический потенциал дизайна

Мартемьянова Е.А., аспирант, г. Нижний Новгород

Дизайн исторически с начала XX века был закономерным порождением двух изолированно существовавших сфер деятельности - технической и художественной, что до сих пор отражается в типичном определении дизайна как художественного конструирования. Становление дизайна предполагало преодоление техникой эстетической невыразительности, а искусством - "утилитарной бескорыстности" (И. Кант). К счастью, в истории человечества существовал "народный аналог дизайна"- художественные промыслы как выражение "шедевра" кустарно-ремесленного производства: в них было единство красоты и пользы, художественного и утилитарного. Задача дизайна и состояла в том, чтобы обеспечить это единство не на основе кустарного, а на основе Индустриального, машинно-технического производства. И дизайн прекрасно справился с этой задачей со времен Баухауза и ВХУТЕМАСа до настоящего времени. Можно сказать, что все современные совершенные технические изделия, продукты индустриального производства созданы дизайнерами или несут на себе печать принципов дизайна: гоночные автомобили и автозаправки Р.Лсуи, крылатые суда Р.Алексеева и О.Фролова, технические приборы А.Маслова и А. Шаповала, электронный микроскоп К.Аубёка, детские игрушки и мебель Азрикяна, больничная кровать Б.Арчера, одежда В.Зайцева и В.Юдашкина, легковые и грузовые автомобили, модульная мебель, светильники и посуда и т.д.

Включение дизайн-продукции в широкое массовое потребление обусловлено прежде всего ее техническим совершенством и эстетической

выразительностью. Это не значит, что дизайнеры не решают и других проблем качества (природоохранность, удобство, рентабельность, полезность), которые подлежат решению в соответствии со всеми шестью принципами дизайна: техническим, эстетическим, социологическим, эргономическим, экологическим и экономическим (Зеленов Л.А. «История и теория дизайна» - Н.Новгород: ННГАСУ, 2002).

В данном случае мы хотим обратить внимание только на один из принципов дизайна - на Технический, потенциал которого позволяет комплексно решать проблему (функционального совершенства дизайн-продукции).

Функциональное совершенство продукции дизайна обеспечивается техническим принципом дизайна с самого начала проектирования изделий и кончая авторским надзором дизайнера за производством продукции. Вполне понятно, что техническое совершенство предполагает оптимальное создание изделия и с точки зрения производства и с точки зрения потребления. Это и определяет существование двух групп требований с позиций технического принципа: технико-производственные и технико-эксплуатационные требования. Дизайнерам приходится их учитывать и во время обучения, и во время проектирования, и во время внедрения и авторского надзора.

Технико-производственные требования к техническому совершенству продукции могут быть интегрированы в 4 вида показателей, имеющих важное значение именно для промышленного производства того или иного изделия.

Материал, который используется для создания изделия должен быть продуман с точки зрения учета его технических и эстетических свойств, что оправдывает выбор металла, пластика, дерева, ткани, кожи и других, особенно искусственных, синтетических материалов. Они должны быть проверены с учетом требований утилитарной полезности (социологиче-

ский принцип), удобства и гигиеничности (эргономический принцип), экологической чистоты и природоохранности (экологический принцип), оправданности расходов (экономический принцип) и красоты (эстетический принцип). Комплексная природа дизайна в том и состоит, что все его принципы со всеми своими показателями обращены друг на друга, что, в конечном счете, обеспечивает системное дизайн-проектирование.

Конструкция, задающая скелет, структуру, архитектуру изделия тоже должна быть продумана с точки зрения надежности, долговечности, компактности и простоты, т.е., прежде всего, основных технико-эксплуатационных требований. В то же время она должна быть безопасной в эксплуатации, удобной в хранении и транспортировке, рентабельной в производстве и, разумеется, эстетически выразительной и информационной по форме.

Технология производства изделия должна быть современной и прогрессивной, а не ретроградной и трудоемкой. Это предполагает и учет ее безопасности для работников, способность минимально воздействовать на природную среду, максимальную безотходность материалов и техники, минимизацию технологических операций и приемов.

Техника, используемая в процессе производства (станки, оборудование, инструмент, приборы оргтехника и пр.), должна быть передовой, а не отсталой, основанной на достижениях серии естественных и технических наук. При этом учитываются расходы на технику, возможность ее многократного использования, безопасность функционирования, исключая профессиональные болезни и производственный травматизм.

Названные показатели технического совершенства продукции предполагают со стороны дизайнера определенный минимум технической культуры, тот минимум, который достаточен для учета названных показателей, а не тот максимум, который должен быть у конструктора, инженера, технолога как профессиональных специалистов в данной отрасли произ-

водства. Все это предполагает, что дизайнер уже на этапе обучения должен освоить некоторую совокупность знаний и умений в области Материаловедения, основ конструирования, основ технологии, истории и теории техники. Пока названные учебные дисциплины преподаются специализированно, узко: металловедение или конструирование автомобиля, технология проектирования судов, электронно-измерительная техника и т. п. Если дизайнер узко специализирован на проектировании автомобилей или кораблей, мебели или радиоизмерительных приборов, то ему будет достаточно обзорных общих курсов по 4 учебным дисциплинам. Но многие дизайнеры работают в нескольких отраслях, проектируют различные изделия, поэтому должны обладать знаниями и умениями общего, интерактивного характера. К сожалению, пока отсутствуют науки и учебные предметы и пособия, посвященные общей теории техники, общей технологии, общей теории материалов, общей теории конструирования. Эти проблемы общенаучного характера исследуются с 1976 года такими представителями Нижегородской школы дизайна как профессора В.А.Щуров, А.В. Шаповал, В.Я. Береснева и находят отражение в их публикациях.

Технико-эксплуатационные требования предполагают учет ряда технических показателей на этапе потребления изделий покупателями, функциональными специалистами (станочники, операторы, шофера и др.). Среди этих требований интегрально могут быть представлены следующие показатели.

Функциональность - это первичное эксплуатационное требование: вещи должны выполнять свои «профессиональные» функции (часы показывать время, а не температуру; автомобиль хорошо ездить, авторучка хорошо писать и т.д.). Это требование дизайнер учитывает на стадии проектирования при функциональном анализе будущего изделия на его прототипах или рабочих образцах. Теория функционального анализа в дизайне основательно разработана и эффективно используется таким

белорусским дизайнером как О.В.Чернышев на факультете дизайна Белорусского театрально-художественного университета;

Надежность - важное требование потребителей продукции, оно вполне может быть выражено понятием безотказности функционирования изделия в пространстве и времени: часы везде и всегда должны показывать точное время, автомобиль должен безотказно заводиться, тормоза должны безотказно срабатывать, термометр должен безотказно показывать температуру и т.д. Теория надежности технических систем достаточно основательно разработана специалистами Нижегородского госуниверситета и Нижегородского архитектурно - строительного университета А. Угодчиковым, К. Кулагиным, А. Супруном, О. Сободем или другими; серия внедрений в системе канарспи на заводе "Сокол";

Долговечность - это та же надежность, только продленная во времени. Время функционирования многих изделий задается нормативами и стандартами от одноразовых шприцов и 3-х летних гарантий до 40 лет и более. Дизайнер должен считаться с существующими нормативами, которые задаются уже в техническом задании, но он может своей деятельностью увеличить срок функционирования продукции. Скажем, крылатые суда Р.Е. Алексеева, созданные в 1957 году функционируют надежно до сих пор, а горьковский автомобиль "Победа" 1946 года производства, надежно возит любителей и в 2011 году (праздничные заезды). Можно позавидовать и "народным дизайнерам", которые создавали 400 - 300 лет назад супернадежные самовары, кухонную утварь, мебель, сапоги, амбары, замки, ножи и ножницы и т. д. Дизайнерам есть на кого равняться;

Полифункциональность - это одно из специфических требований дизайнера как полпреда потребителей в сфере производства: количество вещей должно быть минимальным, а функции их максимальны. Это обеспечивается созданием полифункциональных изделий путем совмещения

нескольких функций на одном изделии (стиральная машина, пылесос, миксеры, швейные машинки и пр.). Здесь, правда, приходится учитывать совместимость функций, и в этом отношении поучителен урок шведского дизайнера, совместившего функции кофемолки и миксера на пылесосе. Вещь не пользовалась спросом, производитель понес потери.

Компактность - предполагает ориентацию дизайнеров на минимизацию объемов изделия, на создание вещей небольшого размера, что обеспечит экономию пространства в жилых и производственных помещениях, в средствах транспорта, лабораториях и т. д. Достижения электроники здесь давно известны людям по мобильникам, магнитофонам, фотоаппаратам и т.д. Особенно успешно работают японские дизайнеры, например, Хиресси Оути в фирме "Сони".

Простота - одно из важных функциональных качеств, выражающее легкость, доступность, простоту складирования, упаковки, транспортировки, хранения, ремонта, замены частей, управления изделиями даже самого сложного назначения (компьютеры, мобильники, автомобили и т. д.). Вещи не должны при их эксплуатации требовать от потребителя высшего специального образования.

Как мы видим, данные требования достаточно очевидны и отражают замечания потребителей и покупателей в их рекламациях на товары. Дизайнеры должны учитывать эти замечания, поскольку все они направлены на создание технически совершенных изделий разного назначения. Нельзя забывать, что кроме позитивной рекламы есть и негативная рекламация!

Завершая анализ технических возможностей дизайна особенно в условиях современной модернизации, следует сделать несколько итоговых замечаний:

- 1) многогранное значение дизайна для общества является закономерным проявлением комплексной природы дизайна, которая отражается в системе его базовых принципов;

2) аналогичным образом могут быть рассмотрены потенциалы всех других принципов дизайна: социологического, эргономического, экономического, экологического и эстетического. Этот анализ может быть интегрально представлен как анализ КПД дизайна;

3) исследование комплексного значения дизайна для общества может быть выражено рядом положений:

а) необходима серьезная разработка теории дизайна на основании его базовых принципов: социология дизайна, эргономика дизайна, экономика дизайна, экология дизайна, эстетика дизайна, технономия дизайна.

Россия проиграет, если не будет развивать 4 функциональных аспекта дизайна: Науку о дизайне, Педагогику дизайна, Практику дизайна и Управление дизайном. Потенциал, созданный в советское время надо сохранять и развивать.

Реклама – информация, рекламация – коммуникация

Зеленова А.Л., аспирант, г. Н. Новгород

Товарно - денежное производство предполагает развитую систему обмена (купли - продажи) в обществе, представленную коммерческой деятельностью с ее сферой торговли, маркетами и супермаркетами, складскими помещениями, службой хранения и консервации, логистики и маркетинга. Особый интерес представляет служба маркетинга, имеющая и свои кадры, и свою деятельность, и свою науку, и свои маркетинговые средства, и, разумеется, свои проблемы. Среди проблем маркетинга выделяются две: позитивно значимая - реклама и негативно значимая - Рекламация. Первая связана с социальной информацией, а вторая - с социальной коммуникацией. Рассмотрим эти связи и их специфику.

Реклама - это естественный механизм существования торговли, а не производства и не потребления. Производство не нуждается в рекламе, потому что оно "выбрасывает" произведенные продукты в сферу торговли,

хотя и ждет от нее ответа: покупают товар или нет. Потребление не нуждается в рекламе, потому что потребление руководствуется потребностями, а они объективны. Реклама же работает на субъективный спрос, а не на потребность.

Закон спроса и предложения не имеет прямого отношения к производству и потреблению. Он работает в сфере торговли, регулируя динамику цен на товары и услуги: падение и повышение. Изучение спроса на товары и услуги определяет существование маркетинговой службы, которая использует такой механизм манипулирования спросом как реклама. При всем многообразии функций рекламы главной является функция побуждения к приобретению товара или услуги, функция формирования и стимулирования спроса. При этом для рекламы безразлично качество товара или услуги. Полезно иметь в виду два высказывания на этот счет: "Лучшая реклама - качество товара"(Г.Форд) и "Не обманешь - не продашь"(русское купечество и коробейники). В первом случае реклама не нужна, потому что качественный товар вызывает спрос сам собой. Во втором случае нужна иллюзорная подача товара, т.е. реклама во всех ее видах: графическая, световая, телевизионная, плакатная, игровая, вербальная.

Информация. Внутренним механизмом функционирования рекламы является информация, которая содержится в вещественно-энергетических носителях средствах рекламы, сигналах информации. При этом, как сказано выше, признаки (свойства) товара или услуги могут представляться как адекватно, так и неадекватно, как истинно, так и ложно. В процентном отношении истинная и ложная информация может быть представлена от 0% до 100%, но лучше всего, как учил Геббельс, чтобы правды было хотя бы 1%, а может и 5%. Но дело даже не в этом, а в том, что информация в рекламе не имеет конкретного адресата, она безадресна, потому что не ждет ответной информационной реакции покупателей. она побуждает к действию, к покупке, приобретению, а не к информационному ответу. В этом

отношении однонаправленность рекламы тождественна однонаправленности информации: закон тождества рекламы и информации. Правда, в последнее время рекламодатели начинают привлекать специальных (как правило, случайных) работников к сбору ответной информации от публики. Это прямая функция маркетологов: сбор и изучение ответной информации на рекламу и на качество товара. Но чаще всего этот сбор превращается в простое предложение рекламной продукции случайным людям со стороны не менее случайных девушек в профодеждах. Странно, но коммерсанты не интересуются ответом населения на рекламу или даже на качество товара. Более того, когда "ответ" является в лице журналистов, телеоператоров, корреспондентов или работников полиции, то "приемное окно или дверь" оказываются закрытыми. Вывод: коммерсантам нужна однонаправленная информация от отправителя к адресату, а не прямые и обратные связи. СМИ и реклама и выполняют эту задачу.

Рекламации. Но тем не менее, существует и субъективная реакция на товары и услуги, "независимая" от рекламы: это реакция экспертов, покупателей, потребителей, конкурентов, независимых маркетологов, судебных органов. Эта реакция в ее негативной форме обобщается и суммарно представляется в виде рекламаций (критических замечаний, претензий) на товары и услуги. В случае известных "контрольных закупок" рекламации заявляются сразу после покупки или потребления товара или услуги, но предъявляются они не коммерсантам, не производителям, не рекламодателям, не продавцам, а только экспертам или контрольным службам. Обратная связь появилась, но ответная информация адресуется не отправителю, а индифферентным субъектам. Производителям и торговцам от такой ответной информации ни тепло, ни холодно. Нужна не просто ответная информация, а такая, которая адресована первичному отправителю: производителю, торговцу или рекламодателю. Только тогда можно гово-

речь о наличии прямых и обратных связей в одном канале: в канале коммерции или в рекламном канале. Это и есть социальная коммуникация.

Коммуникация. Если реклама не нуждается в коммуникации, то реклама не может обойтись без ответа на вопрос: без реакции отправителя на реакцию адресата на посланную и полученную информацию. Все это лишний раз убеждает, что общество не может существовать не без информации, а без социальной коммуникации, без прямых и обратных связей между социальными субъектами. И это имеет отношение к любой сфере общественной жизни, а не только к экономической или торговой сфере. Отправители и адресаты, производители и потребители (клиенты, пациенты, ученики, пассажиры и т.д.) существуют в сфере образования, медицины, транспорта, управления, спорта, ЖКХ, армии и т.д. Старый принцип сферы торговли "покупатель всегда прав" можно распространить и на другие сферы, где всегда прав не тот, кто обслуживает, а тот, кого обслуживают: клиент, пациент, ученик, пассажир, и пр.

Это и наводит на мысль, что маркетинг- это не только явление сферы торговли, коммерции, а явление всей общественной жизни, где все люди выступают как потребители, покупатели, клиенты, пациенты и т.д., т.е. те, у кого есть потребность в разнообразных товарах и услугах, а эта потребность субъективно выражается в спросе, в интересах, в ценностных ориентациях. Рыночная экономика в России заставила говорить об услугах с их потребительной и ценовой стоимостью, с их ценой образовательных, театральных, музыкальных, медицинских, ветеринарных, полицейских, судебных, адвокатских услуг. Всюду внедряется система купли-продажи. Люди перестают быть друзьями, товарищами, даже партнерами. Они теперь коллеги, покупатели и продавцы, кредиторы, пайщики, члены корпорации, но уже не человеки, не личности.

В конечном счете необходимо развивать теорию маркетинга как широкую социологическую теорию, а не теорию рынка торговых товаров и

услуг. Нельзя идти по пути Теории менеджмента, который сузил проблематику теории социального управления, превратив ее в теорию управления бизнесом, финансами.

Развитие человека как основная задача информационного общества

Матяева И. Л., соискатель, г. Н. Новгород

С конца сороковых годов XX века началось обсуждение философских вопросов техники. Как же философы оценивают современную технику?

До немецкого философа М. Хайдеггера¹ техника оценивалась только положительно, как последнее, эффективное орудие, способствующее «триумфальному шествию Разума и Добра». Хайдеггер сделал сенсационное заявление: он первым увидел в технике величайшую опасность для человека, поскольку человек «выдан» технике, «затребован» ею.

«Техника, – пишет А. А. Воронин², – это цивилизованный вирус, поражающий культуру, сублимация агрессии, безответственная алчность, техника – это бездушная тварь, пожирающая людей, с одной стороны. С другой – даже передать эти мысли без техники невозможно, техника – это уже человеческая природа, воздух культуры и надежда на будущее».

Придерживаясь отрицательного воздействия техники Х. Ортега-и-Гассет³ отмечает, что «сама техника, являясь человеку, с одной стороны, в качестве некой, в принципе безграничной, способности, с другой – приводит к небывалому опустошению человеческой жизни, заставляя каждого жить исключительно верой в технику, и только в нее. Вот почему наше

¹ Разинов Ю. А. Интернет как событие культуры // Интернет, Общество, Личность. ИОЛ – 2000: Материалы международной конференции / СПб.: Институт «Открытое общество». СПб., 2000. С. 69 – 70.

² Воронин А. А. Техника как коммуникационная система // Вопр. философии. 1997. № 5. – 125 с. С. 101.

³ Ортега-и-Гассет Х. Избр. тр. / Сост. и общ. ред. А. М. Руткевича. М., 1997., – С. 221.

время – как никогда техническое – оказалось на редкость бессодержательным и пустым».

Вместе с тем, техника открывает перед человеком новый мир, новые возможности существования в нем. Сравним, например, возможности изучения иностранного языка с помощью книг-самоучителей и с помощью компьютерных лазерных дисков. Или подготовку рукописи книги с помощью шариковой ручки и компьютерного редактора текстов. Как говорится, комментарии излишни.

Техника дает человеку поистине огромное расширение реального видения мира. Например, не удивительно, что сейчас, как никогда прежде, бурно развивается астрономия, опирающаяся на достижения современной науки. Благодаря транспорту человек преодолевает пространственные ограничения и т. д.

Словами К. Ясперса¹ можно суммировать сказанное выше: «Реальность техники привела к тому, что в истории человечества произошел невероятный перелом, все последствия которого не могут быть предвидены и недоступны даже для самой пылкой фантазии. Но очевидно следующее: техника – только средство, сама по себе она не хороша и не дурна. Всё зависит от того, что из нее сделает человек, чему она служит, в какие условия он ее ставит. Весь вопрос в том, что за человек подчиняет ее себе и каким образом он проявит себя с ее помощью. Техника не зависит от того, что может быть ею достигнуто, то есть это не самостоятельная сущность, это скорее триумф средств над целью».

Современная техника оказала воздействие на все сферы жизни общества: материальную, социально-политическую, духовную, политическую. Значительные изменения социальной сферы, конечно, не могли не затронуть одну и важнейших её структур – образования.

¹ Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 146

С тех пор, как Платон «передавал мудрость изустно», ведя диалоги со своими учениками в тенистой роще Академия, «средства доставки» учебного материала заметно преобразились. К папирусу и грифельной доске добавились печатный текст, фильм/видеофильм, аудиозапись, компьютерная программа и т. п.¹

Как следствие прихода в образование компьютеров, стали появляться и компьютерные учебные средства – компьютерные учебники, различные демонстрационные, обучающие и контролирующие программы и т. д. Компьютер заметно изменил нашу жизнь. Еще больше изменений произойдет в ближайшее десятилетие благодаря революции в области глобальной цифровой системы связи, распространению мультимедиа.

Таким образом, информатизация образования представляет собой систему методов, процессов и программно-технических средств, интегрированных с целью сбора, обработки, хранения, распространения и использования информации в интересах ее потребителей. Цель информатизации образования состоит в глобальной интенсификации интеллектуальной деятельности за счет использования новых информационных технологий.

Но такая глобальная «продвинутость» в области компьютеризации, информатизации образования есть ли это благо для человека?

Известно, что психологами установлено – 60% информации передается невербально, а из оставшихся 40% что-то приходится на тембр голоса, манеру изложения, и только 15% – непосредственно на слова². В настоящее время в образование вкладываются колоссальные деньги на развитие информационных технологий, различных форм дистанционного обучения, дистанционных образовательных программ, учебников, и при этом рушатся веками сложившиеся русские научные школы, ибо представители этих

¹ Башмаков М. И., Поздняков С. Н., Резник Н. А. Информационная среда обучения. СПб.: СВЕТ, 1997. С. 40.

² Карен Хорни. Невротическая личность нашего времени. – Москва, 1993. С. 23.

школ поставлены на грань голодного вымирания. Т.е. внедряются образовательные технологии, построенные целиком на вербализации, на этих пятнадцати процентах информации.

То же можно сказать и о пассивном потреблении информации от компьютера, телевидения, аудио, радио, телефона. Такое получение информации все больше вытесняет активные формы досуга, творчества, познания, формирует жесткость мышления, лишает людей непосредственного общения друг с другом, происходит отчуждение от живой природы, что вызывает невольное стремление к упрощению картины мира. Не случайно Дж. Грант¹ писал, что «технология пронизывает собой наши мысли о мире и о нас самих. Пришествие технологии потребовало изменений в наших представлениях о том, что хорошо, что такое хорошо, как надо понимать здравомыслие и безумие, справедливость и несправедливость, рациональность и иррациональность, красоту и безобразие».²

Получается, что с социально-психологической точки зрения информатизация разрушает традиционные циклы жизнедеятельности людей и сам ритм их жизни; с моральной – вытесняет ценность межличностного общения, заменяет реальный мир виртуальным; с политической – усиливает возможности манипулирования индивидуальным и массовым сознанием. Как писал в свое время В. В. Розанов «техника, присоединившись к душе, дала ей могущество. Но она же ее и раздавила. Появилась «техническая душа»... И вдохновение умерло».³

С другой стороны, компьютеры, освобождая пользователя от рутинной работы, создают простор для развития его творческих способностей, роста профессиональных знаний, умения точно сформулировать свои мысли. Все эти обстоятельства накладывают своеобразный отпечаток на

¹ Грант Дж. Философия, культура, технология // Новая технократическая волна на Западе. – М. : Пресс, 1986 – С. 153 – 162.

² Там же, С. 161.

³ Розанов В. В. Мысли о литературе. М., 1993, с. 223.

характер человека. Его труд становится более ответственным, интеллектуально насыщенным, приобретает форму самодеятельности. Компьютеры развивают способность к самообучению, учат находить оптимальный вариант решения возникшей задачи. Такие качества просто необходимы при получении образования, например. Постепенно формируется культура диалога общения человека с машиной, в ходе которого происходит обмен информацией между машиной и пользователем, проводимый с помощью интерактивного терминала и по определенным правилам.

Основатель Римского клуба А. Пиччеи в своей замечательной книге «Человеческие качества», отмечая несоответствие этих качеств нынешним достижениям научно-технического прогресса, пишет, что созданная человеком техническая среда ослабила его физически, притупив биологическую активность. В результате, чем более «цивилизованным» становился человек, тем меньше он оказывался способным противостоять трудностям суровой внешней среды и тем больше нуждался в медикоментозной защите организма. Вместе с тем, отмечает А. Печчеи, шло развитие интеллектуальных способностей человека. Однако, если раньше эти способности приводились в соответствие со сложным искусственным миром, сотворенным человеком, то в последнее время равновесие между научно-техническим и культурным прогрессом, между прогрессом и биофизическими способностями человека оказалось серьезно нарушено. В результате на карту поставлена судьба человека как вида. Сегодняшняя проблема человеческого вида состоит в том, что он оказался неспособным в культурном отношении идти в ногу и полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир. Никто из нас еще до конца не приспособился ни психологически, ни функционально к изменившемуся миру и новому положению в нем человека. «Суть проблемы как раз и заключается в несоответствии между созданной человеком действительностью и тем, как он ее воспринимает и как учитывает в своем

поведении», – пишет А. Печчеи¹. Выход из создавшейся ситуации А. Пиччеи видит в культурной эволюции как важнейшей цели и основы человеческого развития, в изменении человеческих качеств в процессе революции в самом человеке. «Если мы хотим обуздать техническую революцию и направить человечество к достойному его будущему, – заключает А. Пиччеи, – то нам необходимо прежде всего подумать об изменении самого человека, о революции в самом человеке»².

В заключение можно сказать, для того, чтобы нивелировать отрицательное воздействие информационных технологий на общество, чтобы изменить при помощи этой технологии условия своего бытия в лучшую сторону, человек, прежде всего, должен изменить самого себя, используя тот огромный культурный, духовно-нравственный потенциал, который накопило человечество.

Воплощение идей символизма в музыкальной драме Клода Дебюсси «Пеллеас и Мелизанда»

Соколова Е. Ю., аспирант, Г. Н. Новгород

Символизм – одно из знаковых стилевых направлений европейского искусства, зародившееся во Франции на рубеже XIX-XX веков. В 1886 году вышел манифест символистов, написанный Жаном Мореасом, где возрождение литературы ставилось в зависимость от применения таких средств, как «преувеличение, необычность метафор, новый словарь, где гармония рождается из красок и линий». Символизм возник как «исследователь душ, тонких нюансов, скрытого и неожиданного подтекста, мимолетных и порой болезненных и напряженных впечатлений»³. Выдающимися представителями символизма были признаны П. Верлен, С.

¹ Печчеи А. Человеческие качества. М. : Прогресс, 1985. 312 с. С. – 234.

² Там же. С. – 43.

³ Владимирова А. Французская поэзия в вокальном творчестве Дебюсси // Дебюсси и музыка XX века. Л., 1983. С. – 179.

Малларме, А. Рембо и Ш. Бодлер, чей сонет «Соответствия» из книги «Цветы зла» становится евангелием новой поэтики.

В эпоху символизма музыка была возведена поэтами и художниками в ранг искусства, занимающего ведущее место в организации воображения человека. Символисты хотели творить на ее манер, по ее образу и подобию, поскольку согласно их убеждению, лишь она была способна в совершенстве внушать и передавать людям невыразимое. Ни в одну эпоху музыка не насчитывала столько почитателей среди литераторов и художников, как в эпоху символизма. Это был даже не культ, а настоящая религия музыки, где в центре поклонения стояла фигура Рихарда Вагнера. В своих воспоминаниях редактор «Ревю вагнерьен» Э. Дюжарден писал: «Его концепция искусства, его философия составляла как бы основу «символизма»¹. Таким образом, воодушевляясь Вагнером, символисты, прежде всего, имели в виду его эстетику, а не ее музыкальные воплощения, которые если даже и знали, то только по фрагментам, исполняемым на концертах или по впечатлениям немногочисленных слушателей. В искусстве Вагнера поэтов привлекала символика музыкальных мотивов и особый мистицизм. Культ Вагнера захватил всю Европу, включая и родину символизма – Францию. Музыкальная драма во Франции должна была стать произведением, в котором истинно французское должно было развиваться по правилам, заимствованным из вагнеровской системы. В оппозицию идеям Вагнера выступил французский композитор Клод Дебюсси, который считал невозможным развивать французскую музыку с постоянной оглядкой на немецкого композитора.

Идея создания крупного произведения, подобного опере, на текст из французской драматургии возникла у Дебюсси в 90-е годы, однако выбор литературной основы, который ему представился, был невелик. Уже в течение нескольких десятилетий французский театр переживал состояние

¹ Яроциньский С. Дебюсси, импрессионизм и символизм. М., 1978. – С. 111.

кризиса, оставаясь практически отлученным от большой литературы. Ни теория реалистического театра, созданная Э. Золя, ни творчество реалиста А. Бека, ни социально-психологические, еще не оцененные драмы Ибсена не изменили положение дел. Символистская драматургия во Франции не была развита в той же мере, в какой существовал символизм в поэзии. Сама эстетика поэтического символизма была противоположна театру.

Еще в 1889 году Дебюсси сформулировал свой идеал драматической музыки, который позже воплотился в «Пеллеасе и Мелизанде»: «Я не пытался подражать тому, что меня восхищало в Вагнере. Драматическую форму я понимаю по-другому: музыка начинается там, где слово бессильно. Музыка создана для невыразимого. Ничто не должно замедлять хода драматического действия: всякое развитие музыкальной темы, которого не требуют слова, является ошибкой, не говоря о том, что музыкальное развитие, даже краткое, нельзя подгонять к изменчивости слов»¹. А на вопрос, какой из поэтов мог бы создать текст либретто, отвечающий его требованиям, Дебюсси ответил: «Я мечтаю о текстах, которые бы не обрекали меня на создание длинных, скучных актов, а предоставляли бы мне изменчивые сцены, различные по месту действия и характеру своему, где персонажи не разглагольствуют, а живут»².

Стремление «снова стать французом», попытка создать истинно французский тип оперной драматургии, приводят Дебюсси к текстам Мориса Метерлинка. Как известно, Метерлинк – писатель бельгийский, а не французский. Но его драматургия так прочно вошла во французскую культуру, что символистский театр во Франции в первую очередь ассоциируется с творчеством Метерлинка. В своем творчестве писатель последовательно развивал новую театральную эстетику, получившую название «статического театра» или «театра молчания». Термин Метерлинка

¹ Яроциньский С. Дебюсси, импрессионизм и символизм. М., 1978. – С. 150 – 151.

² Яроциньский С. Дебюсси, импрессионизм и символизм. М., 1978. – С. 150 – 151.

«статический театр» отражает, прежде всего, его собственные поиски в области драмы. В каждой из драм источник действия лежит вне персонажей. «Персонажи обладают лишь большей или меньшей восприимчивостью – способностью к «отражению» действия в зависимости от того, какая у них – тусклая или зеркальная – поверхность души. «Внутреннее», или «психологическое» действие, как называет его Метерлинк – чувства в их движении, – не материализуется в поступки и только оттеняет абсолютную пассивность персонажей»¹. Активный рок выступает здесь как сила внешняя по отношению к человеку, но не встречающая в нем противодействия. Этим и обусловлена статика драм.

Для создания своей музыкальной драмы Дебюсси обращается к пьесе Метерлинка «Пеллеас и Мелизанда», вышедшей в 1892 году. Пьеса как нельзя более соответствовала вкусам и художественным устремлениям Дебюсси. По справедливому замечанию Б. Ярустовского, «почти вся драма Метерлинка соткана из диалогов – бесед с тончайшими психологическими модуляциями, стимулированными вторым внутренним течением эмоционального действия – предчувствиями, предвестниками. Слова-символы, слова-полунамеки, пластика сцепления слов, драматургия пауз, фоническая сторона – все это поднимает язык драмы до больших поэтических высот»². Дебюсси взял в качестве либретто почти всю драму Метерлинка. Композитор не свел содержание пьесы до ряда лирических сцен либретто, а попытался претворить ее важнейшие драматургические элементы и наиболее полно раскрыть ее образы. В итоге появилось монументальное сочинение из пяти действий. Премьера «Пеллеаса и Мелизанды», состоявшаяся 30 апреля 1902 года, оказалась одним из важнейших событий музыкальной жизни Парижа и вызвала бурные споры в прессе. Большинство рецензентов парижских газет писали о «постоянной туманности»

¹ Шкунаева И. Бельгийская драма от Метерлинка до наших дней. М., 1973. – С. 61.

² Ярустовский Б. Очерки по драматургии оперы XX века. М., 1971. – С. 60 – 61.

оперы Дебюсси, о полном пренебрежении им мелодией, гармонией, ритмом, высказывая подчас категорические суждения: «Его музыка смутна, зыбка, без колорита и контуров, без движения и жизни»¹. В ответ на обвинения критики, в беседе с журналистами в мае 1902 года Дебюсси сказал: «Прежде всего, я стараюсь сохранить характер, подлинную жизнь моих героев; я хотел, чтобы они высказывались помимо меня, сами по себе. Я предоставил им петь внутри меня. Я постарался их услышать и точно их запечатлеть»².

«Пеллеас и Мелизанда» Дебюсси – лирико-психологическая символистская драма. Композитор сохраняет основной принцип характеристики, присущий символистскому театру и заключающийся в обобщенности, отказе от индивидуализации. Как и пьеса Метерлинка, опера Дебюсси призывает не столько следить за развитием действия, конфликта, сколько размышлять и постигать глубинный смысл событий и подспудные эмоциональные токи происходящего, то есть то, что скрыто за внешними незначительными событиями и что является самым ценным и истинным в содержании оперы и пьесы. В «Пеллеасе и Мелизанде» все внимание композитора сосредоточено на событиях внутренней, духовной жизни героев, на эмоционально прихотливых и напряженных диалогах, на раскрытии взаимоотношений главных действующих лиц.

Несмотря на критику, постановки «Пеллеаса и Мелизанды» сопровождались все большим успехом, оперу узнали не только во Франции, но и за рубежом. «Пеллеас и Мелизанда» положила начало новой эпохе французской музыки. С этого времени культ Дебюсси сменяет во Франции существовавший ранее культ Вагнера. Музыкальная драма Дебюсси казалась современникам явлением уникальным, не имеющим предтеч во французской музыке. Необычный поэтический замысел, символическая

¹ Мартынов И. Клод Дебюсси. М., 1964. – С. 113.

² Дебюсси К. Статьи. Рецензии. Беседы. М., Л., 1964. – С. 53.

атмосфера музыкального действия, утонченность звуковых красок в сочетании с трагическими событиями, действием, настроениями – все это производило удивительное, ни с чем несравнимое впечатление. «Пеллеаса и Мелизанду» противопоставляли операм Вагнера, видя в ней возрождение подлинных национальных традиций.

Изучение образа города в трудах И. М. Гревса

Булычев Е. П., аспирант, Н. Новгород

Русское краеведение пережило в начале XX века свой наивысший подъем, в котором участвовали две выдающиеся личности: проф. И. М. Гревс и его ученик Н. Н. Анциферов. И. М. Гревсом были заложены основы городского краеведения. Ему принадлежит целый ряд трудов, посвященных созданному им «экскурсионному методу» обучения истории, но который, по существу, мог бы быть причислен и к методу изучения того, что И.М. Гревс называл «образом города», или более эмоционально - «душой города».

И. М. Гревс говорит о наглядной «биографии» городов, наблюдаемой более или менее открыто для его жителей и посетителей. Изучая город, нельзя ограничиваться лишь «внешней физиономией его». «Надобно изучить его биографию, познать его именно как своеобразную коллективную личность, и эта биография даст превосходно конкретизированную часть биографии данной страны и народа... Необходимо уразуметь процессы, какими эта душа слагалась, на какой почве, из какой цепи влияний и смены обстоятельств, - и к чему в конце концов привело город его прошлое»¹. Без всего этого невозможно и думать о познании образа города, а для архитекторов — о сохранении исторической преемственности в новой застройке.

¹ Гревс И.М. Город как предмет краеведения // Краеведение. - 1924. - № 3. - с. 245-258.

В каком же порядке должно вестись изучение образа города и с чем должен считаться архитектор? И. М. Гревс дает на это ряд последовательных ответов, сохраняющих до сих пор свою силу.

«Прежде всего, взгляд историка рассматривает город на земле в рамке окружающей природы, как физической среды, в которой разворачивается его многообразная жизнь. Здесь имеется в виду страноведение местности данного города в широком смысле: ее геология, рельеф и орошение, климат и почва, флора и фауна, естественные богатства и, наконец, мир человека, антропология и особенно этнография населения. В том же кругу чрезвычайно важно тщательное изучение, более специально, географического положения местности, ситуация ее во всей стране: этим подготавливается понимание очень многого в условиях возникновения города и его развития»¹. И этим в значительной мере определяются условия рождения города.

И. М. Гревс рекомендует не ограничиваться картами и планами, а закрепить свое понимание планировки города «с птичьего полета», поднявшись на башню, колокольню, барабан над куполом самого высокого храма. В Петербурге, — взойдя на галерею Исаакиевского собора над большим золотым его куполом, в Риме — на собор Святого Петра и т. д. При этом И. М. Гревс предупреждает: «виды а vol d'oiseau не особенно хороши в отношении художественном: в них стирается рельеф, все сплющивается, теряет телесность, нарушаются отчасти пропорции»². Для того чтобы противопоставить этому «расплывающемуся» воздействию видов сверху, очень важны, с точки зрения И. М. Гревса, традиционные видовые точки, с которых открывается обзор города сбоку. И. М. Гревс пишет: «В дополнение к указанному ознакомлению с панорамой города а vol d'oiseau существенно искать общих видов иного характера, так сказать

¹ Гревс И.М. Город как предмет краеведения // Краеведение. - 1924. - № 3. - с. 245-258.

² Гревс И. М. Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело. 1921. - № 1.

сбоку, из некоторого отдаления: они не откроют плана, но дадут часто чудные «фасы» и «профили», полные своеобразной жизни, прелести и значительности; они раздвинут перспективы для уразумения «психического облика» изучаемого, часто таинственного и сложного чувства. Некоторые из мировых городов, передовиков культуры и вечных объектов экскурсионного изучения, дают для этого, по самой ситуации своей, отличные возможности. В таком смысле одинаково неподражаемы и великолепны, каждый по-своему, виды Москвы с Воробьевых гор, Киева от памятника кн. Владимира, а на Западе — Рима с Яникула, Флоренции от Сан-Мартино или из Фьезоле, Парижа с Монмартра или из Сен-Клу. Кто это видел, тот испытал не только незабвенные впечатления, но и получит глубокие и прочные исторические образы»¹.

По-разному складываются взаимоотношения города с почвой, рельефом местности, водным пространством. То город расположен «у реки», по одну ее сторону (большинство волжских городов), то «пропускает» реку через себя (Новгород и его преемник Ленинград). То город стоит у подножия горы (София у Витоша в Болгарии), то окружает собой гору (Эдинбург вокруг Седла короля Артура).

У англичан есть понятие: skyline. Это не горизонт. Горизонт — это обычно очень отдаленная линия, где сходятся небо и степь, небо и вода моря или большого озера. Skyline - это очертание на фоне неба, линия схождения неба и гор, неба и домов; вернее, линия, прочерченная горами или рядом домов по небу. Но это и линия города на фоне неба. Так, например, англичане говорят «Thameside skyline» - силуэтная линия домов по Темзе.

В каждом городе есть точки, с которых хорошо видна skyline его зданий. С Воробьевых гор когда-то была отчетливо видна силуэтная линия

¹Гревс И. М. Монументальный город и исторические экскурсии //Экскурсионное дело. 1921. - № 1.

Москвы - с Кремлем и всеми вершинами церквей. Силуэты русских городов определялись, во-первых, тем, что они по большей части бывали построены на высоком берегу (русские реки имеют с одной стороны высокий берег и с другой - низкий), и на этом высоком берегу всегда бывала одна высочайшая точка храма или колокольни. Так было в Костроме, Нижнем и других городах.

Помимо зрительного и исторического образов города есть еще и немаловажный «звуковой образ» города: в свое время - это пароходные гудки в волжских городах, автомобильные гудки и трамвайные звонки во всех крупных городах, звуки военных оркестров в Петербурге и Лондоне, пение в итальянских городах и т. д.

Для образа города хотелось бы указать на важность рядовой застройки и ее характера. Нельзя нарушать фронт домов, заменяя его микрорайонным типом застройки. Архитектура рядовых домов XIX века обладает свойством особой «архитектурной уживчивости» - и с домами других эпох, и с выдающимися произведениями архитектуры, которые они окружают.

В Древней Руси этой «архитектурной уживчивостью» обладали обычные деревянные дома, в которые были встроены, введены отдельные каменные церкви. Застраивая районы между отдельными охраняемыми зданиями, надо стремиться к тому, чтобы либо сохранять облик района прежним, либо в какой-то степени делать его нейтральным.

И. М. Гревс был в высшей степени прав, когда утверждал, что, сохраняя и изучая историю города, мы выполняем «не тему из истории искусств, как таковую: последнее входит в дело лишь как составной элемент. Тут ставится общеисторическая задача: мы изучаем биографию коллективного существа, «жизнь лица» составляется из многообразных сторон. Так и жизнь города должна познаваться в ее экономической, веще-

ственно-бытовой и социальной, политической, умственной, художественной и религиозной природе и правде».

Совершенно прав И. М. Гревс, когда утверждает, что образ города неотделим от образа его окрестностей. «Рим, Париж, Флоренция становятся вполне ясны в своих таинственно-многозначительных лицах только при сообществе с типичными «филиалами», - Рим с Тиволи, Альбано, Фраскати, Палестриною, Витербо, — Париж с Сен-Клу, Фонтенбло, Шатильи, Сен-Жерменом и Версалем, Флоренция с Фьезоле, виллами Медичи, даже дальше, с Прато, с Пистойей и Ареццо. Только вместе дают всю правду о великом прошлом руководившего ими центра. Так же точно уяснению Москвы прекрасно служат окружающие ее монастыри и царские либо княжеские дворцы и поместья, а душу Петербурга прекрасно толкуют Петергоф, Царское, Павловск, Гатчина и Ропша, Ораниенбаум, Кронштадт и Шлиссельбург»¹.

Таким образом, мы видим, что краеведческое изучение и краеведческое сохранение городов имеет чрезвычайно сложную, богатую и трудную структуру. Однако как сохранить образ города в современных условиях разрастания населения, транспорта, промышленности и т. д.? Ясно, что строительство по окраинам не спасет город как культурный центр, особенно если иметь в виду то, что только что было сказано о роли окрестностей в создании «образа города», его «души». Разрастание пригородов в конце концов раздавит город. Ответ на этот вопрос должны дать градостроители. Им надлежит создать новые приемы градостроительства, которые позволили бы сохранить старые города как важнейшие ценности нашей истории. Здесь могут быть предложены различные способы: создание невдалеке от исторического города в продуманной связи с ним городов-спутников или

¹ Гревс И. М. Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело. 1921. - № 1.

создание цепи линейных городов, объединенных скоростной транспортной системой.

В заключение хотелось бы напомнить о том, что память - это не сохранение прошлого, это - забота о вечности. Память в одинаковой мере стремится к сохранению прошлого для вечности, настоящего для вечности и будущего для будущего, чтобы оно тоже, в свою очередь, не ушло и служило вечности. Память - это форма воплощения вечности и преодоления времени.

Модель социального мира в работах

М. Ронцони и Л. Валентини

Доронин А.С., к.ф.н., доцент, г. Смоленск

В ряде современных исследований тема психологии социальных конфликтов получила серьезную разработку с упором на такие психологические понятия, как «человеческая коммуникация», «человеческое взаимопонимание», «истина», «справедливость». Проводимые в этом ключе исследования показывают возможность эффективного управления социальными конфликтами с помощью организационных технологий, подталкивающих людей к выбору пути взаимопонимания вместо пути взаимного отчуждения и конфронтации. Подобные исследования демонстрируют, что общей организационной технологией минимизации рисков социальных конфликтов является вовлечение людей в процедуры, которые бы гарантировали *каждому* участнику, что его естественные человеческие права именно в ходе процедуры не будут ущемлены. И выполнение этого требования справедливости самой процедурой достаточно для людей, чтобы они *все* согласились со справедливостью любых результатов процедуры, даже если эти результаты кого-то из участников не удовлетворяют. Классический пример реальной справедливости для всех – процедура свободных и честных выборов. Если выборы свободные и чест-

ные, ни один избиратель не будет чувствовать себя ущемленным в своих естественных человеческих правах *по процедуре*, и тогда *все* признают результаты выборов законными и справедливыми (даже разочарованные результатами). И это будет акт *добровольной* социальной солидарности, *добровольного* социального мира.

Модель социального мира (эффективного управления социальными конфликтами), основанную на психологии человеческой коммуникации, например, предлагает исследование социологов из Италии М. Ронцони и Л. Валентини. Эти социологи оценивают два подхода к ответу на вопрос, что такое истина и справедливость в человеческом обществе, - подход Г. Коэна (Cohen), считающего понятие справедливости производным от понятия объективной истины (единой истины для всех), и конструктивистский подход, представленный видным социологом Дж. Ролзом (Rawls), согласно которому не истина, а справедливость является фундаментальным для человека понятием. Анализируя оба подхода, М. Ронцони и Л. Валентини показывают предпочтительность конструктивистской идеи использования понятия справедливости (а не истины – как у Г. Коэна) в построении модели социального мира. Они показывают, что «истина» – красивое понятие, однако несущее в себе некий соблазн, поскольку реально истина не дана никому в том смысле, что в обществе нет индивидуальных, либо групповых держателей истины, но общество способно солидаризоваться на понятии справедливости¹.

Согласно конструктивистам, пишут М. Ронцони и Л. Валентини, принцип справедливости не существует в виде некоего объективного знания – одного на всех, но определяется на основе «минимальной» концепции рациональности и понимания недетерминистской реальности взаимозависимости людей. Конструктивисты утверждают, что проблема

¹ См.: Ronzoni M., Valentini L. On the meta-ethical status of constructivism: reflections on G.A.Cohen «Facts and principles» // Politics, Philosophy & Economics. – L. – Vol.7, № 4. – P.403-423.

справедливости *возникает* (а не существует как «постоянная» объективная реальность), когда люди с их несовершенной рациональностью вступают во взаимодействие. Тогда и требуется ответить на актуальный вопрос, какие принципы могут удовлетворить это множество разных людей, взаимозависимость которых характеризуется известным дефицитом рациональности и детерминизма. И конструктивисты отвечают в духе Канта: только те принципы будут справедливыми, которые смогли бы принять *все* люди. Принятие принципов даже большинством не делает их справедливыми, поскольку не существует объективной, одной на всех, истины. Значит, справедливость должна быть не навязана даже незначительному меньшинству, в идеале даже одному «несогласному», но именно принята каждым, что имеет глубокий социальный смысл – запрета на монополизацию истины индивидами или группами с превращением остальных лишь в «объекты» истины. Конструктивистское требование принятия принципов всеми может быть выполнено только в одном случае – если эти принципы совместно вырабатываются всеми участниками данного «форума», приходящими, таким образом, к компромиссу и договору в отношении того, что считать истиной. Конструктивистский подход к обоснованию принципов (истин) переводит контекст обоснования в контекст демократической процедуры рождения принципов, моделирующей общество согласия, солидарности, социального мира.

Именно в разном подходе к проблеме обоснования принципов, продолжают М. Ронцони и Л. Валентини, – существенное различие между позицией Г. Коэна и конструктивистской позицией. Вообще, решение задачи обоснования – это поиск истины. У Коэна обосновывающим принципом выступает не зависящий от фактов принцип прямого действия, т.е. принцип-истина. Однако Коэн не способен решить задачу обоснования, поскольку не способен обосновать истину этого «конечного» принципа, произвольно останавливая обосновывающую цепочку на некоей

интуиции мышления, которое «знает», когда эту цепочку остановить, «зная», что оно собственно хочет, раскручивая цепочку. Согласимся, что довод Коэна несерьезен, и что Коэн загоняет себя в тупик обязательством поиска истины. Конструктивисты же свободны от такого обязательства. Они не ищут истину, и их обосновывающий принцип носит не субстанциальный (прямого действия), как у Коэна, но методологический характер – таким принципом является у них сама процедура достижения договора о принципах, которые, добровольно принятые всеми участниками договорного процесса, тем самым и будут считаться истинными, в смысле легитимными, принципами.

Конструктивисты дают понять очень важную вещь – что для человеческой рациональности, в человеческом обществе гораздо значимее легитимность, нежели истинность. Причем имеется в виду не всякая легитимность, но однозначно та, которую несет в себе демократическая процедура договора о принципах. Установления самовластных персон, пусть и освященные государственным авторитетом, нелегитимны по определению и, значит, несправедливы. Легитимность, понятая с позиции конструктивизма, и есть справедливость, поскольку легитимные в конструктивистском смысле принципы приняты всеми участниками процедуры выработки принципов. Проблема легитимности-справедливости принципов состоит единственно в обеспечении подлинно демократической процедуры – когда, действительно, можно было бы сказать, что ни один участник не ущемлен по процедуре. И если условие «неущемления по процедуре» выполнено, установления будут легитимными (справедливыми) даже в случае несогласного с ними меньшинства, права которого были соблюдены в процедуре. Процедура для человеческой рациональности, в человеческом обществе – главное, поскольку процедура может удовлетворить всех и каждого, и хотя в отношении результатов вступает в силу

непреложный статистический порядок, социальная солидарность уже обеспечена процедурой.

Г. Коэн мог бы возразить конструктивистам, что на их процедуре не заканчивается обосновывающая цепочка принципов, поскольку конструктивистскую процедуру как методологический принцип оправдывает вполне субстанциальный принцип «индивиды свободны и равноправны», который сам нуждается в обосновании. Однако это - формально-логическое возражение, и на него отвечает тот факт, что лишь поставленные в условия свободы и равноправия индивиды способны выработать приемлемые для каждого из них принципы. Почему так должно произойти? Потому что в этой ситуации свободы и равноправия, когда каждый из них свободно преследует свои жизненные планы, никто из них не захочет быть ущемленным другими, и все они будут вынуждены включить разум, здравый смысл в поисках компромисса, как бы изначально ни расходились их представления о должных принципах. Так что принцип свободы и равноправия индивидов не нуждается в обосновании, поскольку он непосредственно встроен в процедуру, о которой говорят конструктивисты, определяет ее ход. Это даже не принцип, а условие осуществления процедуры установления легитимных (справедливых) принципов.

Если Г. Коэн говорит о проблеме объективного обоснования (принципов), то конструктивисты указывают на условия рационального поведения людей. Такими условиями конструктивисты считают свободу и равноправие, в которых люди, взаимодействуя друг с другом и сопротивляясь взаимному давлению, будут вынуждены убеждать друг друга и, тем самым, приходиться к компромиссу в виде intersубъективных принципов, установлений, истин. Именно в этом, согласно конструктивистам, заключается рациональное поведение людей – в преследовании людьми своих долгосрочных интересов, которые можно преследовать лишь в условиях свободы и равноправия, когда люди рационально идут навстречу друг дру-

гу с тем, чтобы сохранить собственную свободу и собственное равноправие. Таким образом, конструктивисты показывают, что человеческая рациональность, поставленная в идеальные условия (свободы и равноправия), не будет искать объективную истину, но предпочтет (именно рационально) поиск взаимопонимания на основе intersубъективных – приемлемых для всех – принципов.

Отсюда следует, что позиция конструктивизма в отношении понятия «объективная истина» не столь прямолинейна, как это может показаться на первый взгляд - будто конструктивисты строят свою позицию на отрицании существования объективной истины. Они говорят, что человек в условиях свободы и равноправия вынуждается этими условиями к рациональному выбору поиска взаимопонимания на основе установления приемлемых для всех (понятных всем) intersубъективных истин. И это не запрет для человека искать объективную истину – просто в условиях свободы и равноправия такой поиск не будет рациональным, будет разобщать людей, упорствующих в своих представлениях о должном и не ищущих компромисса. Для Г.Козна объективная истина – принцип прямого действия. Для конструктивистов объективная истина – идеал, который актуализируется в социальных условиях несвободы и неравноправия и под флагом которого несвободные и бесправные люди начинают борьбу за «истину» и «справедливость». Свобода и равноправие – общественный идеал. Социальная же реальность характеризуется той или иной степенью несвободы и бесправия, и именно поэтому идеалы «истины» и «справедливости» никогда не умирают в обществе, поддерживая в нем определенный градус ригоризма, нетерпимости, противостояния. Этот градус «зашкаливает» в тоталитарной политической системе, где много найдется искателей истины и справедливости, в реальной же демократии, где свобода и равноправие не столь ущемлены, он невысок, но всегда в любом обществе

сохраняется иллюзия одной для всех истины и соответствующей справедливости – справедливости не процедуры, а результата.

Конструктивисты как социальные философы сумели раскрыть коренящийся в человеческой рациональности механизм социально-политического развития, разрушающего ожидания, например, механизм социально-политических революций, которые (в частности, Великая французская революция), как правило, разрушали связываемые с ними ожидания. Конструктивизм хорошо объясняет этот феномен. Социально-политические революции совершаются под флагом восстановления истины-справедливости, т.е. под заведомо обманчивым флагом. И как только революция свершается, общество вновь, хотя и по-новому, оказывается без истины и справедливости. И начинается новая борьба под тем же обманчивым флагом, хотя все, что требуется для снижения актуальности этого флага, - реальная демократия, т.е. процедура неущемления каждого в свободе и равноправии.

Конструктивисты заслуживают своего имени «конструктивистов» - не только потому, что они считают принципы «конструируемыми», но и потому, что настаивают на социальной конструктивности человеческой рациональности, ищущей - в естественных для себя условиях свободы и равноправия - человеческого взаимопонимания и социального согласия. В свете этой своей идеи социального мира конструктивисты доказывают, что в человеческом мире обосновывающие стратегии должны быть не объективными, а intersubjectivными, объединяющими людей взаимопониманием. Флаг истины-справедливости может объединить людей, но против кого-то и на короткое время, а затем неизбежно последует разочарование. И лучше этот флаг держать свернутым, поскольку он всегда разворачивается не в интересах общества, но в интересах группы, стремящейся к власти.

Конструктивизм – довольно сильная социальная и моральная философия, способная ответить на базовые моральные вопросы, причем не в претенциозном плане, что люди должны делать, но в плане, чего люди делать не должны. Они не должны обольщаться понятием «истина» по той причине, что реально люди живут в условиях взаимного отчуждения и дефицита взаимопонимания, и морально - стремиться к преодолению этого отчуждения, устранению этого дефицита.

Дело не в том, резюмируют свое исследование М.Ронцони и Л.Валентини, чтобы хвалить конструктивизм, но в том, что позицию Г.Коэна легко оспорить, а найдутся ли достаточно сильные доводы против защищаемой конструктивистами модели интерсубъективной справедливости – большой вопрос.

Человеческая коммуникация – источник конфликтов – осуществляется в социальном поле, является именно социальной коммуникацией. Социальная же коммуникация всегда «нагружена» содержанием какой-либо деятельности, поскольку социальная среда – это среда не просто «пробывания» человека, но среда человеческой деятельности (человек – всегда деятель). Деятельная социальная среда – организованная, функционирующая в рамках институтов (определенных правил и ограничений). Ее системными «единицами» выступают институциональные образования, которые мы привычно называем «организациями». Организационная структура общества, в сущности, не оставляет человеческой коммуникации места за пределами «организаций». Отвлеченная от «организационной нагрузки» человеческая коммуникация – это коммуникация вне общества. Человек с первого и до последнего дня своего жизненного пути вовлечен в организации. Новорожденный – в организацию «семья». Далее – в организацию «школа», далее – в организацию «работа (занятость)». Даже одинокий старик называется «пенсионером», т.е. выбывшим из организации «занятость» и поступившим в организацию «после занятости». Даже

тот, кого именуют «бомжем», рассматривается как выброшенный из всех организаций – асоциальный человек.

Таким образом, само понятие «социальный конфликт» страдает некоторой тавтологией – конфликты, поскольку они происходят в социальной и, значит, организационной среде, всегда являются социальными и организационными конфликтами. Однако мы говорим о социальных конфликтах в противовес индивидуальным конфликтам, тоже социальным в вышеозначенном смысле, но не являющимся социальными конфликтами в том смысле, что индивидуальные конфликты не представляют столкновения интересов социальных групп. Поэтому, хорошей моделью социального конфликта является конфликт в организации – объединении людей, осуществляющих определенную профессиональную деятельность. Например, подобной организацией выступает наука в целом и конкретное научное учреждение в частности, любое предприятие, любая фирма, любой коллектив, выполняющий совместную работу – организационная форма не имеет значения.

Собственно, общество в целом есть организация, в которой распределены социальные роли:

- между управлением (правительством) и обществом-«персоналом»;
- внутри общества-«персонала» – между крупными институтами (наукой, экономикой, искусством, религией);
- внутри крупных институтов – между отдельными организациями.

Вся эта организационная структура пронизана вертикальными (иерархическими) и горизонтальными (партнерскими) взаимоотношениями, в которых непрерывно сталкиваются интересы участников, рожденные именно организационной, социально-ролевой жизнью людей, - социальные интересы. То есть общество как организация непрерывно восполняет свой конфликтный потенциал, поэтому, находясь в постоянном «внутреннем напряжении», готовым прорваться по подходящим поводам актуальными

конфликтами. И как организация же общество обладает ресурсом удерживать свой конфликтный потенциал от актуализации. Этот организационный ресурс – управление. И все зависит от того, насколько управление выполняет свою миссию эффективного управления социально-конфликтным потенциалом.

«Техно» и «био» в борьбе за выживание «эко»

Торунова М.Н., к.т.н., доцент, г. Н. Новгород

О живой природе принято говорить как о саморегулирующейся, самовозрождающейся системе. Обыватели говорят, что в природе все утилизируется, т.е. разлагается до элементарных веществ. Но если бы так было, то откуда взялись бы все биогенные осадочные породы – мелы, известняки, мраморы и другие? Уголь, нефть, сланцы – все это ведь тоже «отходы» прошлых геологических эпох. При полной утилизации не сформировались бы почвы, не отлагались бы торфы. В тропических лесах, где круговорот веществ наиболее совершенен, почв практически нет. А в черноземных степях – почти двухметровый слой, да и под ним не просто минеральный слой, но продукт былых экосистем.

Секрет природы не в том, что она безотходна, а в том, что неизбежные отходы так депонированы и в таком виде, что они не оказывают вредного воздействия на природу на будущих этапах ее развития. Если, конечно, в круговороты веществ в биосфере не вмешивается человек. Сжигая в огромных количествах угли и нефти, мы выпускаем в атмосферу ту углекислоту, что была надежно захоронена – эволюционно депонирована природой древних эпох. А потом с удивлением замечаем климатические аномалии. Кто-то до сих пор еще полагает, что ничего страшного не произойдет. Сжигали и будем еще больше сжигать органического топлива. Природа все стерпит...

Экологическая обстановка, особенно вокруг больших мегаполисов, сильно осложнена количеством бытовых и промышленных твердых отходов жизнедеятельности человека, растущих в геометрической прогрессии! И именно эти отходы природа утилизировать самостоятельно не может.

По российской терминологии, полигоны – это объекты размещения отходов, требования к которым в самом общем виде представлены в ст.12 Федерального закона «Об отходах производства и потребления»¹. Полигон твердых бытовых отходов концентрирует на ограниченной территории значительное количество загрязняющих веществ, которые образуются в результате протекания различных химических, ферментативных и биохимических реакций. Техногенное влияние полигонов на окружающую среду обусловлено образующимся при деструкции отходов биогазом, загрязненными фильтрационными водами, формированием техногенных свалочных грунтов.

В России действуют санитарные правила и нормы СанПиН 2.1.7.1038-01 «Гигиенические требования к устройству и содержанию полигонов для твердых бытовых отходов (ТБО)»². Их отдельные нормы весьма схожи с требованиями Директивы № 99/31/ЕС от 26 апреля 1999 года о полигонах захоронения отходов³, хотя и менее детализированы. В российских СанПиНах существует деление полигонов в зависимости от опасности отходов. В них говорится о статической устойчивости ТБО, нормах обеспечения контроля за составом поступающих отходов, их круглосуточном учете, необходимости учета климатических, географических, почвенных и иных условий при размещении.

¹ Федеральный закон РФ 89-ФЗ от 24.06.1998 г. «Об отходах производства и потребления», с изменениями от 19.07.2011 г. № 248-ФЗ.

² СанПиН 2.1.7.722-98. Гигиенические требования к устройству и содержанию полигонов для твердых бытовых отходов.

³ Директива № 75/442/ЕЭС от 15.06.1975 г. «Об отходах», дополненная Директивой № 91/156 ЕС от 18.03.1991 г.

Санкционированные свалки – разрешенные органами исполнительной власти территории (площадки) для размещения промышленных и бытовых отходов, но не обустроенные в соответствии с СНиП 2.01.28-85 и эксплуатируемые с отклонениями от требований санитарно-эпидемиологического надзора. Они являются временными, подлежат обустройству в соответствии с указанными требованиями или закрытию в сроки, необходимые для проектирования и строительства полигонов, отвечающих требованиям СНиП 2.01.28-85.

Как показывают данные инвентаризации, из всего количества санкционированных объектов размещения отходов только 8% отвечают санитарным требованиям. Остальные нарушают природный ландшафт и представляют значительную эпидемиологическую опасность.

Основными проблемами, связанными с полигонным депонированием, являются:

- изъятие значительных площадей земельных ресурсов – ежегодно в России для размещения отходов отчуждается 10 тыс. га пригодных для использования земель;

- выделение летучих загрязняющих веществ, в том числе – относящихся к парниковым газам;

- загрязнение грунтовых и подземных вод, связанное с отсутствием или нарушением функционирования защитного экрана и дренажной системы, попадание стоков в поверхностные водоемы;

- выделение веществ, обладающих неприятным запахом и образующих с воздухом взрывоопасные смеси;

- негативное влияние на объекты растительного и животного мира на прилегающих к полигону территориях.

В естественных условиях можно выделить пять фаз распада органических веществ, входящих в состав твердых бытовых отходов:

- аэробное разложение с выделением диоксида углерода;

- анаэробное разложение с выделением кислотообразующих веществ (кислое брожение);
- анаэробное разложение с частичным выделением метана (смешанное брожение);
- анаэробное разложение с постоянным выделением метана;
- затухание анаэробных процессов.

Первая и вторая фаза протекают в первые 20-40 дней с момента захоронения отходов, продолжительность протекания третьей фазы до 700 дней. Длительность протекания четвертой фазы – 15-30 лет, именно она является определяющей с точки зрения выделения биогаза. Затухание всех процессов разложения твердых бытовых отходов возможно в течение 20-50 лет.

В состав биогаза входят метан, моно- и диоксид углерода, сероводород, меркаптаны, альдегиды, спирты, бензолсодержащие соединения, фенолы и др.). Удельное выделение газов оценивается в 60-150 м³ на 1 тонну ТБО. Так называемый «свалочный газ» горюч, его теплотворная способность равна приблизительно 5500 ккал/м³. Большую опасность представляет неконтролируемое перемещение биогаза внутри массы твердых отходов в результате эффузионных, конвекционных или диффузионных процессов. Для предотвращения негативных воздействий свалочного газа полигоны ТБО должны быть оснащены системами дегазации.

Не меньшее, а часто значительно большее, негативное влияние полигоны твердых бытовых отходов оказывают на наземные и подземные водные объекты. Состав загрязнителей в фильтрате, подобно составу выделяющихся газов, зависит от фазы разложения органических веществ. В просачивающихся со свалок ТБО водах содержатся разнообразные загрязняющие вещества органического и неорганического происхождения, в том числе соединения тяжелых металлов.

Таким образом, для снижения негативного воздействия полигонов ТБО на окружающую среду биогаз должен отводиться по системе сбора и использоваться либо обезвреживаться, а просачивающиеся со свалок воды должны улавливаться дренажной системой и отводиться в очистные сооружения, либо фиксироваться методом отверждения. Принцип фиксации (физический, химический или биохимический), с одной стороны и свойства отвержденных монолитов (их твердость, склонность к образованию трещин, эрозия, водонепроницаемость) – с другой, определяют длительность хранения закрепленных веществ в этом состоянии. Микробиологические процессы, происходящие в аэробных или анаэробных условиях, обуславливают изменение первоначальной химической структуры вредных веществ и тем самым приводят к изменению скорости их диффузии и вымывания.

В настоящее время хранилища, а также свалки для бытового мусора следует эксплуатировать только как промежуточные места складирования с тем, чтобы избежать длительных воздействий на экосистему. Необходимо разрабатывать и внедрять комплексные схемы сортировки и утилизации ценных компонентов отходов, превращая их во вторичные сырьевые ресурсы.

Любая система развивается за счет окружающей ее среды. Система человечества растет и по численности и по суммарным потребностям, увеличивается экспоненциально не только и даже не столько по количеству индивидов, сколько по техногенному давлению на среду жизни. При таком положении, даже если для всех отраслей хозяйства разработаны малоотходные технологии, это будет лишь временным выходом из положения, отсрочкой катастрофы, но не кардинальным решением экологических задач.